

Ольга Суворова

МЫ ТОЛЬКО СТОИМ НА БЕРЕГУ...

*«И увидел я другого Ангела, летящего по средине неба,
который имел вечно Евангелие, чтобы благовество-
вать живущим на земле и всякому племени и колену,
и языку и народу; и говорил он громким голосом:
убойтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил
час суда Его, и поклонитесь Сотворившему небо
и землю, и морю и источнику вод».*

Откровение Иоанна Богослова 14:6-7

Ольга Суворова
Мы только стоим на берегу...
Серия «Книги жизни»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3261865
Мы только стоим на берегу... / Ольга Суворова.: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-56364-7

Аннотация

Эта книга основана на уникальных документальных материалах о жизни одного из самых ярких лидеров протестантского движения в России, руководителя Церкви христиан-адвентистов Седьмого дня, доктора богословских наук, выдающегося переводчика Библии на современный русский язык Михаила Петровича Кулакова. Из записей бесед с М. П. Кулаковым, воспоминаний его детей и друзей раскрывается жизненный путь человека, прошедшего через преследования, сталинские лагеря и противостояние внутри церкви. Главная идея книги – каждый человек имеет право на духовный поиск и на свободу выбора своего религиозного пути. Впервые свободно говорится о проблемах внутри протестантских конфессий и о компромиссах, на которые приходилось идти лидерам всех церквей в советское время. Эта книга – еще один шаг к миру, свободному от всяческого религиозного фанатизма, к миру, где нет «своих» и «чужих».

Содержание

Вместо предисловия...	6
Часть первая. Суд человеческий	8
Беседа первая	10
Из воспоминаний Петра Степановича Кулакова о своем отце	12
Из воспоминаний Петра Степановича Кулакова о крещении, состоявшемся в Ростовской области в 1921 году	15
Беседа вторая	16
Из статьи М.П.Кулакова «Церковь и меч государства»	17
Беседа вторая (продолжение)	18
Беседа вторая (продолжение)	19
Беседа третья	21
Из воспоминаний Анны Мацановой, записанных со слов Марии Михайловны Кулаковой, матери Стефана и Михаила Кулаковых	25
Беседа четвертая	26
Из воспоминаний Анны Ивановны Кулаковой, супруги Михаила Петровича Кулакова	30
Беседа пятая	34
Беседа пятая (продолжение)	36
Беседа пятая (продолжение)	39
Беседа шестая	42
Беседа седьмая	50
Из писем Михаила Петровича Кулакова сыну Михаилу в армию	54
Из беседы с Петром Кулаковым	58
Беседа восьмая	60
Беседа девятая	62
Беседа десятая	65
Беседа одиннадцатая	69
Беседа двенадцатая	71
Часть вторая. Узкие врата	76
Беседа тринадцатая	79
Из беседы с М.М.Кулаковым	81
Из книги М.П.Кулакова «Хотя бы обрушились небеса...»	84
Из беседы с Петром Кулаковым	87
Беседа тринадцатая (продолжение)	90
Из беседы с Д. Д. Кулаковым, племянником М. П. Кулакова	93
Беседа тринадцатая (продолжение)	95
Беседа четырнадцатая	98
Беседа пятнадцатая	101
Из статьи М.П.Кулакова «Церковь и меч государства»	102
Беседа пятнадцатая (продолжение)	104
Из беседы с Петром Кулаковым	106
Рейнеке-Лис в советском лагере для политзаключенных	110
Беседа шестнадцатая	116
Беседа семнадцатая	120

Из статьи М.П.Кулакова «Церковь и меч государства»	122
Часть третья. Путь к вершине	126
Беседа восемнадцатая	127
Из беседы с И.Я.Грицем, ректором и преподавателем Колледжа библейских основ церковных служений «Наследие»	130
Беседа восемнадцатая (продолжение)	133
Беседа восемнадцатая (продолжение)	138
Беседа с И.Я.Грицем, ректором и преподавателем Колледжа библейских основ церковных служений «Наследие»	140
Из беседы с Михаилом Кулаковым	147
Постскриптум	150

Ольга Суворова

Мы только стоим на берегу...

Благодарю всех моих друзей, с первого дня поддерживавших меня в работе над книгой: Анну Белокрыльцеву – первого читателя, редактора и доброжелательного критика за неоценимую помощь в работе над текстом; Ивана Лобанова, старшего научного сотрудника Института перевода Библии им М.П.Кулакова – за подготовку к печати глав, требующих научного редактирования. Благодарю Владимира и Елену Рудой, в их гостеприимном доме в пос. Заокском написаны многие страницы этой книги; моего мужа Сергея Суворова, с которым мы вместе проехали по местам, где оставил свой «след на земле» герой этой книги. Благодарю Илью Яковлевича Грица, ректора и преподавателя Колледжа библейских основ церковных служений «Наследие» за подробное интервью, послужившее основой для третьей части. Особая благодарность Михаилу, Павлу и Петру, сыновьям Михаила Петровича Кулакова, за щедрость, с которой они делились со мной информацией о своем отце, а также за постоянную душевную поддержку, вселяющую в меня уверенность в нужности настоящего издания.

Вместо предисловия...

Москва, начало ноября 2009 года, конец рабочего дня. Звонок мобильного телефона. В трубке красивый мужской голос:

– Оля!

Не сразу понимаю, кто это, потому что редко перезваниваемся:

– Петя?.. Ты? Ты в Москве?

Рада безумно, с Петей и его семьей, более 10 лет живущей в Америке, меня связывает многое.

– В Москве. Можем сейчас встретиться?

Быстро соображаю, что сегодня надо доделать срочно, а что можно отложить на завтра.

Петя понимает мою паузу по-другому:

– Понятно, не можешь... А я только до завтрашнего утра в Москве.

Слышу в его голосе что-то такое, что заставляет меня перестать взвешивать все «за» и «против», но для приличия ворчу:

– Что раньше не позвонил? Где ты сейчас?

– Только что приземлился в Шереметьево, через час буду в центре, на Красной Пресне.

– Давай через час, нет – через полтора часа на «Краснопресненской» в...

– В «Му-Му»...

Не очень хочется встречаться с Петей в таком месте, но уже привыкла, что русские, прилетающие из Америки, хотят русской кухни. Поэтому – «Елки-палки» или «Му-Му».

Ехать совсем недалеко, но по московским пробкам получается довольно долго. Перебираю причины, по которым Петя так срочно и с такой несвойственной ему настойчивостью оторвал меня от работы.

Лет 12 назад оказались мы с ним в такой же пробке на площади Маяковского, и вдруг Петя сказал: «Хочешь, подарю тебе радиостанцию?»... Года за два до этого Петя и его брат Миша предложили мне зарегистрировать просветительский фонд. А в начале 1990-х, когда все вокруг рушилось со стремительностью горного обвала, в коридоре Всероссийского Дома радиозаписи (ГДРЗ) я услышала от Пети предложение перейти на работу в только что созданный им первый в России Христианский телерадиоцентр... в Туле!

– Я же живу в Москве. И вообще я закончила консерваторию, умею только на рояле играть!

– А может, тебе попробовать и что-то другое – не только играть на рояле?..

А еще раньше, в конце 1980-х, я познакомилась с отцом Петра и Михаила – Михаилом Петровичем Кулаковым. И эта встреча перевернула всю мою жизнь, разделила ее на «до» и «после»...

Сидим в «Му-Му». Петя – совсем седой, но все такой же красивый. Голос – как у всех Кулаковых – тягучий, бархатный и певучий, говорит с чуть заметным акцентом. Первый же вопрос застает меня врасплох:

– Ты знаешь, от чего умер отец Георгий Чистяков?

Господи, зачем это ему? Кто?..

– У него же был рак мозга? Да? – продолжает Петя. – Как точно называлось его заболевание?

– Не помню, какое-то сложное название. Зачем тебе? Сейчас позвоню, узнаю...

Звоню Гале Чаликовой, директору благотворительного фонда «Подари жизнь». Знаю, что она до последних дней отца Георгия доставала ему дорогие лекарства. Галя, конечно, помнит, она знает все эти страшные диагнозы, она каждый день спасает жизни детей и взрослых. Иногда мне кажется, что она про все болезни знает лучше врачей... Доверие к ней так

велико, что то ли в шутку, то ли всерьез я часто говорю мужу: «Когда буду болеть, не звони в «Скорую», звони Гале Чаликовой». Галя говорит: глиобластома. Петя повторяет:

– Глиобластома... Папе тоже поставили этот диагноз.

Вот и все. Такое красивое, такое звучное название – «глиобластома», но в нем – приговор. Жить Михаилу Петровичу осталось всего несколько месяцев. Если, конечно, не произойдет чудо. Отцу Георгию после постановки этого диагноза жизни было отмерено всего четыре месяца. Значит, и Михаилу Петровичу – не больше. Впервые Петина замечательная улыбка видна только в уголках рта, а в обычно смеющихся глазах – тоска. Ведь Михаил Петрович и для него, и для всех остальных его детей больше, чем отец. Один мой знакомый говорит, что, если бы в адвентизме существовал институт святости, Михаила Петровича первым причислили бы к лику святых.

Часть первая. Суд человеческий

Впервые я попала в поселок Заокский Тульской области летом 1989 года. Мы поехали туда большой компанией из Тарусы, где каждое лето с сыном жили на даче. Я помню этот ясный летний день с ярко-зеленой, вымытой дождем листвой и подсыхающими лужами. Мы шли по обычной деревенской дороге – и вдруг – о, чудо! – асфальт. Новенький, чистый, как в городе. Потом из-за поворота показался крест, возвышающийся над красной башенкой. Затем открылась вся сказочная картинка полностью. Красное, необычное для нашего пейзажа и необыкновенно красивое здание – с колоннами, с полукруглыми большими окнами. Вокруг здания – высокая ограда, а за ней все утопает в розах – красных, желтых, белых. Сотни, тысячи роз! Помню ощущение одновременно восторга и страха – позволено ли нам войти в такую красоту? Мы стояли и смотрели, а из открытых дверей храма звучал хор...

В то лето я много читала Марину Цветаеву, и почему-то запомнилась ее фраза: «На том берегу Оки жила секта хлыстов»... Каким-то причудливым образом в моем внутреннем видении соединились «адвентисты» и «хлысты». Кажется, кто-то, рассказывая про Заокский, сказал: «На том берегу Оки адвентисты построили храм». Я тогда твердо решила – посмотреть на храм поеду, а на службу к хлыстам-адвентистам не пойду... Но кто-то из храма, очень внимательный, заметил нашу группу, неуверенно топтавшуюся перед входом, и нас пригласили войти. Вошли – и не поняли, куда попали. Храм ли это? Или концертный зал? Была суббота. За кафедрой молодой человек. Говорит вроде бы на русском языке, но не понимаю ничего. Отдельные слова узнаю, а фразы, из них составленные, не понимаю. С таким чувством я впервые слушала Михаила Кулакова, молодого ректора только что открывшейся семинарии христиан-адвентистов седьмого дня.

В следующую субботу желающих ехать в поселок Заокский было уже значительно меньше, а потом я осталась совсем одна. Я ехала на службу, хотя для того, чтобы успеть к началу, надо было встать в 5 часов утра и добираться сначала на автобусе, а потом на электричке. Но я ехала в храм, потому что стала немного понимать, о чем говорят с кафедры. Почти иностранные слова начали для меня звучать на понятном русском. И это поражало, волновало, сражало наповал... Помню, постоянно жила во мне тогда мысль: они же все нормальные люди – современные, образованные, интеллигентные, умные. И они верят в Бога абсолютно искренне. Может быть, кто-то, управляющий нашей жизнью, все-таки есть на самом деле? Если они – такой замечательный Миша, такой красивый и умный Михаил Петрович Кулаков, такой серьезный и мудрый Ростислав Николаевич Волкославский – по-настоящему в это верят, может быть, все это правда? Может быть, это не игра взрослых людей, а реальность, которую нужно постараться впустить в себя?..

Ничего нет в жизни случайного. И моя встреча с семейством Кулаковых была запрограммирована где-то наверху, где вершатся наши дела и судьбы. И, конечно, не случайно я провела много часов с микрофоном в руках в беседах с Михаилом Петровичем: сначала записывала интервью для христианской радиостанции «Голос Надежды», потом для независимой христианской радиостанции «Радио-Диалог», которую «подарил» мне Петя. В 1998 году одно из этих интервью было напечатано в «Русской мысли». В названии статьи я использовала слова Михаила Петровича: «Мы только стоим на берегу». Он имел в виду, что в познании Бога и Библии мы в самом начале пути, на берегу огромного океана. Много позже я узнала, что это цитата из Василия Великого... А в середине 2000-х годов, осознавая ценность и уникальность взглядов Михаила Петровича, я уже понимала, что надо издавать книгу с его беседами о вере, свободе духовного выбора и понимании религиозного пути России. Только я не думала, что эта книга станет посмертной. Но, как многое в своей жизни, я отклады-

вала ее на потом, потому что всегда было что-то более срочное и неотложное. Сейчас, когда отсчитываются его последние дни на этой земле, ничего более неотложного уже нет.

Беседа первая

Поселок Заокский, июль 2007 года

Михаил Петрович, расскажите о своей семье. Какие у вас корни? Наверное, дворянское происхождение?

Нет, я из очень простой семьи. Отец моей матери Марии Михайловны Демидовой был моряком, механиком на корабле. А по линии отца были крестьяне, донское казачество. Когда-то с Украины, вероятно, были переселены. Прадед Степан Викторович Кулаков был зажиточным крестьянином, имел большой дом и владел почтовой станцией. Он был депутатом Первой Государственной Думы от Войска Донского Ростовской области. У меня есть книжечка, где среди фотографий всех депутатов Первой Государственной Думы есть и его фотография.

Михаил Петрович, если ваш дед был депутатом Государственной Думы, значит, это был человек, интеллектуальное развитие которого было явно выше среднего. Он получил хорошее образование?

Нет, образование у него было только начальное. Ведь в Первую Государственную Думу входили разные сословия. Там были представлены все слои общества. О нем сказано, что он крестьянин-хлебопашец.

И он стал первым адвентистом в вашей семье?

Первым адвентистом по линии отца. По линии матери дед Михаил Осипович Демидов тоже был адвентист. Он происходил из семьи евангельских христиан, или баптистов, но когда встретил миссионеров, проповедующих адвентистскую весть, он принял ее. Так что моя мать родилась уже в семье адвентистского проповедника, который создавал адвентистские общины в Ростове, на юге России.

Интересно, как в патриархальной православной стране люди приходили к протестантизму...

Я много об этом думал. Скорее всего, причина в том, что мой дед по линии отца Петр Степанович Кулаков был разочарован в православии.

Когда люди из православия уходят в протестантские церкви, это считается искушением. Считается, что человек ищет, где легче, ищет какой-то выгоды, как духовной, так и материальной...

Дед был глубоко религиозный и преданный православной церкви человек. Он потерял жену свою, когда младшему сыну было полгода. Трагически потерял. Очень! Она фактически покончила с собой. И он страдал от этого всю жизнь. Он больше не женился, сам воспитал четверых детей. И дал им очень неплохое образование. Его старшая дочь Анна Степановна стала учительницей, жила в Москве. Отец мой закончил какой-то коммерческий институт.

Будучи православным человеком, дед много читал Библию. Моя мать говорила, что часто видела деда стоящим на коленях: так он читал Библию. Однажды он пешком пошел из Ростовской губернии в Киево-Печерскую Лавру как паломник, чтобы поклониться святым мощам. Там и произошло его разочарование, когда он увидел, как вели себя некоторые монахи, как вымогали у паломников деньги. Он вышел оттуда потрясенный, его это сильно смутило... Видимо, сыграло свою роль еще и то обстоятельство, что в той деревне, где он жил, был сильно пьющий священник.

Однажды, уже в Санкт-Петербурге, идя на заседание Государственной Думы, мой дед увидел объявление о лекциях по книге пророка Даниила. Он пошел на эти лекции и очень увлекся. Читал их человек, не имевший прямого отношения к адвентизму, он был только переводчиком – переводил адвентистскую литературу с немецкого на русский. Вернувшись

домой в Ростовскую губернию, Степан Петрович Кулаков начал переписываться с адвентистским издательством в Гамбурге, получил оттуда религиозную литературу на русском языке, организовал группы по изучению Библии, потом пригласил миссионера, который работал в России. Это было в 1906 году. Миссионером был немец по фамилии Кох, говоривший с сильным немецким акцентом. Например, когда призывал мужей любить своих жен, цитируя Священное Писание, он говорил: «Братья, **лупите** своих жен...». Все и плакали, и смеялись, потому что этот миссионер был очень искренен в своей вере. Вот так вся семья моего деда приняла адвентизм.

Из воспоминаний Петра Степановича Кулакова о своем отце

Произошло это в 1900 году, мне тогда было 4 года. Как-то в воскресенье встревоженная бабушка сказала: «Петя, позови скорее папу, скажи, что мама умирает». Я понесся через двор в другую хату, предназначенную для ямщиков и проезжающих с других почтовых станций. Прибежав в дом, я закричал: «Папа, идите скорей, мама умирает». Отец быстро пошел к матери, а я побежал за ним. Запомнилось мне только одно: мой братик, которому было тогда 6 месяцев, лежал на кровати рядом с умирающей матерью и обиженно кричал, напоминая о себе. В домашнем смятении никто не обращал на него внимания.

Была глубокая осень, выпал первый снег, соседский мальчик посадил меня в сани и катал по улице. Соседские дети были ко мне внимательны. Соседи, родственники и все, кто узнал про смерть матери и оставшихся четырех сиротах, приходили выразить свое соболезнование вдовцу, моему папе. Маленький Яша переходил с рук на руки бабушек и тетюшек, сострадательных и добрых женщин, но унять его никто не мог. Мы, старшие дети, не плакали, потому что не понимали происходящего. Я, помнится, взял папу за руку, подвел его к лопате, которая стояла в углу двора, и сказал: «Возьми лопату, пойдем откапывать маму. Зачем ты ее туда закопал, в яму положил?».

Отец мой, когда овдовел, был православным и посещал церковь в селе Тарасовка Ростовской губернии. Он точно исполнял все обряды, соблюдал посты. С глубоким уважением он относился к служителям церкви, с благоговением ко всему, что слышал на богослужении, – молитвам, духовным песнопениям, особенно к чтению Евангелия. Это укрепляло его духовно и помогало сохранить нравственную чистоту.

Скоро о нем пошла молва как об особом человеке, глубоко нравственном и благочестивом, читающем священные книги, а главное Библию. В 1906 году были назначены выборы в Первую Государственную Думу, и мой отец Степан Викторович Кулаков был избран ее членом. Первая Дума просуществовала с 27 апреля по 9 июля 1906 года, потом ее разогнали, и отец вернулся из Петербурга. С той поры у него изменились религиозные представления.

Библия была для отца настольной книгой. Но некоторые пророчества древних пророков он не мог истолковать, особенно пророчества о семидесяти седмицах, что записаны в девятой главе Книги пророка Даниила. Истолковать их не мог даже священник, к которому он неоднократно обращался. Но *ищущий находит, и стучащему отворяет*.

Из рассказов отца мне запомнился один. После очередного заседания Государственной Думы один депутат пригласил отца на лекцию о пришествии Иисуса Христа, которую читал некий полковник Вайдбельген. Зал был полон, в его глубине были развешаны карты с изображением истукана из второй главы книги пророка Даниила, а также четырех зверей. Лектор подходил к картам и объяснял, что символизирует каждая часть тела истукана. Через некоторое время он предложил сделать небольшой перерыв, вынул из кармана портсигар и закурил. Мой отец, который никогда не курил, был страшно удивлен.

Как это может быть: после такого чудесного толкования божественных книг, после таких мудрых изречений лектор здесь же начал курить? Он осмелился подойти к нему: «Скажите, что за лекции вы читаете? От имени какой организации? Я сам читаю книги пророка Даниила и Откровение, но, признаюсь, не понимаю их». Лектор ответил: «Я – переводчик, перевожу с немецкого языка на русский. Организация адвентистов седьмого дня заказала мне перевод книг. Я заинтересовался их толкованием Священного Писания, его глубиной и правильностью. И взял на себя миссию рассказать об этом людям. Я не стал адвентистом, но симпатизирую их учению. Потому и делюсь им со всеми желающими». Тогда отец спросил: «А где же найти людей, которые представляют эту организацию?». И узнал, что в России их

мало, но они есть в Германии – в Кенигсберге, Берлине и других городах. На этом знакомство моего отца с лектором Вайдбельгеном закончилось. Знаю только, что потом он выпустил брошюру, в которой назначал пришествие Христа на 1932–1933 годы. Но это было уже не адвентистское учение, а его личное...

Вернувшись домой, отец списался с адвентистскими организациями в Латвии и Германии и попросил прислать ему литературу. Вскоре он ее получил, и ему дали адрес одного адвентиста-немца по фамилии Киль. Киль со своей семьей жил в немецкой колонии в шести километрах от Тарасовки. Он занимался земледелием, праздновал субботу, был очень кротким, скромным человеком. Я помню, когда он приезжал к нам в Тарасовку в 1907–1908 годах, они вместе с отцом читали Священное Писание, проводя за этим занятием дни и ночи напролет.

Киль оставил папе книгу «Руководство к Библии», которой мы и сейчас пользуемся.

Однажды отец ехал в поезде и разговорился с одним человеком. Он продавал духовную литературу и был хорошо знаком с ее содержанием. Человек сообщил, что может истолковать пророчества Даниила, и начал объяснять некоторые притчи, учение Иисуса Христа и значение Закона. Когда поезд подъезжал к Тарасовке, отец пригласил этого человека к нам домой. Это был первый проповедник, который приехал в Тарасовку. Звали его Михаил Осипович Демидов. В 1909–1911 годах Демидов жил в Таганроге, распространял адвентистскую литературу и был проповедником, или благовестником. Позже он стал членом Всесоюзного совета адвентистов седьмого дня.

Так началось знакомство моего отца с адвентистами, утвержденными в вере, знающими порядок служения и церковные обряды. Знакомство с адвентистами и их учением продолжилось через литературу, которую он выписывал. Помню, я сам в детстве читал прекрасные рассказы из «Благой вести». Больше всего меня интересовали духовные рассказы, которые были мне понятнее, чем отвлеченные богословские рассуждения. Детям духовные истины нужно преподносить в рассказах, в притчах. Тогда они легче усваиваются, понимаются яснее. Поэтому и я в детстве всегда искал на последних страницах журналов какой-нибудь рассказ.

* * *

Этого не должно было случиться – мы не должны были встретиться с Михаилом Петровичем Кулаковым. Слишком разными были пути, которыми мы ходили по этой земле. Очень странно иногда переплетаются человеческие судьбы. Мой пра-пра-прадед был православным священником, протоиереем. Священником был и один из его сыновей, и до революции вся семья соблюдала очень строгие православные устои. Но поколения, которые жили в советское время, как ни странно, были абсолютно равнодушны к церкви, и я воспитывалась уже в совершенно атеистической среде. Были почти потеряны даже такие традиции, как крашеные яйца и куличи на Пасху. Не сохранилось у меня и семейных икон, которые, конечно, когда-то были в семье. Единственное, что осталось – Евангелие издания 1912 года. Прерванная традиция веры... Не такой уж редкий случай для семей, переживших эпоху безбожия.

Всем известно, в каком страхе жила интеллигенция после 1917 года. Моя прабабушка Любовь Александровна Казанская после пережитых семьей гонений предпочитала не говорить на некоторые темы. Наверное, именно поэтому в ее историях, как я сейчас понимаю, было много «белых пятен». О том, что в нашем роду были священнослужители, она сказала мне неохотно и как-то между прочим. И просила не говорить об этом моим подружкам. А я и не думала об этом рассказывать, потому что тогда мне было даже немного стыдно, что моим предком был православный священник... И никогда более эта тема в семье не обсуждалась. Даже о том, что мужем одной из моих прабабушек был сын известного протоиерея Нико-

лая Розова, служившего в храме Христа Спасителя, я узнала совсем недавно от посторонних людей. Не знаю я, когда и как отобрали наше имение Рыково в Ярославской губернии, знаю только, что до 1940 года в этом доме был сельсовет. До сих пор не знаю, что произошло и с некоторыми членами семьи.

Мама рассказывала, что прабабушка постоянно уничтожала семейные документы. А мама все-таки кое-что сберегла. Например, спрятала и таким образом сохранила векселя 1917 года на 10 тысяч рублей золотом, выданные на имя моего прадеда Валентина Сатириновича Казанского художником Лобановым. Судя по ним, мой прадед ссудил эту сумму своему другу (если я не ошибаюсь, отцу знаменитого коллекционера Лобанова-Ростовского), чтобы тот мог покинуть революционную Россию и уехать в Париж. А сам прадед стал жертвой первой же волны политических репрессий. Когда я спрашивала свою прабабушку, почему они после революции не уехали за границу, как многие их друзья и знакомые, она всегда отвечала: «Мы русские люди, мы хотели служить родине». Не уехали они и позже, когда многие мыслящие люди уже понимали, в какую бездну скатывается Россия...

Но в то время, когда из одних семей уходила вера, другие эту веру обретали. И для них это страшное время стало началом пути к духовным вершинам...

Из воспоминаний Петра Степановича Кулакова о крещении, состоявшемся в Ростовской области в 1921 году

Это было очень торжественное крещение: все пошли на реку – шествие народа исполнить волю Божью. Река красивая, берега отлогие, все в крестильных одеждах, а проповедник Свиридов в белом халате. Сначала была совершена молитва на берегу, затем крещаемые по одному входили в воду и совершали крещение во имя Отца и Сына и Святого Духа. Пели при этом красивые псалмы, и всем было радостно. А крестьяне этого села пришли на берег с кольями и палками: «Всех перебьем!». Мужики здоровые, сильные, отчаянные, но когда они увидели сам акт крещения, ликование и радость верующих, то опустили палки и ушли, и насилия не было. С торжественным пением все крещеные возвратились в собрание, здесь были даны принятие и рукообщение. Приняли их, и вечером было богослужение благодарственное, что Господь Бог благословил жатвой новых душ, и Дух Святой совершил свою работу преобразования и приобщения к церкви Божией.

В Ростовской области мне в одном из домов адвентистов показали фотографию крещаемых 1921 года. Крещение это было в селе Гирине, 25 человек крестили. Правда, фотография очень бледная, выцветшая, но все же можно различить лица людей, принимавших участие в крещении. Так было положено начало адвентистской церкви. В других местах тоже образовывались подобные группы. В эти годы крещения проходили по всей стране. Это было самое благоприятное для адвентистов время. В Москве издавался журнал «Голос истины», в Киеве – журнал «Благовестие». Удалось даже издать Библию. В 1926 году Библия была издана в Киеве и Ленинграде.

Беседа вторая Поселок Заокский, июль 2007 года

Многие в вашей семье пострадали за веру в советское время?

Мой отец Петр Степанович Кулаков был в Ленинграде проповедником, я там и родился в 1927 году, но начались гонения, и нам пришлось переехать в Тулу. В 1935 году отца арестовали. У меня до сих пор перед глазами этот арест: ночь, нас поднимают родители, в комнате шум... Ворвались сотрудники НКВД и начали обыск, а мы, дети, сжавшись, сидим в углу и наблюдаем за тем, что происходит. Вообще-то у моих родителей четверо детей, но тогда, в 1935 году, нас было только трое братьев. Помню, все в комнате перевернули, искали литературу, письма, Библию забрали. Потом потребовали, чтобы отец пошел с ними. Он попросил разрешения помолиться. Они не успели ничего сказать, как отец с матерью преклонили колени и мы, дети, возле них. Отец нас всех обнял и молился, чтобы Бог сохранил семью.

Потом мы с матерью ходили к тюрьме, где его содержали. Тогда на окнах не было того, что сейчас называют «намордники», то есть щитов деревянных, которые закрывают окно, чтобы заключенные не могли ничего видеть, кроме узкой полоски неба. Это все изобретения последующих лет. Так что мы, приходя, могли видеть отца. Он всегда чувствовал, что мы подходим. И я отчетливо помню, как будто это было вчера, отца в тюремном окне за решеткой. Он держится за нее одной рукой, а другой рукой нас как бы обнимает, шлет воздушные поцелуи. Тюрьма была обнесена рвом, и мы не могли подойти ближе, общались на расстоянии.

Само по себе следование вере наперекор гонениям – это уже подвиг?

На жизнь своего отца я смотрю как на подвиг. Я мало встречал людей, кто так же, как он, дорожил бы возможностью поговорить с каждым человеком об Иисусе Христе. Евангелие от Иоанна он любил так, что знал его наизусть – от первого стиха до последнего. Все 22 главы знал на память! Он был очень интересным собеседником, легко сходилась с людьми и жил только тем, чтобы помочь людям узнать о Господе. После первого ареста его отправили в ссылку на три года. Вернулся он в 1939 году, а в годы войны создал общины в Иванове, Коврове и Нижнем Новгороде (тогда он назывался Горький). В 1945 году отца опять арестовали, он был под следствием полгода.

Из статьи М.П.Кулакова «Церковь и меч государства» Журнал «Либерти», 1994 год

В то время, когда мой отец находился под следствием во внутренней тюрьме Ивановского областного управления МГБ, меня неоднократно вызывали туда на допросы. Обычно назначали вечерние часы. Расспрашивали о посетителях наших богослужений. Я отмалчивался, как мог, уклонялся от ответов. Допросы почти всегда затягивались до утра. То же повторялось и следующим вечером. Я не мог понять, что собственно они от меня хотят. Наконец однажды на ночном допросе следователь спросил: «Хочешь увидеть своего отца? Мы дадим тебе возможность если не увидеть, то хотя бы услышать его». И полковник Виктор, заместитель начальника областного управления МГБ, устроил для меня такое представление: в кабинет привели из внутренней тюрьмы отца, а меня завели в приемную и посадили за открытой дверью так, чтобы мы не могли видеть друг друга.

– Ну как, Петр Степанович, вы себя чувствуете здесь? – спросил его полковник.

– Как заключенный я имею здесь определенные неудобства, но и в этом месте я не оставлен Богом, потому не ропщу, – донесся до меня из-за двери голос отца.

– Все-таки тюрьма есть тюрьма, не так ли? – продолжал полковник. Разговор тянулся долго. Отец попросил у полковника Библию, тот отказал ему. Затем эту тяжелую для меня сцену прекратили. Отца увели, я не смог ни увидеть его, ни тем более поговорить с ним. Полковник продолжил разговор со мной:

– Ну, что? Ты ведь теперь понимаешь, что не мед твоему отцу здесь?

Вообразив, что я подавлен, он сказал мне прямо:

– Если бы твой отец пришел к нам через парадную дверь, то так бы и вышел отсюда, а так как он не захотел сделать этого, то его привезли сюда на «черном вороне».

Слушая полковника МГБ, я думал об отце, о матери. Я знал, что она не спит, пока я на допросе. Возвращаясь под утро домой, я каждый раз видел в окно, что она стоит на коленях и молится. Возможно, поэтому без раздумий и колебаний я сказал полковнику:

– Вы можете оставить меня здесь. Я никогда не смогу сделать то, чего не позволяет мне моя совесть.

В тот раз меня отпустили. Но это был последний допрос, на который я пришел сам. Через год меня уже под конвоем водили на допросы из внутренней тюрьмы МГБ.

Беседа вторая (продолжение) Поселок Заокский, июль 2007 года

Послевоенный судебный процесс над вашим отцом чем-то отличался от довоенного?

Суд 1946 года был закрытый, мы узнали о нем через друзей, которых вызвали в качестве свидетелей. Когда мы подходили к суду с матерью и младшими братьями, то увидели, как отец вышел из «черного ворона». В здание мы могли зайти, а в зал судебных заседаний никого не пускали, кроме свидетелей. Двери в зал закрыли, но одна из дверей, через которую входили судьи, почему-то плотно не закрывалась. И через маленькую щелку я смотрел в зал: видел отца, слышал весь процесс, ясно видел судью и прокурора, который грубо требовал ответов. Отец вставал всякий раз, когда вопрос был обращен к нему, и пытался рассказать о Евангелии.

Шел 1946 год, под давлением общественности в судах уже участвовали присяжные заседатели, и государство предоставляло обвиняемым адвоката. Адвокатом отца была женщина по фамилии Куликова, я это запомнил может быть потому, что ее фамилия была похожа на нашу. Очень симпатичная женщина, которая защищала отца совершенно искренне. Она мне рассказала потом, что попросила его наедине: «Петр Степанович, вам будут запрещать говорить о религии, но, кроме судьи, там сидят присяжные заседатели и я. И мы хотим хоть что-нибудь об этом услышать. Поэтому, пожалуйста, как бы вам там ни запрещали, расскажите об этом нам». Вот такая удивительная была просьба, и когда я наблюдал за процессом, я знал об этом. Отец говорил убедительно, очень веско. Это было свидетельство человека, убежденного в том, что люди должны знать истину, потому что Бог хочет, чтобы все люди были спасены. Судья грубо его перебивал: «Я требую, отвечайте на мой вопрос! Прекратите здесь свою пропаганду религии! Я слушать вас не хочу!». Но отец продолжал спокойно говорить. И тогда судья, я видел, закрыл уши руками, чтобы не слышать, что говорит отец. В моем сознании это так ярко запечатлелось... Я подумал: эти люди заткнули уши, чтобы не слышать правду, и ввергли и себя, и общество во многие беды и страдания. Потому что не хотели слышать о Боге!

Март 2010 года.

Из письма Михаила Михайловича Кулакова

Мне папа рассказывал, что когда шел суд над моим дедушкой, он через щелочку наблюдал. Чтобы придать этому судилищу вид юридического процесса, подсудимому дали государственного защитника, но не давали никакой возможности этому защитнику защищать подсудимого. И после первого заседания на улицу вышла женщина-адвокат, отозвала моего папу в сторону и сказала: «У меня есть то, что вам очень дорого, я вам это передам на завтрашнем заседании. Только вы никому не говорите». И на следующий день она передала ему тайком маленькую книжечку в плотном коричневом переплете. Это был карманный справочник членов Первой Государственной Думы 1905 года. Теперь этот справочник хранится у меня...

Беседа вторая (продолжение) Поселок Заокский, 2007 год

Какой приговор вынес суд вашему отцу?

Суд не мог вынести приговор, потому что ничего антисоветского они не нашли. Так что по статье 58, частям 10 и 11 (групповая антисоветская пропаганда), которая ему вменялась, его посадить не получилось. Но какое-то решение надо было вынести. И под давлением МГБ ему дали 10 лет лагерей особого режима. Я тогда подумал, что он из лагерей не вернется, хотя ему было всего 50 лет... Отец не был старым, но он носил бороду, что делало его старше, и мне казалось, что это конец, что я его больше не увижу. А столько хотелось сказать ему! Поблагодарить его за все, что он сделал для нас, чтобы привести нас к Богу, сказать, что мы ценим это, что мы любим его! Мне хотелось его как-то утешить, ободрить.

Когда приговор был объявлен, отца вывели и повели вниз, в подвальное помещение. Вероятно, чтобы оформить документы и передать их конвоирам, которые должны были сопроводить его в тюрьму. А туда мы точно никак не сможем проникнуть, так как это внутренняя тюрьма МГБ. И я чувствовал, что не должен упустить момент. Пока он здесь, в этом здании, я должен его увидеть! Я добивался встречи с отцом, обращаясь и к сотрудникам прокуратуры, и к начальнику конвоя, но мне все отказывали. Я вышел из здания и попросил Господа дать мне возможность хоть пять минут поговорить с отцом и во время молитвы почувствовал уверенность, что получу эту возможность. Я пошел вниз по лестнице и спустился в подвальное помещение. Темный, длинный коридор, и в конце коридора – солдат у двери. Я подошел к нему и сказал: «Слушай, на пять минут пусти меня к отцу». Он огляделся, открыл дверь... и я оказался в объятиях отца. Отец меня пытался ободрить и утешить. Он мне сказал: «Михаил, по всему видно, что тебя арестуют. Я по ходу следствия вижу, что на тебя собран материал. Но ты будь к этому готов, не переживай и не бойся. Господь Иисус Христос как со мною был, так он будет и с тобой. Это путь христианина. Наш Спаситель прошел этим путем, и все желающие жить с ним будут гонимы. И у нас другого пути нет. Поэтому иди спокойно, смело». Вот это подвиг веры... Он провел рукой по моим черным тогда волосам и сказал: «Тебе постригут волосы, но они вырастут, не переживай об этом».

Отец назвал мне тогда две фамилии: Потехина и Буланов, и сказал, чтобы я их в дом не пускал. Он из хода следствия понял, что они на него донесли. Но у меня был иной взгляд на эти вещи. В Горьком была замечательная группа и очень милая женщина, которая была фактически руководителем этой группы, Анна Ивановна Бухалина. Она мне казалась тогда очень старой, хотя ей было не больше 50 лет. Она имела физический недостаток, была с горбом. Может быть, это содействовало ее духовному развитию, но она не ожесточилась, не озлобилась, а исполнилась любви к людям. И люди это чувствовали. Мне говорили об этом в ее общине: как только Анна Ивановна зайдет в церковь, как будто солнышко озаряет всех. Она мне говорила так: «Я и Сталина люблю, молюсь о нем, чтобы Бог его простил и помиловал. Я вижу людей, которые на нас доносят. И мне хочется каждому из них ноги омыть, потому что это несчастные люди. Они запуганы, сломлены, жалко мне их. Господь Иисус Христос наш Спаситель и Иуду любил, ноги ему омывал». Вот эти ее слова были очень близки мне. Поэтому я сказал отцу: «Папа, Иисус Христос не гнал от себя Иуду».

Отцу было очень жаль меня, и в то же время он меня готовил к испытаниям. Я смотрю на его жизнь как на подвиг веры... Слава Богу, он вернулся из лагеря, он выжил. Господь был милостив к нему. Он еще много лет после этого жил. Когда отца арестовали, мы жили в Иваново, пока он был в заключении, мама жила в Латвии. А когда он освободился в 1956 году, они переехали сначала в Ставрополь, а потом в Баку. И отец там нес пасторское служение

до тех пор, пока еще мог выходить на кафедру. В 1977 году отец переехал вместе с матерью к нам в Тулу и жил рядом с нами.

Беседа третья

Поселок Заокский, июль 2007 года

Жизнь вашего брата Стефана – это тоже подвиг во имя веры?

Когда после первого ареста в 1935 году отца сослали в Красноярский край, мы поехали туда за ним: мать взяла двух младших детей, а для старшего Стефана там не было школы. Поэтому его отправили в Таганрог к бабушке Евдокии Константиновне. Стефан родился в 1921 году и был на 6 лет старше меня. Когда в 1939 году мы из ссылки вернулись, он присоединился к семье. Поначалу мы жили в Самаре (тогда она называлась Куйбышев). Но потом начались переезды – отец искал пристанище и работу. Будучи служителем церкви, он вынужден был заниматься фотографией, чтобы иметь возможность посещать членов общины. Мы переезжали то в Майкоп, то на Северный Кавказ, то еще куда-то и, наконец, буквально за две недели до начала Великой Отечественной войны оказались в городе Иваново. А Стефан перед самой войной был призван в армию. Примерно полгода он был на курсах, где приобрел профессию сапера и получил звание младшего лейтенанта.

Отец не препятствовал его службе в армии?

Нет, никоим образом не препятствовал. Отец понимал, что его служба в армии – тот долг, от которого уйти совершенно невозможно. Он, конечно, хотел, чтобы его сын вел себя в армии как адвентист и христианин, но своих идей ему не навязывал. И Стефан пошел в армию и служил, как все. На фронте он все время находился на передовой, под обстрелом и бомбежками. Он служил в саперных войсках, и при наступлении они должны были подготовить переправы, навести мосты, чтобы наши войска шли вперед, а при отступлении они уходили последними, минировали поля, взрывали мосты. За все годы войны Стефан не получил ни одного ранения, ни одной царапины. Поэтому у него созрело твердое убеждение, что его хранит Бог. Он командовал взводом и, когда начиналась бомбежка, кричал им: «Все ко мне!». И весь взвод бежал к нему, зная, что около него все будут в безопасности.

Стефан не был с нами в ссылке в Красноярском крае, рос у родственников, религиозных воззрений у которых уже фактически не осталось – дедушка умер, а у бабушки жизнь пошла по-другому. И он не получил той духовной подготовки, которую получили мы, живя с родителями. Но в армии он вспомнил о том, что слышал в семье, и начал думать: если Бог меня защищает, значит, Он есть. И так он дошел до Берлина, был награжден орденами и медалями. В Берлине он нашел адвентистов, ходил к ним на богослужения. Потом заявил своему командованию, что он верующий человек и просит предоставить ему выходной в субботу. Командование этого не одобрило, и так закончилась его служба в армии.

В 1946 году Стефан вернулся домой, а отец был в это время опять в заключении. Он посетил отца в лагере. Тогда еще можно было поехать в лагерь и получить свидание с заключенным. А в 1948 году, когда мы со Стефаном сами оказались в лагерях, никаких свиданий уже не давали. Мы были лишены даже права переписки с родными. Разрешалось только два письма в год, которые просматривал цензор.

Вернувшийся после войны Стефан был полон веры и горячего желания свидетельствовать о Боге. На фронте он совершенно потерял чувство страха, поэтому в беседах даже с незнакомыми людьми был очень смел. Стефан стал работать фотографом, а дома в небольшом помещении мы с ним проводили богослужения. И как-то к нам пришла женщина по фамилии Потехина, о которой отец предупредил меня, и сказала: мол, вы так горячо верите в Бога, а у меня сын – ярый безбожник. Молюсь о нем, а он все отвергает, поэтому было бы хорошо, если бы вы с ним побеседовали. Она так убедительно просила, что Стефан согласился. Когда она ушла, я ему сказал, что отец предупреждал меня об этой женщине, но брат не придавал этому значения. Когда мы оказались в квартире Марии Ивановны Потехиной, я

увидел, что она очень волнуется. Сын, действительно, был ярым безбожником. Он смеялся над верой в Бога, тогда это было модно, сыпал ругательствами. Стефан стал с ним разговаривать, завязался спор, а я сидел и слушал. А больше наблюдал за женщиной и видел ее волнение, даже душевное смятение – руки тряслись, голова дрожала... Беседа эта, конечно, ни к чему не привела. Она и не могла ни к чему привести, потому что человек был заранее убежден в своей правоте.

Но это было только начало. Оказалось, что моего сокурсника Николая – я тогда учился в Ивановском художественном училище – вызывали на допросы. Он не был адвентистом, но посещал наши богослужения. Как выяснилось потом, он не выдержал допросов и стал доносить на меня. Он был обессилен после ранения, возможно, сказались психические нагрузки, а может быть, и увлечение девушкой, которая была влюблена в меня. Видимо, все это органы умело использовали.

Как-то он залез в окно к этой девушке, ее звали Соня, а ее старшая сестра ко мне прибежала и попросила о помощи. Я привел Николая к себе домой и из его невнятных речей уловил, что его вызывают и допрашивают. Тогда я понял, что в Иваново мне оставаться больше нельзя. Поехал в Прибалтику и устроился там на работу в школу. А через два месяца брат с матерью продали все наше хозяйство и переехали туда следом за мной. Стефан в Прибалтике стал работать фотографом, а я в школе преподавателем рисования и черчения. Там нас и арестовали – меня в школе, прямо с уроков взяли, а его арестовали в церкви, на спевке хора.

После ареста нас все время держали врозь, чтобы мы не могли сговориться. Меня держали четыре дня в Даугавпилсе во внутренней тюрьме МГБ, потом повезли на машине в Резекне, небольшой латышский городок. Сопровождали меня два арестовавших меня сотрудника МГБ, которые сказали, что могли бы отправить меня в вагоне для заключенных, но решили везти в пассажирском поезде в общем вагоне. И потребовали, чтобы я ничем не показывал, что я заключенный.

Это так было принято, или они для вас сделали исключение?

Они могли пустить меня по этапу, а не везти в общем вагоне, но это заняло бы больше времени, так как специальных составов из Латвии не было, чтобы возить каждый день заключенных. А ивановские эмгэбэшники, видимо, спешили поскорее завершить дело. И пока мы сидели на станции в ожидании поезда, я решил их спросить о своем брате. Я думал: ну, хорошо, меня арестовали. Отец сидит, я буду сидеть, но, по крайней мере, с матерью, кроме двух младших братьев, останется старший брат, кормилец, тот, кто будет заботиться о семье. Если так, то мне легче будет переносить испытания. И поэтому я по наивности своей решил спросить: не арестовали ли вы и Стефана, брата моего? «Ну что ты, – ответили они, – за что его?». И мне легче немного стало... Еще в Даугавпилсе они передали мне мешочек, который собрала в дорогу мать. Когда я развязал его, то увидел надпись химическим карандашом «Стефану Кулакову». И тогда мне стало понятно – Стефан тоже арестован. Они перепутали мешки. Стефан тоже по мешку понял, что я арестован. Мои конвоиры, опасаясь, что в состоянии возбуждения я могу решиться на побег, стали думать, как меня успокоить. Старший по званию спросил: что тебе дать на дорогу почитать? Я попросил свою Библию. Когда подошел поезд, мы сели в вагон, мне было велено подняться на верхнюю полку, где обычно перевозят багаж. Там я помолился и раскрыл Библию с желанием узнать, что ожидает меня. И мне открылся псалом 65-й, начиная с десятого стиха: *Ты ввел нас в сеть, положил оковы на чресла наши, посадил человека на главу нашу. Мы вошли в огонь и воду, и Ты вывел нас на свободу.* Когда прочитал эти слова, я понял, что такова Божья воля, это мое испытание. Придется мне пройти через трудности, но потом я буду на свободе...

А Стефана я больше никогда не видел... Потом я узнал, что он в тюрьме и под следствием вел себя как фронтовик. Он мужественно пытался сопротивляться, защищаться и даже простукивание пытался использовать, чтобы узнать, где я нахожусь. Я знаю, что его

наказывали, в карцер сажали. Кое-что рассказала мне потом мать – он умер у нее на руках. Стефан пять лет провел в лагерях, так же как и я. Приговор был один и тот же. Судить нас не судили, потому что материалы для обвинения следствие собрать не смогло. В 1948 году они уже вынуждены были соблюдать какие-то формальности, чтобы процесс выглядел не как преследование за религиозные убеждения, а как осуждение за антисоветскую деятельность. Но они не могли привести сколько-нибудь весомых доказательств нашей вины. Все приходилось им подтасовывать, например, будто бы мы говорили, что Бог советскую власть уничтожит в огне. Хотя в Библии ничего не сказано про советскую власть. *Мир будет уничтожен огнем, нечестивые будут уничтожены огнем* — это библейские высказывания, которые никуда не денешь из Библии, они веками там были.

Дело наше было передано в особое совещание, которое вынесло решение о том, что и Стефана, и меня надо изолировать от общества, направив на отбывание пятилетнего срока в лагерь особого режима. Стефан отбывал срок в Воркуте, в Коми АССР. Конечно, условия там были хуже, чем в Мордовии, где я находился поначалу. Потом меня перевели в Карлаг в Казахстан, возле Караганды. А Стефан все время был на севере и там, как из писем матери было известно, много болел. Я просил мне посылки продуктовые не посылать, а отправлять ему, чтобы как – то его поддержать. После пяти лет заключения в лагере он в состоянии полного истощения был переведен за зону и там в каком-то бараке пристроился как сосланный в те края на вечное поселение.

Когда я вышел из лагеря, меня отправили на поселение в Северный Казахстан, в Кустанайскую область. И я стал ходатайствовать о том, чтобы Стефана тоже перевели в эти же места. Это заявление последствий не имело, но матери разрешили поехать к Стефану на север. Она поселилась с ним в каком-то чулане, стала за ним ухаживать, и он ей рассказал о том, что с ним было. Как он подвергался всякого рода наказаниям за то, что еще в тюрьме пытался установить связь со мной. Стефан не был агрессивным человеком, но он войну прошел и был очень бесстрашным... Умер он, скорее всего, от туберкулеза. Мать похоронила его там. Несколько друзей, тоже ссыльных, выкопали могилу. Мерзлую землю трудно было долбить, поэтому неглубокую могилку вырыли и насыпали холмик. Мать с Библией в руках совершила над могилой богослужение, помолилась и уехала ко мне в Кустанайскую область. К тому времени я уже был женат. Мы даже успели получить от Стефана письмо и поздравление – он умер за месяц до нашей свадьбы. Умиравший, он нам отправил поздравление...

Есть фотография его могилы – ее прислал один из друзей Стефана, который разыскал адрес моих родителей. А в письме он написал, как благодарен Богу и родителям за Стефана, который принес луч света в его жизнь и указал ему путь к Христу Спасителю. Он писал: «Не огорчайтесь, не унывайте, его жизнь была не напрасно прожита. Он засвидетельствовал о Боге, и, по крайней мере, для меня началась новая жизнь. И то семя, которое он посеял, проросло – я у его могилы пишу вам. Я стою, как семя, давшее всходы...»

Стефану было всего 32 года...

1952 год.

Из письма Стефана Кулакова

Хотя тяжело переносить болезнь и одиночество, но хуже всего то, что я не имею Книгу Книг. Кроме туберкулеза, врач признал и язву желудка. Это из-за отсутствия витаминов организм ослаб. Мой вес сейчас 45 кг. Здесь некому возиться со мной, я сам делаю себе внутривенное вливание – глюкозу с хлористым кальцием. Но так как у меня руки трясутся, то я часто разбиваю шприцы... Сколько раз Он избавлял меня от смерти в ответ на мои горячие мольбы о помощи, когда я давал Ему обет всецело посвятить жизнь Его работе на земле. Поэтому как настоящая, так и дальнейшая моя жизнь (если останусь живым) принадлежит не мне, а всецело Ему,

и эта жизнь есть для меня награда и надежда на то, что в будущем, возможно, я смогу принять участие в Его славной заключительной работе на нашей земле. Эта надежда для меня счастье, а на большую награду я не имею права рассчитывать, ибо я человек грешный. В начале февраля я надеюсь получить разрешение выехать. Я сейчас настолько еще слаб, что сомнительно, смогу ли доехать живым. Но верю, что не напрасно мне Господь продлил жизнь, чтобы я мог выздороветь и работать для Него.

Из воспоминаний Анны Мацановой, записанных со слов Марии Михайловны Кулаковой, матери Стефана и Михаила Кулаковых

Тяжело было копать могилу. Заполярная почва никогда не оттаивает больше, чем на 30 см. Это вечное царство мерзлоты, покрытое мхом и жалким кустарником. Приходилось долбить ломом. Трудно было бороться с водой, которая струилась в могилу. Опустили гроб. На краю открытой могилы стояли друзья и мать Стефана. Казалось, она была совершенно спокойна. Представьте себе маленькую хрупкую женщину, стоящую у открытой могилы своего сына. Она держит в руках Библию, книгу вечного утешения, и читает слова, которые простираются над смертью, в которых слышен голос Всевышнего: *И отрет Бог всякую слезу с очей их и смерти не будет уже: ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло.* Она говорила о надежде христианина, о втором пришествии Христа, воскресении мертвых и о скорой радостной встрече. Когда она нам рассказала о тяжелой болезни и смерти Стефана, я спросила: как же у нее хватило сил читать Библию у могилы своего сына. Она заплакала и сказала: «Я не могла не засвидетельствовать друзьям Стефана о той надежде, за которую он умер».

Стефан Петрович Кулаков был арестован в 18 марта 1948 года. Умер 23 апреля 1953 года в Заполярной Инте.

Февраль 2011 года.

Из письма Павла Кулакова

В 2005 году в Сент-Луисе, штат Миссури, когда папа последний раз официально был делегатом Всемирного съезда, его и доктора Ли, узника из Китая, который провел в заключении 25 лет, пригласили на сцену. Папу чествовали как жертву ГУЛАГа, как человека, который прошел испытания за свою веру и убеждения. Когда все закончилось, он сказал мне, как ему больно, как жалко, что чествовали только его одного: «Когда я там стоял, я думал о тысячах и тысячах загубленных людей, имен которых никто даже не помнит»...

Беседа четвертая Поселок Заокский, июль 2007 года

Михаил Петрович, задам вам самый традиционный «обывательский» вопрос: зачем Бог, если он не оберегает человека от страданий?

Есть такое высказывание в 118-м псалме. Давид говорит: *Благо мне, что я пострадал, к познанию уставов Твоих это меня привело.* Я так и думаю теперь: благо мне, что я страдал. Так я сейчас рассматриваю все, что Бог дает нам пережить. Ясно, что Бог не хочет видеть наши земные переживания, страдания и скорби. Но они совершенно неизбежны по той простой причине, что мы живем в мире, восставшем против Бога. И Бог не вмешивается насильно, не переустраивает этот мир без нашей просьбы и нашего согласия. По своей великой мудрости он использует все наши переживания и страдания для того, чтобы мы освободились от нашего несчастья. В греховной нашей природе заложено стремление к независимости от Бога. А эта независимость – она для нас роковая, потому что только в единении с Ним, с Создателем, мы можем быть счастливыми. Отрываясь от него, пытаюсь сохранить независимость от него, мы сами себя обрекаем на погибель. И он вынужден использовать беды, трудности и неприятности для того, чтобы сломить нашу гордыню. Он учит нас тому, что что-то доброе мы можем совершить только силой его благодати, в нас живущей. Наше гордое человеческое Я готово все это приписать себе, и тогда наша связь с источником жизни разрывается. Этот процесс совершенно необходим для того, чтобы мы смирились, и покорялись, и оставили ему возможность нас спасти.

Библия полна примеров того, как Бог ломает человеческое стремление к независимости и самонадеянности. Возьмите Моисея, которого Богу пришлось обламывать так, что он вынужден был бежать из Египта, где получил хорошее образование и имел высокое положение. Он, сын дочери фараона, был вынужден пасти овец, чтобы научиться кротости, смирению и терпению. Только так мог Бог подготовить его для выполнения его миссии. Или возьмите апостола Павла. Что мы о нем знаем? Павел пишет в главе 11 Послания к Коринфянам о том, сколько раз был бит палками, сколько раз его побивали камнями, сколько раз он тонул в море, сколько дней и ночей проводил в голоде, в наготе и во всякого рода бедствиях... Разве он был грешней других? Его, апостола, не избавляют от этих трудностей. Павел прямо пишет: чтобы я не превозносился до чрезвычайности из-за откровений, данных мне Богом, ангелу сатаны дано право *бить меня кулаками*. В синодальном переводе Библии мы знаем это выражение как *жало в плоть, заноза в тело*. Он пишет, что трижды молил Бога об этом и Бог сказал: *довольно тебе благодати моей, потому что сила моя завершает свое действие в твоей немощи*. Потом Павел пишет: *Я буду хвалиться немощами своими, чтобы обитала во мне сила Христова*.

Это мой ответ на вопрос о том, почему Бог допускает страдания. Это единственное, что может нас избавить от самоуверенности и гордыни, которая калечит людей, лишает их возможности спасения, делает их не пригодными для служения. В древности было такое жертвоприношение: Богу в жертву приносили зерна, раздавленные жерновами и смазанные елеем. Интересный символ: если человек хочет быть угодным Богу, он должен пройти через жернова. Его жизнь должна быть так помята и изломана, чтобы сломилась его гордыня. Но чтобы человек не ожесточался, нужен елей. А елей – символ Духа Святого. Страдания и переживания необходимы человеку, но его жертвенное служение Богу и людям будет приносить пользу только тогда, когда в его жизни будет присутствовать Дух Божий.

Неужели в вашей жизни не было минут отчаяния? Вас не посещали сомнения?

Когда моего отца арестовали, я был 18-летним юношей и должен был руководить общиной. Я читал проповеди, проводил богослужения вместо отца. Библия всего одна сохра-

нилась, мы постоянно ожидали ареста и прятали ее... Я учился в художественном училище, и там у меня были со студентами беседы и диспуты. Надо было отвечать на разнообразные вопросы, надо было доказать подлинность Библии – учения о сотворении мира. Дома уже ничего не осталось из такой литературы, поэтому я пошел в библиотеку. И вот в читальном зале нашел труды Ренана – «Историю израильского народа» в 12 томах. Начал читать, чтобы как-то разобраться и убедиться в подлинности библейского сообщения, но вместо этого почувствовал разочарование, потому что французский писатель, философ и историк Ренан ставил под сомнение подлинность того или иного библейского сообщения. Например, сомневался, существовала ли письменность во времена Моисея. Помню, как это все меня смущало, волновало, и я, начитавшись, шел домой убитый, разочарованный... И однажды пришел домой в унынии и отчаянии, преклонил колени, молюсь: «Боже, сними с души моей эту тяжесть, чтобы я не мучился этими сомнениями». И вдруг слышу голос внутренний, который мне говорит: «Встань, читай Библию». Я поднимаюсь, раскрываю Библию и читаю 42-й псалом, 5-й стих: *Что унываешь ты душа моя, что смущаешься? Уповай на Бога, ибо я еще буду славить его, Спасителя моего и Бога моего.* Я прочитал и почувствовал, что это ответ на мои сомнения.

Позже в Латвии я познакомился с человеком, у которого была библиотека, состоявшая из 6 тысяч томов. Он дал мне почитать шеститомник английского писателя Джона Уркварта «Новейшее открытие Библии», и все мои сомнения рассеялись. Я утвердился в вере, общился к жизни людей, вера которых глубока и тверда. В таком состоянии я и попал в заключение. Шесть месяцев я был под следствием, потому что в моих действиях не находили ничего противозаконного. Я очень осторожен по своей природе и воспитан родителями так, чтобы никогда не говорить ничего худого о власти, не делать ничего антисоветского. Поэтому следователям приходилось, что называется, «выдавливать» показания из свидетелей.

Меня часто вызывали на ночные допросы, а днем спать не давали. Нельзя было даже задремать, можно только сидеть на койке, не прислоняясь к стене. В «волчок» все время смотрел дежурный, и как только я начинал дремать, он тут же стучал в дверь. Так я сидел до 10 вечера. Только донесешь голову до подушки, гремят ключи, гремят двери и тебя уже тащат на допрос... Все было продумано, чтобы человека сломать. Объявляя приговор, начальник (кстати, хороший человек был) сказал мне: «Эх, Мишенька, Мишенька! За шесть месяцев – ни одного нарушения, и только Боженька его подкузьминивал: ничего, он пошатается, поскидается по лагерям и будет проклинать своего отца, который его на этот путь толкнул».

Если говорить о разочаровании, я за годы своего заключения никакого разочарования не испытал. Если и были разочарование, уныние и отчаяние, то уже после пяти лет в лагере. До этого момента, так или иначе, у меня духовных сил хватило.

Неужели когда вы были совсем молодым человеком, вы не мечтали о простом человеческом счастье?

Я был очень послушен и дисциплинирован, очень строго воспитан матерью и другими женщинами, сестрами-христианками в общине. Моя мать говорила библейским оборотом *так пост наложили на сердце*, что влюбляться в кого-нибудь можно только тогда, когда точно знаешь, что Бог его для тебя предназначил. Когда поймешь, что будет на это благословение от Господа. Мать моя в молодости была очень красивой девушкой, но она решила: даже мыслить не буду ни о чем подобном, буду сама с собой бороться, поститься и молиться, победить в себе всякое влечение и интерес, пока не пойму, что это от Бога.

То есть сердцу можно приказать?

Да, да, можно! Я уже говорил о девушке Соне, которая была в меня влюблена. Но это к вопросу о том, как я видел свое будущее – я знал, что буду все время сидеть в тюрьме. Я понимал, что эта девушка, выросшая в семье коммуниста, никогда не сможет разделить

мою судьбу. Она была хрупкой и не того склада характера, чтобы воспринять христианские убеждения и мужественно идти по жизни. Поэтому я ей сказал: «Соня, между нами ничего не может быть. Мы не можем соединить наши жизни, потому что моя жизнь – это будут сплошные тюрьмы. Поэтому я тебя не хочу мучить и рассчитываю, что ты меня забудешь». Но она, бедная, так была в меня влюблена, что, когда я уехал в Латвию, заболела, просто слегла. Мне было жаль ее, и я писал ей из Латвии «до востребования». Ее отец ничего об этом не знал, а мать потихоньку ходила на почту и брала эти письма для нее, чтобы как-то ее утешить, ободрить...

Когда меня арестовали, Соню вызвали на допрос и, как я теперь понимаю, возбудили в ней чувство ревности, и она подписала то, что ей следователь навязал. Когда меня привезли из Латвии в Иваново, мне зачитали ее показания и потребовали, чтобы я все подтвердил. Но я все отрицал. «Ты что же, не видишь, – говорили мне, – ее подпись здесь стоит». Я отвечал: «Подпись ее, но показаниям этим я не верю. Она не могла такого сказать, потому что такого не было». «Так чьи же тогда это показания?» «Это показания того следователя, который ее допрашивал». «Ах, так! Ты клеветешь на советские органы!?!». И записали это в протокол. Проходит месяц, другой, наконец, очная ставка. Привели меня в кабинет к следователю под конвоем, а там сидит Соня. Так смотрит на меня... такие большие глаза... такие влюбленные глаза! Мне было ее очень жаль...

Ее спросили: «Он говорил тебе так?». Она смотрит на меня, как будто ждет от меня сигнала, и, когда я удивленно развожу руками, говорит: «Нет». Другой вопрос, третий – так же. А потом спросили: «Он говорил, чтобы ты не вступала в комсомол?». Опять «нет». «Как же это, – напустились они на нее, – что же ты нас вводишь в заблуждение? Дала показания, а теперь отказываешься! Сейчас мы поменяем вас местами! Ты сядешь на его место, раз ты давала ложные показания!». Она, бедная, опустила голову... «Ну так что? Говорил?» – «Нет, он это не говорил, но писал об этом в письме». – «Ты, – меня спрашивают, – об этом писал ей в письме?» – «Если я такого ей сказать не мог, то, естественно, я и написать такого не мог, зная, что все мои письма вами проверяются». Тут они почувствовали, что провалили это дело.

В закрытый суд мое дело они передать не могли, но существовало так называемое особое совещание. Они и передали это дело в особое совещание, которое своим решением приговорило меня к пяти годам исправительных лагерей строгого режима.

У вас была в это время связь с родителями?

Отец в то время сидел в лагере, а мать жила в Латвии, с ней у меня свиданий не было. Она была женщина не эмоциональная, умеющая себя сдерживать. Никогда не проявляла особенно своей любви, нежности или ласки. Поэтому близких и откровенных отношений с ней у меня не было. Она была женщина, как в Библии написано, *по правде законной непорочной*. Она жертвовала собой, трудилась, но всегда была на каком-то расстоянии. Ее отец, мой дед Демидов, был человек очень строгий, серьезный, суровый. Он считал, что адвентистам смеяться никак не подобает, что это грех, *смехотворство неприлично вам*. Даже улыбаться без причины было, по его мнению, нехорошо. И мать моя была воспитана в этом духе. Так что у меня не было человеческой поддержки ни от кого.

Когда меня сослали на вечное поселение в Кустанайскую область на севере Казахстана, я оказался в очень тяжелых условиях. Морально тяжелых! Была полная безысходность: маленькое селение Мурзыкуль, несколько казахских кибиток и один барак, где жили несколько сосланных семей. Семья немцев по фамилии Бенке меня приютила – дай Бог им всякого благословения и благополучия! Они были совершенно неграмотные люди, не знали даже своего родного языка и были счастливы, что я учил их детей писать и читать по-немецки. Они жили в двух маленьких комнатках и все-таки взяли меня к себе. Я нашел в каком-то сарае старую деревянную дверь, положил под нее камни и сделал себе что-то вроде

кровати. Нашел матрас старый, соломой его набил, и это все, что у меня там было. Туалет общий – выгребная яма. Рядом небольшое озеро. Вокруг голая степь, только одно маленькое деревце на горизонте, и больше ничего. И все мои человеческие контакты – только эти неграмотные немцы и казахи, а их языка я не знал... Я был сослан в это село на вечное поселение и должен был здесь жить безвыездно. В случае побега – 25 лет каторжных работ. Вот тогда меня настигло полное отчаяние, и я просил Бога только об одном – о смерти. Мне больше ничего не хотелось. В 26 лет...

Но Бог вмешался в мою жизнь! Я познакомился с медсестрой, которая узнала, что я закончил художественное училище. Она попросила нарисовать ей какую-нибудь картинку и в благодарность выдала справку, что я нуждаюсь в медицинском обследовании. Так я получил разрешение выехать из Мурзыкуля в центральное районное село с русским названием Семиозерное. Там я наконец-то увидел деревья – я очень люблю природу средней полосы России, даже дождь люблю... Я приехал в больницу для обследования. Конечно, никаких особых проблем со здоровьем у меня не было, но там я встретился с единоверцами. Их было всего несколько человек, в том числе и тетя моей будущей жены. Она меня приняла, и я начал ходатайствовать об оформлении на работу по специальности. Оказалось, что у них в школе никогда не было учителя рисования и черчения, а это и была моя специальность. Директор школы меня охотно бы приняла, но она должна была получить согласие районо. Заведующий районо – казах, очень симпатичный человек, попросил меня написать его портрет, я пообещал ему это сделать, и он обратился с ходатайством в милицию. Начальник милиции захотел иметь в кабинете портрет Дзержинского – я и ему нарисовал. Так я получил возможность остаться в Семиозерном и работать в школе. Вот туда-то к тете однажды приехала племянница, которая и стала моей супругой, и вот уже более 50 лет мы живем вместе. Так самое большое несчастье обернулось самым большим счастьем на всю жизнь. Бог дал мне заботливую, преданную, любящую, самоотверженную жену, которая со мной разделяла все в жизни, которая родила мне таких замечательных детей...

Из воспоминаний Анны Ивановны Кулаковой, супруги Михаила Петровича Кулакова Июнь 2011 года

В детстве я часто рассматривала церковные журналы, которые издавались еще в 1920-х годах, там были фотографии адвентистских общин. Я спрашивала родителей, что это за люди на фотографиях? Они говорили, что это люди, которые свою жизнь посвятили служению Богу. И мне хотелось встретить в своей жизни такого человека! И посвятить ему свою жизнь. Когда я закончила среднюю школу, моя соседка и одноклассница вышла замуж, и я как-то увидела, как она своему супругу поливала руки водой... Отец мне сказал тогда: «Не переживай доченька, Господь и для тебя что-то усмотрит. Господь сказал – *ищите прежде всего Царствия Божия и правды Его, а все остальное приложится вам*». Этот текст с того времени врезался в мою память!

Однажды (это было начало мая) во сне я услышала голос: «Твой муж будет Михаил Кулаков». Я проснулась под впечатлением, было 7 часов утра, комната вся залита солнечным светом. И я начала думать, кто же это? Я не знала такого человека. Конечно, вопрос у меня остался, но я ни с кем не поделилась, никому не рассказала. Через некоторое время приехал из Москвы священнослужитель Щеглов, которого направили в наши места, потому что у нас не было рукоположенного проповедника. Он мне и сказал: «Знаешь, сестра, здесь где-то должен быть один молодой человек, который освободился из заключения, – Михаил Кулаков». Когда он сказал это, я вся задрожала, потому что вспомнила свой сон, и ответила, что мы не знаем его. А через месяц из Москвы он прислал нам его адрес и посылочку, в мешковину зашитую. И эта посылочка попала в наш дом. Михаил Петрович в то время жил километрах в 60 от нас. Один из братьев предложил, чтобы я эту посылочку отвезла, ведь молодому человеку будет приятно, что его девушка посетит. А мой отец был против: «Как это – молодая девушка сама поедет к парню?»

В результате эту посылочку Михаилу только месяца через два отвезла моя двоюродная сестра. А мы с ним познакомились позже, когда он попал в районный центр, где тетя моя работала. Она привела его в школу, где он устроился учителем рисования и черчения. Однажды моей тете Агафье Павловне он сказал, что хочет с кем-нибудь из верующих молодых людей познакомиться. Тетя сказала, что группа верующих есть на большой узловой станции Карагандинской железной дороги Кушмурун, за 40 километров отсюда, но из молодых никого нет – только моя племянница, то есть я. Михаил попросил показать мою фотографию и сказал, что хотел бы познакомиться. Через некоторое время тетя приехала к нам, с родителями поговорила об этом, и они решили меня отправить с тетей за учебниками для моего младшего брата, который в то время перешел в 10 класс. О том, что Михаил бывает у тети, я узнала, только когда оказалась в ее доме.

Как-то утром, открыв дверь в летнюю кухню, я увидела гостя, который мирно о чем-то беседовал с тетей. Это было неожиданно, и вызвало мое смущение. Я пошла за книгами, а когда вернулась, Михаила уже не было, но Агафья Павловна сказала, что он придет вечером и мы вместе встретим субботний день. Наступил вечер, мы с тетей закончили все наши дела, и тут открывается калиточка, и появляется Михаил, такой статный, высокий молодой человек! У него после заключения волосы немножко отросли, и он так скромно, так вежливо подошел, поздоровался и сел с нами. Мы принесли Библию, он прочел один из псалмов. Так красиво объяснил он этот псалом, как никогда мне прежде не доводилось слышать. Это на меня произвело очень большое впечатление. И я всю жизнь помню об этом случае и благо-

дарна Богу, что мне пришлось слышать тогда его. После этого я по-другому стала относиться к Священному Писанию.

Михаил попросил у тети разрешения провести вместе со мной субботний день. Сама она ушла на богослужение, а мы с Михаилом остались и проговорили целый день. Вечером мне надо было ехать домой, он проводил меня на вокзал. Когда мы прощались, он сказал: «Я бы хотел, чтобы мы еще увиделись, и хочу поговорить с твоим отцом. В церковь я еще открыто ходить не могу, а мне бы очень хотелось пообщаться с серьезным верующим человеком»... Через некоторое время отец поехал навестить Михаила. Я очень ждала, что скажет о нем отец по возвращении. Отец с восторгом рассказывал о беседе с Михаилом, а потом сказал, что главная причина, по которой он хотел увидеть отца, – он просит моей руки. Отец советовал ему не торопиться и сказал: «У тебя еще много времени. Сейчас твой отец в заключении, года два надо ждать. И еще: у тебя выбор, как у царя Артаксеркса, ты осмотришься, чтобы потом не жалеть».

Через некоторое время Михаил прислал мне телеграмму: «Срочно приезжай». Я очень заволновалась и поехала. Он встретил меня с цветами и сразу спросил: «Ты паспорт привезла?». Я сказала – нет. Он огорчился. Мы сели под березки и долго беседовали. Он много мне рассказывал о своей жизни, о жизни родных – все они гонимы, и неизвестно, что впереди будет, неизвестно, какая жизнь ожидает меня, но он бы хотел свою судьбу связать со мной. Знаете, невозможно было отказать такому хорошему молодому человеку! Я вернулась домой, рассказала родителям, и все были рады и решили молиться, чтобы все было по воле Божией. Мы думали, что нам надо принять его в нашу семью. У него же ничего не было – ни денег, ни жилья, ни имущества, один фанерный чемоданчик, и больше ничего. А у нас был и свой дом, и корова, и все необходимое для жизни.

В следующий раз, когда я приехала к Михаилу, мы с ним зарегистрировались. А когда нас сочетали церковным браком, мы стали жить вместе. Я всегда и во всем поддерживала его, потому что я верила, что он мне дан Богом. И он предупредил меня: моя жизнь нелегкая будет, моя жизнь – цыганская... Цыгане все время в разъездах, и его будут гонять с одного места на другое, поэтому я не имела права даже роптать. Я понимала, что должна ему помогать в работе, освободить его от физического труда. И я брала на себя и то, что можно женщине, и то, чего нельзя... Я и английский язык не выучила, потому что, во-первых, не думала, что он пригодится, а во-вторых, у меня не было времени на это.

Мы с ним поженились в такое трудное время, когда церковь наша была в подполье, все были разрознены, и очень было трудно всех объять любовью своею. Надо было лично с каждым беседовать, ездить по городам и селам. Михаил ездил в поездки один, а когда я просила, чтобы он меня с собой взял, он говорил: «Как же я заберу тебя у детей? Когда ты остаешься с детьми, я знаю, что они будут и напоены, и накормлены, и проверены, и уложены спать вовремя, и не пойдут, куда не надо». Так что в этом отношении он полагался на меня полностью.

Через год мы поехали в Алма-Ату, потому что там церковь находилась в бедственном положении, и надо было как-то объединить верующих, чтобы они были в любви между собой и с Богом. И такая жизнь началась у нас бурная, деятельная, духовная, при этом нас преследовали, за нами следили, общественные суды устраивали...

Так трудно было жить, когда дети боялись милиционера... Когда видели, что идет милиционер, они за мою юбку хватались, один – на руках, а трое – вокруг (это когда было их еще четверо). Но мы никогда не говорили о том, что у нас трудная жизнь... А потом детей шестеро стало, и жизнь тоже изменилась. Помню, когда у Мишеньки маленького – ему годика два было – наши собратья спрашивали: «Мишенька, кем ты будешь?», он ручки кверху поднимал и говорил «милиционером». Он не мог выговорить «миссионером»! У него получалось «милиционером», и все хохотали! Мы молились всегда, чтобы наши дети могли

быть использованы в деле Господнем, чтобы были использованы те дары, которыми Господь наделил каждого.

Михаил Петрович – это был дар мне от Бога. Я любила его всем сердцем своим и всей душой и до сих пор люблю. Он появился в моей жизни внезапно и ушел, когда я еще этого не ожидала. И когда я вижу его во сне, я радуюсь этому сну, потому что я скучаю по нему, мне недостает его. Мы прожили 56 лет вместе, и непросто мне остаться без него... Я думала, что он хоть на пенсии будет более свободным, но я ошибалась. Он говорил: «Нет, я теперь тороплюсь как можно скорее все закончить, но ты не переживай, перед нами еще вся Вечность». Вера, с которой он жил, утешает меня. И мечтаю, что перед нами будет вся Вечность, мы будем друг с другом радоваться. Хорошо, что Господь сделал так, что он родился в этот мир. Михаил Петрович – это подарок для того времени, потому что любой человек, который с ним встречался, духовно оживал. И я знаю: тот, кто когда-либо слышал его, приближался к Господу.

* * *

Обо всем, что пришлось пережить многим верующим, я узнала позже. А тогда... Удивительное это было время – начало 1990-х в поселке Заокский! Никто из нас, приезжающих в семинарию, не задумывался о том, что за все, что мы видели вокруг, многие заплатили своей жизнью. Для таких, как я, новеньких и свеженьких, был подходящий термин – «неофиты». Как всякий неофит, я приезжала в Заокский с чувством огромного счастья и блаженной улыбкой на лице. Мне нравилось все – студенты, их жены, члены общины, приветливо встречающие гостей. Мне понравилась студенческая столовая, где подавали только постную еду, мне нравилась стена в храме, которая опускалась по субботам, чтобы вместить всех желающих. Проповедники и преподаватели казались небожителями, и среди них главным небожителем был Михаил Петрович Кулаков – главный адвентист (название его должности я тогда никак не могла запомнить). Каждого, кто приезжал в семинарию впервые, ждала экскурсия, которую проводил кто-то из дежурных преподавателей или студентов. Однажды я привезла в будний день своих друзей. Студент (уже не помню сейчас, кто именно) водил группу гостей по учебному корпусу, открывал двери и показывал: «Вот здесь – библиотека, здесь канцелярия, а здесь работает Михаил Петрович Кулаков – председатель нашего дивизиона». И никого не удивляло, что каждый пришедший может заглянуть в любую комнату, даже в ту, где работал «главный адвентист». И Михаил Петрович вставал и с улыбкой приветствовал людей, которые зашли в его комнату просто как на экскурсию. Интересно, где еще было возможно такое?

Тогда же меня поразила одна фамильная черта Кулаковых. Я никогда не слышала от них слова «нет». В ответ на все мои идеи и предложения я всегда слышала «да». Часто ли мы слышим слова поддержки от людей, облеченных хоть какой-то властью? Впервые услышав это «да», я была удивлена несказанно! А случилось это вот по какому поводу.

В конце 1980-х годов в Тарусе группа любителей и почитателей творчества Марины Цветаевой продвигала идею о создании в городе музея семьи Цветаевых. Вместе с актрисой Надей Веселой (Загаиновой), экстравагантной любительницей цветаевской поэзии, мы ездили с моноспектаклем (по произведениям Цветаевой) по домам отдыха и санаториям, собирая благотворительные пожертвования в фонд музея Цветаевой. С этой идеей – собрать средства среди студентов и профессоров семинарии, дав благотворительный спектакль, я обратилась к ректору Михаилу Кулакову и услышала в ответ «да». Он назвал дату – 2 сентября.

Сейчас не так уж много людей могут вспомнить тот первый учебный день в семинарии в Заокском, а я его помню прекрасно, потому что тоже оказалась причастной к этому празд-

нику. Вечером состоялся наш концерт-спектакль, и мы собрали большую по тем временам сумму – 150 руб. И сегодня мне приятно осознавать, что в основании музея, открывшегося спустя несколько лет в Тарусе, есть и пожертвования, собранные в первый учебный день преподавателями и студентами семинарии христиан-адвентистов седьмого дня.

Беседа пятая Поселок Заокский, июль 2007 года

Михаил Петрович, вас многие сегодня упрекают в либерализме. При вас и при Михаиле Кулакове Заокская семинария была таким «рассадником свободомыслия», что многие сравнивали ее с Пушкинским лицеем. Считаете ли вы, что ваш путь был более правильным?

Моя задача – сказать и сделать так, чтобы не навредить, не оттолкнуть, не помешать человеку понять меня правильно. Апостол Павел для меня всегда был пример высочайший. Он говорил: *Для эллинов я был эллин, для иудеев я как иудей. Для не имеющих закона как не имеющий закон.* И все это с одной только целью – вести людей ко Христу. Я всегда опасаясь, что мои слова кто-то неверно истолкует. Это меня удерживает от опрометчивых высказываний. Я привык взвешивать каждое свое слово, зная, что от этого может зависеть не столько отношение ко мне, сколько отношение к той истине, о которой я говорю. Если говорить о либерализме и консерватизме, то я понимаю, что в христианстве этого не должно быть по сути. Не должно быть в христианстве крайностей. Не должно быть правого и левого экстремизма, они опасны, они не конструктивны. Конструктивно можно что-либо сделать только в середине дороги, а не на обочинах. Нам здесь в России пришлось наблюдать такое явление, как экстремизм правого толка, когда учение Христа понималось узко и фанатично.

Например, нетерпимость к верующим других конфессий. Это, на мой взгляд, глубоко ошибочно, этого не должно быть. Если бы мы понимали, как Бог любит всех людей, если бы смиренно сознавали, что мы не лучше других, что мы тоже ошибающиеся люди, тогда отношение к людям другой веры у нас было бы иным. Не такое, как у тех святош, которые с презрением смотрят на язычников. Как это было с израильским народом – *я свят и не подходи ко мне.* Это была такая формула, которую осуждали пророки в древности: те, кто не соблюдают заповеди, не так близки к Богу, как мы. И поэтому мы не можем с ними общаться и сотрудничать. Если у кого-то сегодня есть такие суждения, они глубоко ошибочны. Здесь, правда, есть опасность, что будет размываться то важное и принципиальное, что составляет фундамент церкви...

Я пытался внести в адвентистскую среду понимание, что мы не лучше других, мы не единственные спасаемые у Бога люди. У Бога очень много людей, которых он называет своими и которые рассеяны повсюду. В борьбе с крайностями и формализмом мне пришлось себя проявить как человеку, отрицательно относящемуся к формализму и законничеству. Это дало основание некоторым считать, что я такой большой либерал. Это естественно в таком противостоянии разных взглядов и идей. Я молюсь Богу, чтобы не впасть ни в ту, ни в другую крайность.

Поселок Заокский, январь 2010 года

Зима в этом году удивительная, давно такой не было. Под ногами скрипит ослепительно белый снег, ветки деревьев в лесу похожи на хрустальные подсвечники. Это – в Заокском, в Москве, конечно, все по-другому... Когда летом 2009 года Михаил Петрович уезжал из Заокского в Америку, его супруга Анна Ивановна кому-то сказала: «Не приедем сюда больше». Как будто чувствовала...

Все эти недели живу с ощущением, что на другой стороне земного шара уходит в небытие русский человек, мечтавший ходить по русской земле и писать русские пейзажи. Он говорил об этом, когда я записывала интервью с ним для «Русской мысли» летом 1998 года.

«Что вы будете делать, когда закончите перевод Библии? О чем еще вы мечтаете?» – спросила я его. «Я мечтаю ходить с этюдником и писать русскую природу», – ответил Михаил Петрович, чем несказанно тогда удивил меня. Я вдруг почувствовала в нем близкую, родственную душу. Я знала, что он закончил когда-то художественное училище, но думала, что живопись для него осталась в далеком прошлом. Но видимо причастность к искусству не может отпустить человека навсегда. А недавно, увидев его фотографию со скрипкой в руках, я сделала еще одно неожиданное открытие: оказывается, Михаил Петрович умел играть на скрипке! А потом и Петр мне это подтвердил: «Дома стояла старая фисгармония, и отец умел играть – садился, открывал духовные песнопения... Я не знаю, где он научился, кто его научил. Он нам об этом никогда не рассказывал. Я видел его играющим на скрипке, не так часто он ее доставал, но в пятницу вечером иногда играл. Он был музыкальным человеком, очень ценил музыку. И нам прививал любовь к ней...»

Никогда не замечали, что художники и музыканты – другие, иные, не такие, как все? Не лучше и не хуже – просто ДРУГИЕ! Людям, способным трансформировать свое мироощущение в звуки и краски, дано особенное понимание жизни. Наверное, именно оттуда, из художественного прошлого, и исходит удивительная гармония, всегда присутствовавшая во всем, что Михаил Петрович говорил и делал.

Однако меня не покидает ощущение трагичности его жизни. Со своими непоколебимыми убеждениями, верой, стремлением к гармонии он оказался вовлеченным в это падение в бездну – в великий разлом истории, в который попали многие российские семьи в XX столетии. Но, несмотря на все пережитое и вполне простое происхождение, многочисленное семейство Кулаковых всегда производило впечатление семьи аристократической, имевшей несколько поколений голубой крови...

Беседа пятая (продолжение) Поселок Заокский, июль 2007 года

Стоял ли перед вами такой выбор: благополучие семьи или путь служения Богу?

Я никогда не думал, что могу оставить свое служение, мне это и в голову не приходило. Я чувствовал, что другого пути у меня в жизни нет. Когда мне приходилось работать преподавателем в школе, я чувствовал постоянную неудовлетворенность. Хотя, в общем-то, дело было интересным и нетрудным – преподавать рисование и черчение, это как раз то, чему я учился в художественном училище. Но я чувствовал, что делаю что-то не то. Что трачу время не на то, чем должен заниматься. Мое призвание – проповедовать Евангелие Господа нашего Иисуса Христа. Я должен этим заниматься, хотя это связано с опасностью. И пока я не буду этим делом заниматься, я нигде не найду для себя удовлетворения.

Мы с супругой поехали в Алма-Ату, не имея никакой материальной поддержки, нас никто туда не посылал. Есть евангельский рассказ об апостоле Павле, который во сне услышал мужа македонянина, который сказал: придите и помогите нам. В Евангелии это называется *македонский зов*. Этот македонский зов мы услышали от приехавшего к нам Ивана Антоновича Павелко, отца большой семьи. Он сказал: нас несколько человек в Алма-Ате, но у нас нет церкви, у нас нет служителя, приезжайте и помогите нам. Незадолго до этого там прошли страшные аресты, все руководство и наиболее активные члены церкви были отправлены на север в лагерь. Большая часть, около 1300 человек, погибла, через год в живых осталось только 300 человек. Недавно я встретил дочь одного из выживших, адвентиста по фамилии Степовой. Ей отец рассказывал, что он 12 братьев закопал в мерзлую северную землю.

Так что мы получили приглашение ехать в Алма-Ату продолжить дело, которое этими арестами было разрушено. Там все надо было начинать сначала. Моя жена Анна Ивановна часто вспоминает, какое трудное это было время. Но когда я потом встречал в Алма-Ате людей, которые нас тогда знали, то видел их радость. Это была настоящая любовь людей, которые были полны благодарности за то, что мы в немощи своей смогли совершить долг христианский, смогли поддержать духовную жизнь и содействовать созданию церкви.

В сентябре 2006 года я как бывший руководитель церкви в Средней Азии и Казахстане вместе с Анной Ивановной был приглашен в Алма-Ату на торжества, посвященные столетнему юбилею адвентистского движения в этом регионе. Ко мне подошел служитель одной из церквей (в Алма-Ате к этому времени было уже семь церквей) и сказал: «Глядя на вашу жизнь и зная о том, что вам пришлось пережить, мы увидели, что преданность Богу, служение христианским идеалам при всех обстоятельствах жизни – всегда торжество. Мы увидели, что победа всегда на стороне Господа нашего Иисуса Христа. Какие бы ни были бури, а все завершается тем, что Христос побеждает. Когда все на земле закончится, мы будем в царстве Божию вспоминать о пройденном пути, о тех победах, которые Христос даровал нам здесь, и о тех милостях, которыми он окружал нас, и об утешениях и ободрениях, которые мы получали в наших переживаниях и в нашей борьбе».

Михаил Петрович, весь ваш жизненный путь свидетельствует о том, что Господь вас действительно вел, и вы его слушали и слышали. А есть ли что-то, о чем вы сожалеете? Что не удалось? Где вы не так поступили?

Есть, и немало таких переживаний. Есть то, о чем я очень сожалею, есть то, о чем я стыжусь говорить, и это совершенно естественно. Я хорошо понимаю, что слабости мои, как у каждого человека, проявлялись в жизненной борьбе. Как и каждый человек, я оступался и ошибался. И благодарю Бога, что он был очень милостив ко мне, что я мог упасть и подняться, что я мог просить прощение и получить прощение у Бога, и поэтому я благо-

дарен и за мои неудачи тоже, и за человеческие ошибки. Но чем больше было человеческих слабостей, тем больше я убеждался в том, что Бог милостив. Любвеобильный, прощающий Бог, Бог восстанавливающий. С Ним и только с Ним я могу быть победителем. Если бы – что, конечно, совершенно невероятно – у меня не было ошибок и согрешений, то я был бы слишком гордым, надменным и самоуверенным человеком. И поэтому я нахожусь в сознании своей немощи. И знаю: если мне удалось сделать что-то хорошее, то только благодаря тому, что Господь был очень милостив ко мне. И я счастлив его любовью. Я ее испытал и испытываю. Мои замыслы осуществились, и во многих отношениях свершилось больше, чем я мог ожидать.

В советское время огромных усилий стоило пробить вопрос об издании для церкви хотя бы одного календарика. Потом нам удалось начать издание маленькой газетки, которая называлась «Слово примирения». А сегодня я был в адвентистском издательстве «Источник жизни». Мне показывали, какие издаются книги, какими тиражами... Это намного больше того, о чем я мог мечтать! И во многих других отношениях так же. Например, я мечтал создать учебное заведение. Началось все с заочных курсов, а сегодня это серьезное высшее учебное заведение – семинария христиан-адвентистов седьмого дня в Заокском. Сейчас я работаю над переводом Библии. Надеюсь, по милости Господней, опять по его особой милости, я смогу и еще что-то сделать...

* * *

До моего знакомства с адвентистами седьмого дня я не раз бывала в православной церкви. В конце 1980-х это становилось общепринятым, «входило в моду». Но немногие, принимая крещение или венчаясь в православном храме, задумывались над смыслом этих обрядов. Принадлежность к православной церкви просто стала считаться хорошим тоном. Да и большинство православных священников, крестя человека, которого порой они видели в первый и в последний раз, не заботились о том, что происходит на самом деле в его душе. Не задавались вопросами: зачем он здесь? что привело его в храм? Это потом я познакомилась со священнослужителями, которым было не все равно, которые пытались хоть что-то объяснить пришедшим в храм креститься или венчаться.

Стало почти неприличным не отмечать Пасху и Рождество. Хорошим тоном считалось зайти два раза в год на эти праздники в какой-нибудь храм в центре Москвы и поставить свечку. Я тоже надевала платок, заходила, разглядывала иконы, ставила свечки. Помню, какое пришлось сделать над собой усилие, чтобы поднять руку и в первый раз перекреститься. При этом никаких глубоких внутренних движений в моем сознании не происходило. Все-таки человеку, воспитанному в материалистическом духе, необходимо потрогать руками то, что называется верой и Богом. Как апостолу Фоме, «вложить перста» в раны Иисуса.

Хотелось ли поверить? Да, очень! Читала Достоевского и Лескова, Пастернака и Блока. «Лето Господне» Шмелева тогда уже напечатали. Генетически чувствовала сопричастность всему этому. Нравилась эта эстетика, нравилось заходить в полутемный храм, нравился запах свечей и ладана. Чувствовала – то, что я ищу, где-то совсем рядом. Но где? Ухватиться за что-то было невероятно трудно, все выскальзывало из рук, не находило внутри меня никакого отклика. Может быть, только на каком-то поверхностном культурологическом уровне. Могла ли я тогда, делая первые шаги в церкви, представить себе, как все это меня затянет? По каким душевным лабиринтам мне придется пробираться, ломая себя вместе с привычными представлениями о том, как устроен мир? И что так много придется в себя впустить и не только из учения христиан-адвентистов седьмого дня, не раз и не два перевернуть свое сознание, мучиться сомнениями и противоречиями...

Вместе с другими «неофитами», восторженными посетителями семинарии, я посещала Библейские курсы, которые вели для нас по субботам студенты. Настоящим открытием стала детская Библия с картинками, подаренная профессором Волкославским моему четырехлетнему сыну. Я читала ему Библейские рассказы и узнавала в этих текстах сюжеты, известные мне по живописи и музыкальным произведениям. До какой степени я, человек из интеллигентной семьи, получивший высшее музыкальное образование, была, оказывается, безграмотна и необразованна! Вторым потрясением стало чтение Евангелия, в каждой строке которого для меня звучали «Страсти» И.-С. Баха. А через несколько месяцев там же, в Заокском, Ростислав Николаевич Волкославский подарил мне мою первую Библию, и я прочитала ее целиком – всю, до последней строчки – и Ветхий, и Новый Завет.

Сейчас трудно понять, что стало для меня окончательной «точкой невозврата», но субботнее изучение Священного писания точно сыграло в этом огромную роль. И еще я уверена, что крепко – до седьмого колена! – отмолил всех своих потомков, в том числе и меня, мой трижды прадед протоиерей Алексей Казанский. А еще помню, что слабое, почти неосознаваемое чувство сопричастности всегда возникало у меня в церкви Николы в Хамовниках, недалеко от станции метро «Парк культуры» в Москве. Тогда, в юности, я не понимала, отчего. Сейчас, мне кажется, поняла. Рядом с этой церковью жила моя двоюродная прабабка Наталья Сатировна Тихомирова (урожденная Казанская), единственная из нашей семьи оставшаяся после революции верующей православной христианкой. Насколько я помню, именно из-за соседства с этим храмом она не меняла свою неудобную комнату в коммуналке и ютилась в ней со своей уже взрослой дочерью. И я уверена, что это единственный храм, где за меня молились, когда я была ребенком.

Я приняла крещение 15 сентября 1990 года в Поленово, в Оке, с полным водным погружением. В этот день, когда вместе с принятием христианства я стала членом церкви христиан-адвентистов седьмого дня, в Заокском храме проповедовал Миша Кулаков, и в этом была некая закольцованность. Мишина проповедь была первой, услышанной в церкви. Мишина же проповедь была и последней, услышанной перед важнейшим событием моей жизни – крещением. Тогда я не предполагала, что впоследствии встречу людей, которым не захочу говорить, что принимала крещение в Заокском, в Церкви христиан-адвентистов седьмого дня, потому что знала, что столкнусь либо с непониманием, либо с откровенным неприятием. Потому что для многих отныне я стала «сектанткой».

Беседа пятая (продолжение) Поселок Заокский, июль 2007 года

Михаил Петрович, почему в России так боятся инакомыслия?

Это следствие незнания истории, непонимания путей развития общества. Если говорить о прогрессе человечества, то он всегда был связан с прогрессом духовным. Когда люди пытались что-то улучшить в своей духовной жизни, сразу же менялась и социальная ситуация, наблюдался прогресс и в науке, и в материальном состоянии общества. Мы в России наблюдали обратное: когда духовные начала подавлялись, мы пожинали плоды такого подхода. Я против распространенного мнения о том, что России нужен какой-то самобытный путь, и только это ее спасет. Это, по-моему, очень большое заблуждение.

Самобытный путь России есть православие, но есть еще особый мессианский путь...

Да, есть такая версия, но она не библейская. Думать о том, что мы одни узнали Христа и что одни мы представляем Его в этом мире – это просто человеческая гордыня. В христианском смирении мы должны бы сказать: Господи, все мы приближаемся к Тебе, все мы делаем ошибки, все мы можем заблуждаться, поэтому управляй нами и помоги нам быть открытыми! Но человеку свойственно впадать в крайности. Крайности правого толка – это дремучий консерватизм, крайности левого толка – либерализм, когда все дозволено. Эти крайности качают общество в одну и в другую сторону. Когда мы имеем возможность коммуникации, когда мы можем друг друга поправлять, открыто критиковать, тогда как-то сбалансируются человеческие слабости, и путь, по которому человечеству легче будет двигаться, будет найден.

Одно время нам казалось, что все так и происходит. В начале 1990-х, когда вы создавали российское отделение Международной ассоциации религиозной свободы, возник конструктивный диалог с Русской православной церковью, некоторые представители православной церкви шли на контакт. Почему сейчас все не так? С чем это связано, – с политикой или с идеологией?

Все это – проявления человеческой природы, стремящейся господствовать, контролировать, подчинять себе подобных. Христос, когда его ученики пришли и сказали, что *запретили твоим именем одному из людей, чтобы он с нами ходил*, ответил, *вы этого не делайте и не запрещайте, если он ходит с нами. Это его дело*. Апостол Павел говорит: *кто проповедует Христа, я этому радуюсь, лишь бы имя Божье проповедовалось*. Бог не осуществляет насилие, Бог никого насильно в свое царство не влечет. Он предоставляет свободу выбора каждому человеку. Это божественный путь, и он должен быть найден. Но для этого нужно иметь смирение. И соглашаться с тем, что мы не можем брать в свои руки то, что нам не дано. Католическая церковь потому и держала веками людей во мраке, что не хотела с этим смириться. Слава Богу, что на Втором Ватиканском Соборе католики заняли иную позицию в этом вопросе. Они осознали свои прошлые ошибки, и сегодня католики контакт с другими церквями ищут больше, чем многие другие.

Папа Иоанн Павел Второй много сделал для этого...

Да, Иоанн Павел Второй был человеком светлым в своих поисках того, что нужно дать сегодняшнему человечеству. Но когда мы смотрим на этот мир, на то, что происходит вокруг – миллионы сирот, разрушенные семьи, сердце кровью обливается! Мы все несем за это ответственность, это же наши братья, наши сестры, и их жизнь покалечена. Они погибают в наркомании, алкоголизме. Нужно работать над тем, чтобы помогать этим людям, а помогать мы им можем только сообща, потому что в одиночку мы очень слабы. Вот здесь религиозное воздействие было бы очень важно. На это надо направить усилия, а не на конфронтацию.

Идеологическая монополия так же вредна, как монополия в материальном мире: если нет соревнования, конкуренции, то это приводит к застою, разлагает, деморализует. В экономике монополия препятствует развитию, и только благодаря соревнованию каждый пытается найти что-то лучшее. Так и религиозные организации. Они внутри разлагаются, если нет соперничества, разумного, регулируемого законом. И тогда они вынуждены быть заботливыми пасторами и искусными подателями своих истин людям. И каждый человек волен искать и находить то, что соответствует его нуждам.

* * *

Были ли у меня сомнения? Да, были, все было непросто. Мне не все было в самой себе понятно. Людям, которые находились рядом, было понятно все. Для одних обязательным было соблюдение субботы, когда нельзя ничего делать, даже готовить еду и мыть посуду. Этот день посвящается служению, изучению Священного Писания, духовному общению с единовѣрцами. В остальное время – достаточно простое и демократичное общение со всеми вне церкви, сдержанное противопоставление своей веры православию и обязательная молитва перед едой. Для других – обязательное посещение православных храмов по праздникам (для особо «продвинутых» – каждое воскресенье), активное осуждение всех инакомыслящих и сектантов, являющих собой страшную опасность для России. При этом под сектантами понимались все неправославные.

«Где дух Господень – там свобода!». Эти библейские слова я часто слышала от Михаила Петровича. Именно глубинное осознание этого выражения в какой-то момент стало для меня основой понимания христианства. Захотелось не просто изучать библейские тексты, захотелось совершать поступки, свидетельствующие о том, что я христианка, захотелось полной и безусловной свободы – даже в христианстве. Свободы от любых конфессиональных правил!

Парадоксально, но только после вступления в адвентистскую общину я начала осознанно посещать православные (и любые другие!) храмы. Приняв таинство крещения и ощутив потребность в поклонении и молитве, я вскоре почувствовала желание совершать какие-то действия, которые вроде бы вступали в противоречие с протестантизмом, например, мне впервые в жизни захотелось перекреститься на купола православного собора. Захотелось зайти в храм, подойти к иконам, поставить свечку и подать поминальную записку. Я начала понимать смысл православного богослужения. Захотелось иметь дома иконы и повесить Святое Распятие (и я повесила его, купив в Израиле, в Назарете). Захотелось носить на шею крестик как знак причастности к христианству.

Но вряд ли все это получило бы одобрение в протестантской церкви, поэтому я долго задавливала в себе эти желания. Посещение адвентистской церкви в Заокском по субботам я все чаще чередовала с посещением православных храмов. Иконы и фрески русских соборов, молитвенная строгость монастырей помогали почувствовать свою сопричастность с христианским вероучением. И получать ответы на свои молитвы. Но в беседах с Михаилом Петровичем по-прежнему оставалось сакральное чувство, что через него со мной говорит Бог. И Бог говорил со мной о свободе...

Однажды, уже в конце 1990-х годов, я не выдержала и рассказала обо всем, что меня мучило, священнику Храма Косьмы и Дамиана в Столешниковом переулке отцу Георгию Чистякову. Честно – ожидала строгого внушения, в лучшем случае, дружеского совета все же сделать выбор, чтобы «не сидеть на двух стульях». Но то, что он сказал, меня удивило и в каком-то смысле примирило с собой.

«Ты, Ольга, как человек будущего, – сказал мне тогда отец Георгий, – если ты способна вместить в себя все, то можешь молиться в любом храме». – «Но я могу приходить и в като-

личный храм, и в лютеранский... Я могу сидеть там часами и молиться. Что это? Почему? Ведь мой духовный дом – в Заокском». – «Знаешь, если у человека где-то есть Дом, то у него Дом везде».

Такими простыми и такими важными для меня словами отца Георгия Чистякова закончился период моих метаний и переживаний. Я перестала ощущать себя предателем или отступником и по отношению к одной, и по отношению к другой церкви. Я начала обретать гармонию настоящего христианства. Я перестала ощущать запреты и соперничество, которые есть в этих конфессиях. Так я сделала первый шаг к свободе, о которой так много говорил в наших беседах Михаил Петрович Кулаков.

Беседа шестая

Поселок Заокский, август 1997 года

Михаил Петрович, я знаю, что в жизни вам часто приходилось идти на компромисс. Что вы можете сказать об этом? Всегда ли это было необходимо?

Это серьезный и очень непростой вопрос. Потому что это важно – знать правду. Понимать, что происходило, и как сложно все было на самом деле. Если говорить об истории адвентистов в России, то руководство церкви в 1930-е годы пошло на поиски таких путей, чтобы каким-то образом сохранить организацию. Руководитель адвентистской организации Генрих Лебсак (немец, родившийся в России), видя, какой курс взяло правительство, пытался сохранить церковь. И поэтому, когда его вызывали, давили на него, говорили, что нужно отказаться от чего-то, он соглашался. В частности, это касалось воинской службы. В 1924 году он нашел возможным сказать, что это вопрос совести каждого человека, а церковь к этому отношения не имеет. Но это не устраивало советскую власть, и в 1928 году от него потребовали решительного заявления, что члены церкви будут работать по субботам, когда это необходимо в интересах государства, например, когда нужно спасти урожай. Что касается воинской службы, то все должны нести ее без всяких уклонений и ссылок на свои религиозные убеждения. Лебсак, понимая, что надо сохранить церковь, решил принять и эту декларацию в надежде, что члены церкви поймут, что это вынужденный компромисс. Но это не было понято. И тогда адвентистская община разделилась.

Конечно, эта декларация была написана слишком просоветски, в категорическом тоне: мол, вы должны идти служить, а те, кто не пойдет, уже не будут членами церкви адвентистов седьмого дня. Муж моей тети Анны Степановны, прочитав эту декларацию, заплакал, порвал ее, выбросил и никому из членов церкви ничего не сказал. Сказал только своей жене: «Бедный брат Лебсак, до чего же его довели». Вот так сочувственно он к этому отнесся. А другие воспользовались этим, чтобы отколоться и создать свою организацию. Чтобы провозгласить себя праведниками! Но их мы тоже судить не можем...

Если продолжить тему компромиссов, то были еще комсомол и пионерия, была Великая Отечественная война...

Все решалось, можно сказать, индивидуально. Некоторые семьи открыто заявляли, что религиозные убеждения не позволяют им участвовать в кровопролитии. Некоторые за это были расстреляны, некоторые брошены в тюрьмы, некоторым удалось выжить. А некоторые пошли в армию, и тоже были убиты. Мой старший брат Стефан прошел всю войну и дошел до Берлина. Он вернулся с фронта с Орденом Красной Звезды и Орденом Боевого Красного Знамени, в чине лейтенанта, привез шашки взрывные, бикфордов шнур. Что он думал взрывать, я не знаю, теперь его бы, наверное, за террориста приняли. Но тогда, кажется, он думал, что это для строительных работ ему понадобится...

И это не спасло его от ареста...

Нет. Как и других. Там и генеральского звания люди сидели. Со мной в камере сидел убежденный коммунист, секретарь райкома, на войне был ранен, имел ордена. В последние годы войны он работал секретарем Шуйского райкома, это рядом с Иваново. Мы с ним в одной камере оказались, оба находились под следствием. Камера на троих, три койки и маленький проход: два шага вперед, шаг вбок. И тут же ведро для естественных отправлений. Ужасно страдал этот человек! Помню, он сидит напротив меня, бьется головой об стену и бормочет: «Это частная лавочка». Он отказывался от приема пищи, однажды потребовал прокурора. Его повели куда-то, как я понял, насильно кормить. Ужасны были страдания человека, который был предан стране и ничего против нее не сделал. Я сидел с нашими солдатами, попавшими в плен. Когда наша армия заняла Германию, их всех освободили из

немецких лагерей и тут же отправили товарными вагонами в Россию уже в наши лагеря, потому что их считали предателями, и они получали за это по 15–25 лет лагерей. Когда они узнавали, что я сижу за свои религиозные убеждения, они говорили мне: «Ты счастливый человек. Ты, по крайней мере, знаешь, за что ты находишься здесь. А мы не знаем». Ведь их, как правильно Солженицын пишет, трижды предали...

Давайте вернемся к компромиссам...

Должен сказать, что в молодости я был бескомпромиссно убежден, что не смогу пойти ни на какие компромиссы со своей совестью. И в принципах своих, и в вере, и в отношении к тем или иным явлениям жизни. Все это проявилось и в Алма-Ате, куда мы после ссылки с супругой переехали, когда была объявлена амнистия.

Амнистия – не реабилитация?

У меня есть документ и о реабилитации, но реабилитация была много позже. А тогда была только амнистия. В Алма-Ате нас приняли в многодетной семье Павелко. Сейчас один из детей, уже взрослый, живет в Заокском. Сначала было очень трудно, потому что от церкви мы никакой поддержки не имели. Мы туда поехали, имея одного ребенка и ожидая рождения второго. Конечно, такое возможно только в молодости. Мне нужно было устроиться на работу, чтобы не стать тунеядцем, потому что иначе я опять попал бы в заключение. Мы снимали квартирку, на которую я едва зарабатывал. Моя супруга иногда вспоминает, какие там были тяжелые условия: она, ожидая рождения ребенка, не могла себе купить молока. Жили мы в большой бедности, но все-таки церковь образовалась, потом приобрели на средства церкви частный дом, который оборудовали под молитвенное собрание, и начали проводить там богослужения.

Это был 1957 год, хрущевская оттепель, и по отношению к верующим наблюдалось некоторое смягчение. И мы это почувствовали, но я все равно понимал, что власти следят за нами и нужно получить официальное оформление. Я пришел к уполномоченному по делам религии в исполком и спросил о возможности регистрации нашей общины в Алма-Ате. Он в ответ на это распорядился предоставить список всех членов, указать домашние адреса и место работы каждого. И сказал, что обо всех, кто будет приходить на богослужения, я также должен буду ему сообщать. Я с молодой наивностью и без особой дипломатичности сказал, что у нас церковь отделена от государства по Конституции, поэтому государству не должно быть до этого никакого дела. Он удивленно на меня посмотрел и говорит: неужели вы не знаете, что, кроме писаных законов, существуют законы неписаные? И вот по этим законам вы обязаны нам давать эти сведения. Я попрощался с ним и ушел. Я понимал, что этого не смогу сделать, на этот компромисс пойти не смогу.

Когда на дверь нашего молитвенного дома был повешен замок, мы стали собираться во дворе. Через окно вытащили деревянные лавки и во дворе проводили богослужения. Но это тоже продолжалось недолго. Однажды во время богослужения подъехала машина, «черный ворон», и стали всех туда заталкивать. Потом нас допросили, переписали и пригрозили... Тогда мы разбились на маленькие группки и так проводили богослужения.

Задержали меня в городке Иссык в 35 км от Алма-Аты. Я на автобусе туда поехал, а за автобусом, оказывается, шла машина с сотрудниками КГБ. Как только я вышел из автобуса, они предъявили свои удостоверения, посадили меня в машину и привезли назад. Несколько дней я провел во внутренней тюрьме КГБ, подвергаясь допросам. Потом меня вызвали к начальнику республиканского КГБ, какому-то генералу. В большом кабинете, устланном дорогими коврами, сидели ответственные работники КГБ республики. Генерал сказал: «Вас здесь не было – и не было никаких адвентистов, никакой общины, а теперь уже 100 человек появилось. Может быть, само по себе дело и невинное, но это уже организация. Появится здесь какая-нибудь сволочь с антисоветским духом, а тут уже готова организация, и вы пове-

дете ее против советской власти. Так что вы должны подумать, что делать теперь, а мой товарищ с вами поговорит».

И какой-то казах, полковник, опять завел разговор: он может позволить нам заниматься религиозной деятельностью, но при условии, что я буду ставить органы в известность о том, что у нас происходит и кто приходит на богослужения. «Нет, – говорю, – не смогу». – «Ну, хорошо, давайте договоримся, что вы будете нам сообщать то, что сможете. Просто периодически будем встречаться и обмениваться мнениями. Ради того, чтобы вы не попали в какую-нибудь неприятность». – «Я этого не смогу сделать. Вы можете меня здесь оставить, но против своей совести я не смогу ничего сделать». Тогда они меня отпустили.

Общину тогда не зарегистрировали, и мы вынуждены были уехать из Алма-Аты. Переехали в большое село Окуль, и меня избрали руководителем нелегальной организации по всем республикам Средней Азии и Казахстану. Адвентистских общин там было довольно много, большей частью они состояли из немцев с Поволжья и с Украины, которые во время войны туда были сосланы, а потом там и остались. Они создавали небольшие общинки. Немцы – дисциплинированные и пунктуальные люди. Они были ко мне очень расположены, потому что я говорил по-немецки. Они вообще считали меня своим человеком, поэтому и избрали руководителем адвентистской церкви в этих республиках. А мой предшественник К.К. был арестован. Он пошел на компромисс с властью, и они нашли его слабое место. У него были жена и два сына. В КГБ его запугали: либо ты соглашаешься с нашими обвинениями, либо твоя жена и дети будут репрессированы. Конечно, он согласился на все, даже «признался» в половом извращении.

Это была попытка Хрущева увести людей от религии. Он сказал, что через два года верующего человека можно будет найти только в музее. Но никаких насильственных мер, никаких репрессий, тюрем. Верующих пытались дискредитировать, стремились вызвать к ним отвращение людей. Так они поступили и с К., но люди его знали, и никто этим обвинениям не поверил. Я его судить не имею права, он был восемь лет в заключении... Когда он вернулся, мы его приняли в совет нашей организации (я был руководителем) и работали с ним в дружбе до самой его смерти.

Вы говорите о том, когда вы лично не шли на компромисс с властью. Но ведь были люди, которые, как К., шли. Церковь ведь шла на какие-то взаимоотношения с властью?

Это довольно длинная и сложная история. Мне тоже пришлось впоследствии искать пути, чтобы что-то сделать в интересах церкви. Я был вынужден идти на установление некоторых отношений с властью, при которых я мог бы говорить им то, что считаю нужным, но не делать ничего, что могло бы причинить вред кому-либо из верующих. Таким образом я пытался отстоять церковь. Здесь требовалось некоторое маневрирование, христианская дипломатия.

Я много думал об истории России и ее государственных деятелях, таких как Александр Невский, который тоже должен был идти на компромисс с татарскими ханами, дары им отправлять, чтобы защитить Россию. Что-то нужно было делать, потому что иначе некоторые беспринципные люди, поддерживаемые и засылаемые органами, занимали руководящие позиции в церкви и разрушали церковную организацию изнутри. И такое было сплошь и рядом. Были люди из числа служителей, которые (Бог им судья) в какой-то мере были верующими, но только в какой-то мере. Ведь это очень просто, когда человек «непринципальный христианин». Он идет в церковь, молится, совершает обряды. Но если он может свое положение упрочить, получить какие-то блага, он поступает своими принципами. Появление таких личностей приводит церковь к извращениям в учении и практике.

Чтобы отстоять церковь, сохранить ее единство и чистоту ее вероучения, нужен был поиск нового пути, новых отношений с государством. Можно сказать, «рабочих отноше-

ний», при которых тебя знают. В тебе видят честного человека, имеющего свои принципы, который не пойдет на сделку с властью, но который может объединить верующих, может дать направление церкви и единоверцам, направление, которое будет выгодно и государству. Оно не будет фанатичным, антиобщественным, антигосударственным.

Это было «хождение по острию ножа», но тут было за что бороться.

В 1974 году в Россию приехал вице-президент Генеральной конференции Теодор Карсич, славянин. Мы с ним быстро сошлись, он очень умный человек, большой дипломат, и понимал нашу ситуацию очень хорошо. Он сказал мне: «В руководстве церкви я единственный славянин. И я понимаю ситуацию, в которой вы находитесь. Например, в Чехословакии церковью руководит брат Сладек, и мы получаем немало жалоб на него со стороны членов, которые сомневаются в его лояльности к церкви. Но мы-то знаем: для того, чтобы работать в социалистической стране, где правят коммунисты, нужно иметь голову на плечах, нужно знать, как вести дело».

Мы много с ним говорили о точках соприкосновения с органами власти. Надо дать понять им, что мы не враги, что мы, христиане, не можем быть враждебными государственной власти, которую мы понимаем как власть, данную от Бога. Апостол Павел пишет в Послании Коринфянам в 13-й главе: *начальствующий он слуга Божий, он не напрасно носит меч, и всякая душа да будет покорна высшим властям, потому что нет власти не от Бога.* Мы это понимаем так: мы можем быть не согласны со многим, что делает власть. С властью, частью идеологии которой является атеизм, мы согласны быть не можем. Однако идти против власти мы не будем.

Теодор Карсич пригласил меня в Москву, чтобы я был его переводчиком. Он был редким человеком среди адвентистских руководителей такого ранга, и он меня попросил: «Мы многого не понимаем из происходящего здесь, пожалуйста, подсказывай, что можно делать и чего нельзя делать в России, советуй, как поступать». В частности, он привез письмо от Президента всемирной церкви пастора Роберта Пирсона, которое хотел передать в Совет по делам религии при Совете Министров СССР. Он мне сказал: «Может быть, ты посмотришь это письмо, оценишь, стоит ли его подавать в таком виде».

Я прочитал письмо и понял, что в таком виде оно может быть использовано против нас. Хотя там ничего страшного и антисоветского не было. Но отдельные выражения! Например, в письме было сказано, что пастор Пирсон (Президент Генеральной конференции), являясь пастором овец Христовых по всему миру, хочет встретиться с руководством Советского Союза, чтобы пригласить в следующем 1975 году на Генеральную конференцию делегатов церкви. Для советского человека и само слово «овцы», и то, что приглашает «пастор овец», имеет совсем не тот смысл, который в него вкладывали. Здесь будут считать, что адвентисты смотрят на нас, как на баранов. Я предложил Карсичу заново перевести письмо на русский язык и к оригиналу приложить перевод. Так было принято, потому что наши начальники не читали по-английски. Нашел пишущую машинку, перевел письмо и пошел в Совет по делам религии просить, чтобы Карсича приняли.

До него в СССР уже приезжали адвентисты, даже рангом повыше, и их не приняли. И вдруг мне говорят: ну хорошо, пусть приходит. И приняли Карсича на самом высоком уровне – так, как раньше никого не принимали! Он рассыпался в любезностях, рассказывал, как он молится о господине Брежнев, о господине Косыгине. А ему говорят: «А вот до вас был один деятель вашей Генеральной конференции, так он повел себя о-очень нехорошо. Советским людям это очень не понравилось». Он хватается за голову: «Ай-ай-ай, как жаль, от имени Генеральной конференции приношу извинения и заверяю вас, что это никогда не повторится»...

Вот что я считал возможным делать в интересах церкви. Были и другие случаи. Например, по договоренности с Генеральной конференцией я приносил в Совет религий письмо, на

котором стоял гриф «секретно». Это был такой политический ход, согласованный, повторю, с Генеральной конференцией, чтобы показать степень нашего доверия и открытости. Вот на такого рода компромиссы приходилось идти. Но я ничего не совершал против своей совести, за что мне было бы стыдно...

Михаил Петрович, я знаю, что сложности у вас были не только с властью, но и внутри церкви?

Компромисс как отступление от принципов я считаю недопустимым. Допустимо согласование позиций и поиск сбалансированного решения, но без отступления от принципиальных положений. Когда Лютер провозгласил, что священником может стать каждый, возникло много разногласий по поводу того, что соответствует учению Христа и духу Евангелия. Протестантам приходилось постоянно согласовывать позиции, и тогда был провозглашен принцип: надо руководствоваться любовью к людям и полюбовно решать все сложные вопросы. В каких-то частностях наши представления могут расходиться. Но принципиально то, что мы объединены любовью.

Возможно, это не приведет к полному согласию в мире. Но это единственное, что нам остается. Апостолы этому учили. Павел очень много пишет о единомыслии:

Будьте в единомыслии между собой. Однако он же провозглашает свободу во Христе – мы свободные люди, и, подчиняясь Христу, мы смиренно подчиняемся и друг другу, почитаем другого выше себя самого. Это очень важное и очень емкое понятие христианских взаимоотношений.

Февраль 2011 года.

Из письма Павла Кулакова

Если говорить о внутренней борьбе в церкви, то прежде всего она связана с мировоззрением верующих людей. Страна после большевистской революции была наглухо отрезана от всяких контактов со всемирной церковью. К тому же в начале Первой мировой войны в Германии возникло реформационное движение адвентистов, члены которого стали критиковать всемирную организацию и в целом официальную церковь за позволение адвентистам служить в армии во время Первой мировой войны. Подобные настроения были и в 1920–1930-е годы в России. Мой дед Петр Степанович рассказывал, что про руководителя церкви Генриха Лебсака, осуждая его солидарность с советской властью, говорили: «Он был красный как редиска». После V съезда адвентистов в России возник первый раскол, когда группа руководителей, в основном немецкого происхождения, ушла из нашей церкви, и началось то, что мы называем разделением, то есть появились адвентисты-реформисты.

Эта группа находилась в постоянной борьбе с адвентистской церковью. Надо учитывать, что адвентистская церковь в СССР по ряду причин оказалась в самых неблагоприятных условиях. Единственной официально зарегистрированной адвентистской церковью на территории Советского Союза была центральная московская церковь. Открыта она была во время войны, чтобы показать, что в СССР есть религиозная свобода. Но после войны на кафедру московской церкви могли подниматься только два человека: один был слепым, а другой – малообразованным, почти неграмотным. Все служители, которые были подготовлены и имели образование, сидели внизу. Поднимался на кафедру малограмотный человек, спотыкаясь, по слогам, зачитывал главу из Библии, и потом незрячий человек полчаса молился. Таким образом проходило богослужение.

Когда я стал пастором в этой церкви и впервые поднялся на балкон, то увидел человек 600, в основном очень пожилых людей, лет 70 и больше. Я тогда подумал, что мне в церковном служении придется хоронить многих... Так и получилось – я должен был хоронить по 2–3 человека в неделю. Это были люди, которые пришли в церковь после войны и во время войны, но детей своих они не могли сюда приводить. Было сказано очень четко: если увидим детей в церкви, то в следующую субботу на дверях будет замок.

После войны руководить нашей церковью в СССР был приглашен Павел Андреевич Мацанов из недавно присоединенной Латвии. Он был человеком с западным мировоззрением и считал: все, что происходит в СССР, – временное явление, это не может продолжаться долго. Поэтому он полагал, что никаких контактов с властями у церкви быть не должно, надо делать свое дело, нравится это им или не нравится. Конечно, такая позиция вызвала негодование московских чиновников, и они потребовали убрать его с этой должности и вообще из Москвы. Вместо него был поставлен С. П. Кулыжский. Я его застал, когда приехал в 1980 году в Москву.

А в 1960-е годы в нашей церковной организации проводили своего рода эксперимент: что произойдет с церковью, если вообще убрать ее руководство? Как быстро она распадется? Это было время, когда адвентисты фактически потеряли свою организацию. Потребовалось потом несколько десятилетий страданий и мытарств для ее восстановления. Кулыжский вместе с другими руководителями стал призывать людей к единству и согласию. Но у Мацанова, который уехал в Новосибирск и активно развивал там свою деятельность, не было никакого стремления к единству, напротив, он занял очень жесткую позицию. И тогда... Это, конечно, было бремя моего отца. Он понял, что, находясь посередине, борющиеся стороны привести к согласию не удастся. Я не хочу сказать, что кто-то все понимал правильно, а другие неверно. Нет, просто одни стремились найти способ сохранить церковь в диалоге с государством. А другие считали, что это все не от Бога и этого делать нельзя.

Я недавно узнал о позитивной роли во время войны некоторых православных миссионеров. Они находились буквально между молотом и наковальней. С одной стороны было давление нацистской Германии: миссионеры были направлены для того, чтобы открывать православные храмы на оккупированной территории, а с другой – были жители этих территорий, партизаны и подполье. Эти миссионеры выполняли величайшую миссию – спасали людей, а вовсе не служили нацистскому режиму, за что им низкий поклон.

Они себя подставляли, они страдали и умирали... Они шли на это не ради корысти, не ради славы или личной выгоды, а чтобы спасти церковь и спасти людей.

Поскольку советская власть продолжала бороться с религией, отец понял, что необходимо начать диалог с властью. Это было его самостоятельное, зрелое решение – выйти с ними на диалог, спросить, что вам нужно и что вы хотите от нас? Это было сделано сознательно для того, чтобы помочь обществу, продолжить работу и спасти церковь.

Помню, я был студентом в Алма-Ате, и как-то в доме моего дедушки, где я жил, остановились приехавшие из Сибири служители. И они видели,

как я в субботу перед службой побрился, а потом взял щетку и привел в порядок обувь. В Средней Азии ведь очень пыльно. Гости из Сибири заметили это и ужаснулись: сын Кулакова чистит обувь и бреется в субботу! Этого было достаточно, чтобы церкви в Таджикистане, которые находились в организации моего отца, были расколоты. Конечно, это были чудовищный мрак и невежество! Мне было очень больно, что работа моего отца пострадала из-за меня.

Так что разногласия внутри церкви происходили не только из-за отношения к власти.

В то время в церкви процветало узкозаконническое мировоззрение самоправедности. В 1970 году, когда мой отец впервые выехал в Соединенные Штаты, он встречался с доктором Лероем Э. Фрумом, известным адвентистским теологом и ученым, автором серии книг «Пророческая вера наших отцов». Эта встреча оказала огромное влияние на богословские воззрения моего отца. Дело в том, что адвентистское учение пришло в Россию от немецких миссионеров. Кстати, первым немецким миссионером в России был Луи Конради. При всех его незаурядных способностях он не смог понять и принять доктрину о праведности через веру, что в дальнейшем явилось одной из причин его ухода из церкви. Отсутствие евангельского понимания праведности Христовой приводило к тому, что верующие люди были сосредоточены на самоправедности. И раскол был вызван спором: кто из нас более праведный. После общения с доктором Фрумом мой отец впервые начал проповедовать праведность через веру, что было расценено тоже неоднозначно.

В те годы отцу приходилось нелегко, ему доставалось основательно и часто... Помню, Лина, моя старшая сестра, не пришла на школьный субботник. Ту субботу я помню, мы вместе были в церкви. В церкви оказался и свидетель Иеговы, который не праздновал субботу. Мои родители, люди очень гостеприимные, пригласили его домой на обед. Мой отец спросил его: а почему вы не на субботнике? А он ответил, что это все от сатаны. Это возмутило моего отца. Люди вышли город убирать, а он говорит, что все это от сатаны! В следующую субботу с кафедры папа говорил о патриотизме и о том, как важно служить нашему обществу. Магнитофонная запись этой проповеди оказалась в доме нашего дедушки в Баку. А там близкий нашей семье человек ее размножил и распространил через сибирское руководство. Воспринято это было так: Кулаков призывает работать на субботнике! До чего он докатился! При этом мою сестру чуть не исключили из школы из-за этого субботника...

Как бы трудно отцу ни приходилось, он никогда не останавливался, продолжал учить, проповедовать и писать, чтобы просвещать людей и приводить их к согласию и единству.

Адвентистская церковь – единственная протестанская церковь, которой удалось объединиться в нашей стране после годов лихолетья. Этого не произошло ни с баптистами, ни с церковью пятидесятников, ни с другими. Я вспоминаю, как папа приезжал после встреч с руководителями организаций. Он находился в страшном отчаянии, разногласия его сильно мучили, угнетали. Он призывал людей к согласию и миру, но ни с кем не спорил и никогда не опускался до оскорблений. А люди устраивали над ним судилища, это происходило в течение всего моего детства и юности, и

это оказывало огромное воздействие на жизнь и работу моего отца, но он терпеливо нес этот крест.

Очевидно, что административная работа – не его стихия, но он занимался ею с полной отдачей, не спал ночами, вся его жизнь проходила в поездах и самолетах... Я удивлялся всегда, сколько у него энергии, силы и здоровья, чтобы нести такую ношу и работать с недругами, а таковых было немало, очень немало. Я не хотел бы называть поименно людей, которые не желали видеть его у руководства...

Беседа седьмая

Поселок Заокский, июль 2007 года

Михаил Петрович, а вы считали себя советским человеком?

Да, конечно, я никогда не мыслил себя в отрыве от государства, в котором живу. Было это советское общество, и я разделял с этим обществом все, что оно несло с собой.

Я считал, что должен быть примерным гражданином, потому что я христианин. Другое дело, что советская страна поступала с нами негуманно, несправедливо. Я был в лагере в Карагандинской области, и меня заставляли выходить на работу в субботний день, который я считал и считаю святым днем. Я не вышел и остался в зоне. Меня нашли и вывели на площадь вместе с другими отказчиками от работы, надели наручники и приказали сесть на землю. Не знаю, для чего, знаю только одно: сесть, когда у тебя скованы руки за спиной, очень трудно. Я кое-как сел, а в это время из радиорупора зазвучала песня: «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек, я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек»... Я, советский человек, сижу на земле в наручниках, и у меня над головой раздаются эти слова... Но это моя родная страна. И я гражданин этой страны. Поныне болею душой за то, что происходит в России. Бог свидетель, я каждый день молюсь об этой стране, о ее правительстве, о народе, потому что я плоть от плоти, кость от кости член этого общества и гражданин этой страны.

А воспитывали ли вы в своих детях патриотизм?

Так исторически сложилось, что российские адвентисты не были воспитаны в духе патриотизма, и сегодня я скорблю об этом. В 1970 году по приглашению своей тети я впервые попал в Соединенные Штаты Америки. Моя тетья в Китае вышла замуж за миссионера, канадца со славянскими корнями по фамилии Попов, а когда в Китае произошла революция, они уехали в Америку. Меня поразило, что в адвентистских церквях прямо возле кафедры стоит американский флаг! Я представил себе, что было бы, если бы красный флаг с серпом и молотом я поставил бы при кафедре в московской церкви. Меня тут же растерзали бы! Я сразу увидел эту огромную разницу, и мне было больно ее признать.

Когда я был в Америке, руководитель всемирной церкви пригласил меня к себе. Он был человеком недюжинного ума и большой культуры, мы много беседовали с ним, в том числе и о положении в России. Он сказал мне нечто, что поразило меня. Я не совсем согласился с ним тогда, но сегодня признаю, что во многом он был прав. Он мне сказал примерно следующее: «Вы получили адвентистское учение от миссионеров немецкого происхождения. Они замечательные адвентисты и прекрасные христиане, но у них есть одна особенность: они считают, что хорошо только немецкое. А все остальное «швах», то есть очень слабо, не дотягивает до того, что они делают. Поэтому они, естественно, не могли привить вам чувство любви к России. Потому что они сами не могли любить Россию как свою родную страну. Вы не были воспитаны в патриотическом духе, и вы не могли найти путей мирного сосуществования и сотрудничества ни с властью, ни с обществом в целом».

Для меня его слова были совершенным откровением. Христианину надо быть патриотом своей страны, этому учит Библия: человек должен любить родную страну как свою мать и заботиться о ее благополучии. В нашей церкви в России не было этого сначала, а потом начавшиеся репрессии показали, что власть враждебна церкви. В церкви, возросшей на том, что тебя постоянно гонят, бьют и толкают, очень трудно стать патриотом.

Сидя в тюрьме, я один раз в десять дней имел право получать книгу. И я помню, с какой жадностью читал и перечитывал эти книги! Я тогда прочитал у Генриха Гейне: настоящий патриот – это человек гонимый, это человек, критикующий свою страну, свое общество и правительство. То есть если я действительно люблю свою страну, я буду говорить то, что

считаю необходимым для блага этого общества, а оно может меня ненавидеть, даже гнать. Но я не должен от этого терять связи с этим обществом.

Так постепенно формировалось мое понимание патриотизма. Я благодарен Богу, что он привел меня к этому пониманию, естественному для человека, но не воспитанному во мне с детства. Мои родители не могли мне дать этого. И, конечно, детям нашим мы тоже не смогли привить любовь к родине. Их с детства преследовали за убеждения. Они ничего не скрывали, мы их учили не скрывать. Мы считали, что должны быть открытыми перед обществом, а наши дети должны учиться переносить трудности.

У Михаила в школе было очень тяжелое переживание – однажды его чуть не задушили пионерским галстуком. Он был самый открытый и самый наивный из всех моих детей, самый искренний и бесхитростный!

Я был тогда в постоянных разъездах по церковным делам, супруга больше занималась детьми, чем я. А она считала, что наши дети должны знать о том, что пионерский галстук – это символ принадлежности к организации, одна из целей которой – борьба с религией. И если наши дети наденут пионерский галстук, они покажут, что они не христиане, что они неверующие люди. Из-за такого настроения у детей в школе возникали конфликты. А одна учительница просто возненавидела Мишу и начала его травить, настраивала против него школьников, высмеивала его за убеждения. Были и более умные учителя, понимающие, что нельзя травмировать ребенка, нападать на него. Но эта учительница довела класс до того, что на Мишу решили надеть галстук насильно. Все навалилось на него, начали завязывать галстук и так затягивали, что чуть его не задушили! Но это, однако, не помешало Михаилу и другим нашим детям вырасти с чувством любви к родной стране...

Март 2010 года.

Из письма Михаила Кулакова

Хотел бы описать один из самых памятных дней моей жизни. Это случилось в ноябре 1977 года, когда меня призвали в армию. Я ведь не был непосредственно погружен в те слои нашего общества, среди которых оказался как призывник. Вообще в тот момент я очень надеялся, что власти дадут мне разрешение на получение богословского образования за рубежом. Я был уверен, что Господь откроет для меня эту возможность, поскольку я выучил английский язык, то есть со своей стороны сделал для этого все. Я просил папу, чтобы он ходатайствовал обо мне во всех инстанциях. Но неожиданно из военкомата пришла повестка, где сообщалось, что через два дня в 6 часов утра я должен прибыть на призывной пункт. У меня все внутри оборвалось, как будто земля передо мной расступилась, и я провалился в какую-то яму и продолжал лететь и лететь вниз... Я никогда раньше не испытывал такого потрясения. Все мои планы, вся моя жизнь, весь мой мир рухнул! Мама сказала, что нам нужно непременно пойти на призывной пункт и доказать, что я не смогу принять присягу, потому что для меня закон Божий превышает требований Минобороны. Но офицер, к которому мы с мамой пришли, посчитал это ужасной дерзостью, пришел в бешенство и сказал: «Мы вам покажем, где раки зимуют!»...

И когда в 6 утра мы приехали на призывной пункт, мама ко мне подошла, прижала к себе, заплакала и сказала мне в ухо: «Сыночек! Они тебя на Дальний Восток отправляют!». Нас посадили в «Икарусы», отвезли в парикмахерскую и сразу обрили. Меня поместили с ребятами из самых неблагополучных семей, которые едва могли о чем-то осмысленно рассуждать, вся речь которых была построена на мате. Оказывается, в русском языке столько глаголов, прилагательных и существительных, о

которых я не имел ни малейшего представления! Это для меня было таким страшным шоком, что у меня подступил комок к горлу, и этот комок не уходил. Все ребята вокруг были в состоянии алкогольного опьянения, потому что накануне у них были вечеринки. Многих тошнило, они злые все были, и офицеры злые... А я все это время молился и просил, чтобы Бог мне ответил: почему я здесь? для чего? и что мне теперь делать?

Нас продержали три дня в Туле в каком-то бараке при вокзале, и за это время маме удалось связаться с папой и сообщить ему о том, когда нас будут отправлять с Курского вокзала в Домодедово. Я об этом ничего не знал, потому что связи с внешним миром не было никакой. И вдруг на Курском вокзале вижу папу – в черном пальто, в костюме, в белой рубашке с галстуком – такой добрый, такой дорогой мне образ! И он приближается ко мне, а я не могу поверить, что это идет мой папа, как будто откуда-то из-под земли он вырос! Он подходит к офицеру и просит разрешения со мной попрощаться. И офицер ему разрешает. Он отводит меня в сторону, обнимает и говорит: «Знаешь, Миша, тебе надо иметь много мужества. И ты должен приготовить себя к тому, чтобы через все это мужественно пройти». Мы с ним стоим, смотрим друг на друга, мои глаза слезами наполняются, и он мне говорит: «Знай, что никакая глубина, ни высота, ни смерть (начинает цитировать из Римлян, 8-й главы), ни ангелы, ни люди, никто не отлучит тебя от любви Божьей». И потом так просто-просто говорит: «Ты знаешь, мне было бы намного проще и легче, если бы я мог сейчас надеть твою фуфайку и поехать вместо тебя, потому что я все это уже проходил»...

Потом он писал мне письма... Ты знаешь, больше всех меня в армии поддерживал папа! Я храню все его письма. Одно было вложено в бандероль: «Дорогой Мишенька! Мамочка так переживает о твоём здоровье, высылает тебе эти стельки и просит, чтобы ты по возможности не расставался с ними. Храни их по ее совету в карманах или голенищах сапог, если почему-либо не сможешь положить их в сапоги. Теперь особенно важно, чтобы ноги твои были в тепле. С любовью. Твои родные». Папа мне писал каждые две недели из Москвы. Он на Курском вокзале проводил совещания, тогда Курский вокзал был его кабинетом. Своего помещения еще не было, служители со всей страны там встречались, а потом разъезжались по домам... И все время с ноября 1977 года по ноябрь 1979 года, пока я был в Приморском крае, в Шкотовском районе, в поселке Новонежино неподалеку от Владивостока, он присылал мне по две баночки сгущенного молока. Он их заворачивал в свое письмо, обычно вырезал еще несколько страничек из уроков субботней школы и интересные статьи из российских газет, чаще из «Литературной газеты». Это не изымали.

Однажды он мне переслал толковый Оксфордский словарь, грамматику английского языка и книги на английском языке. Их у меня нашли и забрали, потому что посчитали, что это диверсионная литература. Я же находился на китайской границе, где было неспокойно в то время. И папе пришлось ходатайствовать в Москве перед властями, чтобы мне отдали эти книги. И мне их в конце концов отдали. Единственное – потребовали, чтобы я не хранил их на территории воинской части.

Для меня папины письма были связью с внешним миром, это был мой «интернет». Он мне писал обо всех событиях религиозной жизни

и в России, и за рубежом, обо всех своих делах и планах. Кстати, потом у меня появилась возможность говорить с ним по телефону. Дело в том, что у нас в части директором культурного центра работала жена майора Чернова, начальника строительства военного кирпичного завода. Она была выпускницей Ленинградского театрального института, очень хорошая женщина. Она и ее муж исполнились ко мне сочувствия, и благодаря ее ходатайству меня забрали из прямков, где мы ломами долбили промерзший грунт. Майор Чернов сделал меня своим секретарем. В мои обязанности входил и ремонт телефонной линии. Телефонная линия проходила через сопки, лесопосадки и состояла из связанных вручную кусков телефонного провода, поэтому постоянно рвалась. Майор Чернов дал мне трубку с диском посередине и сказал, что разрешает мне, когда я уйду на сопки восстанавливать связь, звонить родным. Когда у меня появилась возможность звонить, я первым делом набирал номер телефона квартиры в Новогиреево, которую папа снимал. И случалось, на него попадал. Поскольку разница во времени с Владивостоком 7 часов, то в Москве было 2–3 часа ночи, и я его будил, мне так хотелось час-полтора с ним поговорить! И он с такой любовью, с таким терпением, с такой заботой всегда со мной разговаривал! Это для меня было самым дорогим, драгоценным...

Из писем Михаила Петровича Кулакова сыну Михаилу в армию

Поезд «Тула – Москва», 30 ноября 1977 года

Дорогой мой Миша! Сегодня утром я еще был дома, когда пришло твое второе письмо, написанное по-английски. Мы постоянно думаем о тебе, переживаем, молимся и, конечно, были утешены тем, что ты бодр духом. При твоих обстоятельствах это особенно важно. Ты совершенно прав в том, что смотришь на все в перспективе вечности. При таком мировоззрении было бы ошибочно концентрировать свое внимание на временных трудностях. Ты помнишь крылатое выражение: «И это пройдет». Я вспоминаю свои пять лет в сложных условиях, и теперь это представляется просто сном. Все пять лет теперь представляются лишь одним мгновением. Мы знаем, что наш милый мальчик терпелив и благоразумен. Ты знаешь, где черпать силу в борьбе с трудностями жизни. Нам было приятно узнать, что твое начальство – люди рассудительные и могут с уважением относиться к тебе. Я уверен, что, ближе познакомившись с тобой, они расположатся к тебе и, возможно, твои способности и знания найдут применение и в армии... Верим, что трудности, вообще неизбежные, в конце концов будут преодолены по-хорошему. Весной, если все будет благополучно, я непременно побываю у тебя, может быть, даже с мамой. Писать трудно в качающемся вагоне, но иначе мне сложно найти время. Ты знаешь, как много мне приходится работать. Завтра вечером встречаю прилетающего в Москву Хечстеда, редактора журнала «Liberty». Я знаю, как ты хотел бы испытать свой разговорный английский. Но не горюй, все еще впереди. На этом заканчиваю, так как поезд прибывает к вокзалу. Будь добр, делай все возможное для поддержания здоровья. С любовью, твой папа.

Москва, 3 декабря 1977 года

Милый мой мальчик! Как я обрадовался сегодня, когда увидел из-за кафедры, как в зал вошла Лина, за ней Саша и еще кое-кто из Тулы. По окончании служения они передали мне два твоих последних письма (из которых одно было написано по-английски). Кстати сказать, твой английский совсем неплох. Ты пишешь смело. Но, естественно, без словаря, при той короткой практике, которую ты имел, было бы удивительно, если бы ты не делал ошибок. Я и сам, пожалуй, вряд ли сделал бы меньше. Как бы то ни было, эти упражнения полезны. Как только немного устроишься, мы перешлем тебе словарь и какие-нибудь учебные пособия.

Сегодня к вечеру я почувствовал сильную усталость, ведь мне весь день пришлось заниматься устным переводом. Особенно тяжело было переводить нашего гостя за кафедрой. У него как у журналиста словарный запас огромный, язык сочный, образный. Я сделал запись и буду хранить для тебя. Вот интересная тема для размышления. Четыре способа выражения своего отношения к людям (по известному тебе рассказу о милосердном самарянине): 1) антипатия, то есть явная враждебность (в рассказе к человеку так отнеслись разбойники, которые раздели его, изранили и бросили полумертвым у дороги); 2) безразличие, индифферентность к

нуждам и переживаниям другого (в рассказе это отношение священника, который, увидев израненного, прошел мимо); 3) сочувствие, мимолетное внимание к переживаниям другого (левит подошел, посмотрел и прошел мимо); 4) сопереживание и участие, которое выражается в активной помощи (милосердный самарянин позаботился об израненном). Последний представляет собой самого автора этого рассказа, слова которого не расходились с делами.

Дорогой Миша, мы знаем, что ты не оставлен и не забыт. Благодарим за твои живые письма, полные уверенности... Твой папа.

Аэропорт г. Омска, 19 декабря 1977 года

Дорогой мой Миша! Неделю назад, когда мы получили последнюю весточку от тебя, я был в Туле. Ты сообщил о своей болезни, затем пришло письмо, в котором ты сообщил, что тебе стало лучше. С тех пор я ничего не знаю о тебе. Хочу верить, что ты держишься на ногах. Я постоянно помню о тебе и знаю, что ты не забыт Тем, Кто сказал: Забудет ли женщина дитя свое... но если бы она забыла, то я не забуду тебя никогда. В этом и твоё, и наше утешение. В эти дни я побывал в наших учреждениях в Омске и области. Дела здесь идут в общем неплохо (между прочим, есть надежда на исправление известной тебе ситуации в Алма-Ате). Этой ночью я вернулся из одного отдаленного района Омской области и теперь сижу в аэропорту, ожидая вылета в Москву. Погода пока нелетная, аэропорт закрыт. И здесь требуется терпение. Думаю о поездке к тебе в марте нового года. Вероятно, мне потребуется какой-то вызов от начальства твоей части. Узнай, как он оформляется. Хочу побывать у Павлика в первых числах января по пути в Витебск, где я должен быть 7 января. Он заболел (воспаление почек) и сейчас находится в госпитале. Жаль, что вы не получили хорошей физической закалки и теперь ваша адаптация к новым условиям проходит тяжело. Будь мужествен, мой горячо любимый сын. Тебя ожидает замечательное будущее. Твой папа.

Электричка Москва – Домодедово, 23 декабря 1977 года

Дорогой мой Миша! Еду я в электропоезде в Домодедово, где месяц назад простился с тобой. То же самое время дня, только тебя здесь нет. Но в мыслях моих я с тобой. Неудобно писать в качающемся и подпрыгивающем вагоне, но я хочу написать тебе хоть несколько слов, чтобы ты знал, что нас с тобой не может ничто разделить. Эту связь между отцом и сыном Спаситель использовал для того, чтобы иллюстрировать нам привязанность Отца небесного к нам, жителям земли. Мы радуемся тому, что в своей любви к тебе Он хранит и утешает тебя там. Твои опыты очень дорого стоят тебе, но все же это не так уж много в сравнении с вечностью. Поезд мой подходит к конечной станции. Хорошо, что все здесь, на земле, имеет свой конец, иначе было бы невыносимо тяжело. Как бы тебе ни было трудно теперь, помни, что все это временно, и за тучами всегда есть солнце. Ты не одинок. Твой папа.

Тула, 28 декабря 1977 года

Дорогой наш сынок! Сегодня я дома. Пришло твое письмо от 22 декабря. Хотя ты описал свои переживания без жалоб и слез, тем не менее мы с мамой очень озабочены твоим состоянием здоровья. Ты знаешь,

как дорог ты для нас, и мы готовы на все, чтобы помочь тебе. Сейчас идем по магазинам в поисках кирзовых сапог такого размера, чтобы ты мог надевать носки и портянки. Мы можем высылать тебе трико под гимнастерку (если можно, то и теплое) через какие-то промежутки времени, чтобы у тебя не было проблем со стиркой. Лишь бы не было непоправимого ущерба здоровью. Не мог бы ты обменять свои сапоги на большие? Между прочим, имей в виду, что и бумага, навернутая на ноги под портянки, может быть теплоизолятором. В любой момент мама может прибыть к тебе. Если для приезда к тебе нужен вызов, то ты позаботься о вызове теперь же. Я не знаю, как обстоит дело с продажей билетов во Владивосток – свободно или по приглашению? Это я уточню, а ты хлопочи насчет приглашения... Высылаем тебе сапоги и носки авиапосылкой. Узнай, может быть, тебе разрешат носить валенки. Мы можем выслать их немедленно. Будь бодр, мужествен и терпелив. Мама и папа.

Москва, 3 февраля 1978 года

Милый Миша! Знаю, как ты ждешь весточку из дома, потому хочу написать тебе хоть несколько строк с выражением нашей неизменной любви к тебе. В наших мыслях мы с тобой, твое имя у нас часто на устах... Твое пребывание в гуще людей, с которыми бы ты иначе никак не мог встретиться, – это важный жизненный опыт. Ты узнаешь человеческую природу такой, как она есть, и не через книги и мнение других людей, а сам. Это ценнейшая школа. Безусловно, все это предусмотрено Провидением в программе твоего образования как личности. Только остался бы ты здоров. Пиши, пожалуйста, без всякого стеснения, что мы можем сделать для тебя. В апреле собираюсь быть на совещании ГК. Дома у нас все благополучно, лишь недостает тебя и Павлика. Но мы полны надежды на ваше благополучное возвращение. Все это время пройдет очень быстро. Будь терпелив. Твой папа.

Тула, 8 февраля 1978 года

Дорогой наш сыночек! Как дорог и мил ты нам. Разве мы можем забыть о тебе, когда собираемся вместе в семейном кругу, и многие вещи в доме нам напоминают о тебе, о твоих старательных руках? Второй день я дома, занимаюсь текущими делами и кое-чем по хозяйству. У бабушки промерз водопровод. Мы с Петей и Сашей отогревали и долбили ломом землю. Я опять вспоминал о тебе, о твоей работе. Мы испытали удовлетворение, когда вода полилась из крана. Ты, очевидно, сейчас не всегда испытываешь удовлетворение от сделанного тобой. Однако хорошо, что ты не смотришь сейчас на свои переживания как на совершенно бессмысленные и бесполезные. Мы очень рады, что ты не только понимаешь смысл страданий, но и имеешь живой и действительный опыт перенесения вместе с Христом выпавших на твою долю трудностей. Сегодня мы получили твое прекрасное письмо от 4 февраля, адресованное Аленушке. Оно пришло как раз в то время, когда мы собрались вокруг стола для утренней молитвы. С глубоким волнением мы читали дорогие для нас слова, мысленно сопереживая тебе, а затем попросили мамочку произнести молитву, так как верим в особую силу молитвы матери. Ты можешь быть уверен, что эта молитва была особо проникновенной, и мы поднялись после этой молитвы с глубокой уверенностью, что ты

*будешь чувствовать близость Его присутствия в твоей жизни. Крепко
тебя целуем. Твои родные.*

Из беседы с Петром Кулаковым Москва, октябрь 2010 года

Я знаю случаи, когда дети из потомственных религиозных семей не выдерживали прессинга родителей и соблазны мира влекли их за пределы церкви. У вас же в семье шестеро детей, и все остались в церкви.

Тут две причины. Первая – несмотря на строгость, которую отец к нам проявлял, он не был фанатиком. Он был человеком очень начитанным, очень грамотным, владеющим несколькими языками, и мы им гордились. Мы его боялись, но по-доброму. Боялись – в смысле уважали, очень сильно. И очень им гордились. Мы в любой ситуации всегда могли сказать: а наш папа вот что сказал! Потому что никогда не сомневались ни в одном его слове. Мы видели колоссальную его эрудицию, культуру, начитанность, и поэтому, когда он был с нами строг, нас это не отталкивало, мы, наоборот, думали: наверное, чего-то мы не понимаем, нам надо будет еще думать, читать, изучать, чтобы понять.

То есть у вас не было никаких сомнений в его словах, не было неприятия родителей, которые характерны для подросткового возраста?

У меня, по крайней мере, не было. Я не замечал этого и в других. Я должен отдать должное маме тоже. Она в нас воспитала почитание отца нашего, и настолько она его сама уважала и любила, что мы, любя нашу маму, никогда не сомневались в том, что папа – это уже следующая ступень сразу после Бога. Поэтому все, что он говорил, мы воспринимали как непосредственно передачу Его воли нам. Мы так выросли, и никогда в этом не сомневались. Это не значит, что мы всегда все делали так, как он сказал, потому что мы были нормальные дети, но когда мы делали иначе, нас мучила совесть, потому что мы все равно знали, что он прав.

Вторая причина – папа никогда не пытался ломать нас или давить на нас. Это вообще был его подход к жизни. Его позиция была такой: зачем я буду говорить людям, как надо себя вести, как жить? Если они сами ко мне придут и спросят, я им скажу, а если они меня не спрашивают, то что бы я им ни говорил, они все равно так не сделают, я только зря время потрачу.

Поэтому мы все остались в церкви, мы все верующие. Отец не давил, не принуждал, мы просто наблюдали, как он живет, что он делает. Несколько раз, когда я забежал к нему в кабинет, я видел, что он стоял на коленях и молился у стола. Никого не было в комнате, один! И как-то это меня резануло... Знаешь, если бы я умел рисовать, то нарисовал бы такую картину: папа стоит у стола на коленях, один, у себя в комнате, никто его не видит – ни семья, ни дети, и молится. На меня это оказало в детстве колоссальнейшее духовное влияние. Я понял: все, что он делает, искренне! Его личная вера, убежденность больше всего на меня повлияли.

Вы никогда с ним не спорили?

Последние 10 лет его жизни, когда папа мог позволить себе открыто размышлять, рассуждать, я приходил к нему иногда со своими мыслями, с сомнениями и видел, что он многое разделяет из этого. И я видел, что он тоже ищет ответы на многие вопросы, ищет и не пытается упрощать. Я, допустим, не уважаю людей, у которых есть ответы на все вопросы. Он никогда не претендовал на это, он мог сказать: да, мы не знаем сейчас в полноте этого, но постепенно это нам будет открываться, и мы узнаем больше. То есть у него всегда было ощущение, что он знает очень мало. Вот за это я его очень уважал. И еще – с мамой они всегда о нас молились очень искренне, очень глубоко, ежедневно. Вот их молитвами тоже наша жизнь сложилась.

А как папа относился к вашей учебе? Вмешивался ли он, ругал за то, что вы приносили плохие отметки из школы? Или вы не приносили?

Нет, приносили. Все мы были нормальными детьми, разные были оценки... Я должен сказать, что эта ответственность лежала на маме главным образом. Папа ходил несколько раз на родительское собрание в мой класс, мама его посылала, чтобы он послушал. Но повседневная жизнь, учеба, какая у кого оценка – это уже была мамина ответственность. Мне кажется, папу больше интересовало наше общее нравственное развитие, чтобы мы на правильном пути стояли, нравственно себя вели, достойно.

А трудно было в классе объяснить, почему ты не носишь пионерский галстук?

Здесь тоже были разные периоды. Была твердая отрицательная позиция, когда мы жили в Средней Азии. Очень жесткая, категорическая. Я прекрасно помню день, когда всех принимали в октябрята, а я даже в школу не пошел в тот день, чтобы не создавать проблем ни школе, ни самому себе. Мы понимали, что эта организация стоит на другой идеологической основе, поэтому не можем быть ее частью. Октябрята – юные ленинцы, Ленин был атеист, поэтому мы не можем быть частью этой организации.

Естественно, не поощрялось вступление ни в пионеры, ни в комсомольцы, но мне кажется, потом начался какой-то другой этап, когда папа отдавал это решение нам на усмотрение. Когда мы переехали в Тулу, он не запрещал мне ходить в пионерском галстуке в школу.

Такого прямого запрета не было. Но мне даже нравилось быть не таким, как все остальные, это привлекало ко мне больше внимания. Все – с галстуком, а я без галстука хожу!

Это создавало проблемы в классе?

У меня лично создавало. И не только это, а и наше отношение к субботе. Одно дело – учеба, это еще полбеда. Но тогда были государственные субботники, и все обязаны были работать... А мы только что переехали, в новой школе меня еще никто толком не знал – ни учителя, ни дети. И сразу в сентябре объявили субботник, а я не пришел. Естественно, учительница знала, что я верующий, но она была очень жестокая, поэтому в понедельник поставила меня перед всеми старшими классами: «Кулаков, вот тебе микрофон, расскажи всем, где ты был, почему на субботник не пришел?». Мне было 12 лет... Я так и сказал: «Я человек верующий, я был в церкви, я верю, что мы не должны в субботу работать» – и расплакался...

Потом мне было проще, потому что все уже об этом знали и не надо было таиться. Нашлись те, кто издевались и смеялись, но нашлись и те, кто, наоборот, стал с большим уважением относиться ко мне как к какому-то неформалу. Даже в церковь со мной хотели пойти: «У вас там так интересно! Что там вы делаете?». Я их брал с собой, конечно.

Беседа восьмая **Поселок Заокский, июль 2007 года**

Михаил Петрович, а вы ходили в школу защищать своих детей?

Да, конечно. Когда училась младшая дочь, мы часто разговаривали с учителями, ходили в школу, пытались как-то расположить учителей к нашей семье. Иногда удавалось, иногда не удавалось. Однажды, уже в Заокском, я встретил в столовой учителей из Тулы – директора школ приехали к нам на экскурсию. Директор школы, в которой училась моя дочь (я ее не узнал сначала), подошла ко мне и сказала: «Я приехала, чтобы извиниться перед вами за ту грубость и жестокость, которую мы проявили по отношению к вашей младшей дочери. Теперь я понимаю, что мы были неправы». Дочери в свое время даже не хотели выдавать аттестат зрелости только из-за того, что она верующая. Я приходил к директору и просил за Алену, и директор как-то смягчилась и все же выдала аттестат. Одну из задач советской школы она видела в том, чтобы разрушить религиозные убеждения, не допустить их формирования. А если они допустили, значит, это брак в их работе. И директор таким образом пыталась этот брак поправить. Поэтому и поступала так несправедливо по отношению к нашей дочери....

Алена заканчивала школу в 1980-е годы, а старшие дети еще раньше...

И имели проблем еще больше. Еще больше....

А как им удалось дальнейшее образование получить? Они же не были комсомольцами?

Не были. Но, видите, это тоже милость Божья, люди разные попадались на их пути. И где-то их понимали, кто-то закрывал глаза... Так и удалось детям получить образование. Встречались на их пути такие особые люди...

* * *

Одного такого особого человека Петр встретил случайно, будучи уже взрослым. В 1994 году я привела его на только что созданную Ириной Алексеевной Иловайской и отцом Иоанном Свиридовым радиостанцию «Христианский церковно-общественный канал». Радиостанция находилась тогда на последнем этаже факультета журналистики МГУ на Моховой. Внезапно мимо нас прошел, а точнее, пробежал в студию отец Георгий, на бегу махнув мне рукой, в своей всегдашней стремительной манере, с развевающимися волосами. И забежал в студию, начиналась его программа. Петю я представить не успела, а он даже привстал:

– Кто это?

– Отец Георгий Чистяков.

– Георгий Петрович Чистяков?

– Петя, честно говоря, не знаю его отчества, обращаюсь к нему просто – отец Георгий...

– Он был моим преподавателем, когда я учился в инязе. Ты знаешь, мы никогда с ним не говорили о религии, но в нем всегда чувствовалось что-то такое... необычное, что ли?

Через год после этой неожиданной встречи я привезла отца Георгия в Заокский, познакомилась с Михаилом Петровичем.

Была замечательная многочасовая встреча со студентами, и он, православный священник, отвечал на вопросы будущих адвентистских пасторов. В Заокском храме в переполненном зале он говорил о любви, вере и свободе выбора своего духовного пути. Его долго не отпускали со сцены, он даже попросил меня как-то корректно закончить эту встречу, потому что очень устал. А в конце зала – я это помню! – стоял Михаил Петрович Кулаков. Они

встретились тогда впервые и радовались тому, что «перегородки, которые возводят люди, не достают до неба». И вместе молились. А через много лет смерть соединила их в одном страшном заболевании – через два с половиной года после ухода отца Георгия от той же формы рака мозга скончался и Михаил Петрович. Что-то есть в этом такое... Неслучайное, что ли?

Была еще одна причина, по которой я тогда, в начале 1990-х, сделала выбор в пользу крещения в Заокском. Там я почувствовала себя нужной. А это, наверно, самое желанное для человека чувство – быть востребованным, кому-то нужным, интересным. Я начала работать в литературной редакции бывшего общесоюзного радио, делая программы для христианской радиостанции «Голос Надежды». Уже много позже я осознала, как на многое «закрывал глаза» Петр Кулаков, разрешая мне выходить за рамки узко-конфессиональных представлений о том, какой должна быть проповедь Евангелия в христианской радиопрограмме!

Я люблю радио. Я полюбила его сразу и навсегда, впервые попав в полутемную студию ГДРЗ (Государственного дома радиозаписи) еще в конце 1980-х годов, когда Петр Кулаков пригласил меня работать на радиостанцию «Голос Надежды». В глубине помещения за стеклом горела лампа, звучал голос почти невидимого в темноте человека. Потом я тоже зашла за это стекло, которое разъединяет студию и аппаратную, и прочитала первую в своей жизни радиопрограмму о музыке в Библии. Так я пыталась соединить профессию музыканта и свои только что приобретенные знания о Священном писании. Наверное, с этой первой встречи осталось ощущение, что радио загадочно и мистично по своей природе. Телевидение не оставляет возможности воображению, оно больше ориентировано на потребителя информации. А «человек из репродуктора» – человек-невидимка, остающийся за кадром, – неизменно будит фантазию слушателя. Как ни пытается вытеснить его телевидение, особенно в крупных городах, у радио остаются своя ниша, свои приверженцы и свои возможности. Живое слово, не прошедшее цензуру; доверительная беседа; прямые включения с теми, кто живет в другом городе или даже в другой стране; возможность мгновенно реагировать на события – все это радио.

Михаил Петрович бывал у меня в прямом эфире бывшего «Всероссийского радио», или «Радио 1», как его называли позже. Мы встречались с ним в прямом эфире несуществующей уже христианской радиостанции «Радио-Диалог», но особенно задушевные беседы получались в Заокском, в его кабинете на втором этаже, когда я записывала интервью для программ радиостанции «Голос Надежды». Я всегда нарушала с ним первое правило радиокорреспондентов – не писать больше, чем позволяет хронометраж радиопрограммы. Но я писала и писала, не останавливая магнитофон, его неторопливые воспоминания и рассуждения, даже понимая, что никогда не смогу их использовать ни в программах узкоконфессиональной адвентистской радиостанции «Голос Надежды», ни в эфире федеральных радиостанций. Но за этими рассуждениями и удивительными подробностями его жизни постепенно открывался мне какой-то иной смысл всего, что происходило в XX столетии...

Беседа девятая

Поселок Заокский, июль 2007 года

Время было такое, что репрессии коснулись почти каждой семьи. Тем не менее каждый репрессированный – это отдельная трагедия. Это женщина, которая остается одна, это дети, которые становятся сиротами... Как ваша мать и вы воспринимали репрессии? Как закономерную расплату за веру? Вспоминаются ли простые бытовые трудности семьи, общаться с которой стали избегать окружающие?

Во-первых, мы считали, что это совершенно неизбежно, что иначе просто быть не может. Что страдания за веру неизбежны. Перечитывая «Архипелаг ГУЛАГ», я наткнулся на такой эпизод: Солженицын приводит слова мальчика, которого спрашивают, как он смотрит на происходящее, а он отвечает, что теперь все честные люди сидят в тюрьмах. Я тоже всегда знал, что когда вырасту, буду в тюрьме. Ничего другого я себе и не представлял. Я знал точно, что меня ждет.

Насчет того, что нас избегали... Когда отца арестовали, вся церковь в Туле считала своим долгом помочь нам, поддержать нашу семью. Там было 30–35 членов – не больше. Люди жили небогато, многие адвентисты седьмого дня работали фотографами, потому что так они не были привязаны к рабочему дню, к производству. Один член общины по фамилии Степанов из московской церкви, работая фотографом, дал моей матери работу – она должна была печатать карточки с негативов (тогда еще негативы были на стеклах). Он обучил мать ретуши – надо было ретушировать негативы, морщины заделывать, и печатать фотографии. Он же помог сделать в комнате, где мы жили, лабораторию – ее называли «будка». Мать печатала там фотографии, а оттуда выносила отпечатки и опускала в таз с водой. Как-то она обнаружила, что они все пожелтели. Она что-то неправильно зафиксировала. Когда пришел Степанов и увидел, что она испортила всю фотобумагу, он, не говоря ни слова, достал из кармана деньги и оплатил ее работу. Он просто знал, что должен поддержать нашу семью.

А потом Степанов сам оказался в заключении, а мой отец вернулся из ссылки и купил на окраине Иваново небольшой дом сразу на две семьи – на нашу и на семью Степанова. Кстати, когда меня посадили, меня обвиняли в том числе и в том, что я оказывал помощь репрессированным и их семьям.

Вы оказывали помощь членам общины, адвентистам?

Да. Когда я освободился, я не нашел некоторых людей, чтобы рассказать им об их родственниках. И сегодня осуждаю себя, что не всех нашел. Вот о Борисе Леонидовиче Собинове мог бы рассказать... Я знал, что его сестра живет в Москве, она замужем за Львом Кассилем. Льва Кассиля мог бы и найти! Мог бы встретиться с сестрой Собинова, что-то рассказать ей. Но так и не решился. Не нашел и семью Анатолия Кузовкина, чья мать работала в ЦК. Я его похоронил и послал ей открыточку через вольнонаемного на том кирпичном заводе, куда меня водили на работу. Это был нормировщик, очень порядочный, хороший человек. Он помогал заключенным в переписке, потому что мы были этого практически лишены, всего два письма в год могли отправить. А он отправлял наши письма. И я через него послал матери убитого Анатолия Кузовкина сообщение. Я решил ее подготовить и сначала написал, что он тяжело заболел. Следующей весточкой, думал, напишу о его смерти, чтобы это не было для нее таким большим ударом. Но не написал... Я знал адрес, я и сегодня помню этот адрес. Мог бы найти эту семью, но как-то не решился. Я не знал, как они меня примут, не будет ли хуже для них...

* * *

Я живу на Малой Бронной, на Патриарших прудах, в квартире, в которой жили еще мой прадед и прабабушка – Валентин Сатирикович и Любовь Александровна Казанские. Теперь это один из самых престижных районов столицы, а в середине 1920-х, когда строился этот один из первых кооперативных домов в Москве, Патриаршие пруды считались довольно отдаленным местом. Особенно для тех, кто, как и мои прадеды, переезжал туда из шести-комнатной квартиры в Обыденском переулке, что напротив Храма Христа Спасителя. Как и всех «бывших», их там уплотняли, забирая одну за другой комнаты для рабочих, чиновников и энкавэдэшников. Бабушка рассказывала: «Мама ругала папу (то есть прабабушка ругала прадедушку) за то, что он выбрал такой отдаленный район для строительства – Патриаршие пруды! Ведь дальше начинается уже рабочий район – Красная Пресня!». Очевидно, тогда это считалось чем-то вроде нынешнего Бутово... Или Митино...

Дом строили для работников легкой промышленности. Прадед Валентин Сатирикович Казанский, как и его отец Сатир Алексеевич, всю жизнь занимался льном, у меня есть один из выпусков его брошюры «Что нужно знать сортировщикам льна?». То есть заселились в дом не простые рабочие, а, как их называли, «красные спецы», текстильные начальники. Но недолго им пришлось пожить в новых квартирах – однажды ночью пришли и посадили весь подъезд. Из всех квартир забрали мужей-начальников, а их жены сразу же перестали общаться друг с другом. Каждая считала, что ее-то муж ни в чем не виноват, но остальные – точно предатели и враги советской власти. Это было в 1929 году, когда начался известный «Процесс Промпартии». В начале 1990-х по телевидению показывали документальный фильм об этом процессе, промелькнули кадры открытого суда в Колонном зале. И бабушка узнала своего отца на скамье подсудимых...

В 1937 году из дома в Гранатном переулке навсегда увезли сестру моего прадеда Елену Сатириковну Трещалину (урожденную Казанскую). Мне показывали окно комнаты, откуда ее забирали. Бабушка говорила, что она была женой Енукидзе. Какого из братьев Енукидзе? Женой или просто подругой? Теперь, наверное, мы об этом не узнаем.

Мама рассказывала, что уже после войны к ним пришла женщина в валенках и ватнике и принесла письмо от кого-то из репрессированных родственников. Ей тогда показалось, что от Елены Сатириковны. Это значит, что в конце 1940-х годов кто-то из отбывающих ссылку Казанских еще был жив! Но прабабушка то ли боялась провокации, то ли просто опасалась контактов с заключенными... В общем, переписываться с родственниками уже погибшего к тому времени мужа она не стала. Конечно, для всех, кто пережил то время, ситуация вполне понятная, но мне она не дает покоя. Бабушка в середине 1980-х годов, когда было создано общество «Мемориал», пыталась узнать о судьбе Елены Сатириковны, но безуспешно... А недавно я все же нашла информацию о Елене Сатириковне на сайте общества «Мемориал». В разделе «Лики перед казнью» помещена ее фотография перед расстрелом в Донском монастыре в Москве в том же 1937 году.

Она была самой младшей из сестер Казанских – на семейных фотографиях это улыбающаяся хорошенькая девушка в платье с оборочками. На фотографии перед расстрелом – измученная, с потухшим взглядом пожилая женщина. Расстрел в монастыре – страшная судьба для внучки священника... Тогда от кого же принесла нам письмо женщина в ватнике?

Январь 2011 года.

Из письма Павла Михайловича Кулакова

В детстве я больше всего боялся милиции. Сама милицейская форма вызывала у меня волнение и тревогу за безопасность семьи. Никогда не

забуду, как после очередного обыска в нашем доме в Алма-Ате, меня, пятилетнего плачущего мальчика, допрашивали люди в милицейской форме. Они требовали показать место, где прячется мой отец!

Они вскрывали пол, обследовали чердак, а я смотрел на это и горько плакал, потому что эти милиционеры хотели забрать у меня самое дорогое – моего папу!

Потом нашей семье пришлось перебраться в маленькое казахское село Окуль где-то на севере Джамбульской области. Отцу там удалось устроиться местным разъездным фотографом. Однажды глубокой ночью опять нас всех разбудили милиционеры. Тогда я подумал: теперь все, папу я больше не увижу... К моему удивлению и счастью, отец вскоре вернулся домой. Оказалось, что его просто вызвали сфотографировать тело убитого на соседней улице человека.

Беседа десятая **Поселок Заокский, июль 2007 года**

Михаил Петрович, вы говорили мне о каком-то общественном суде...

5 мая 1962 года я был вызван на общественный суд. Мне было сказано, чтобы я имел при себе продукты и одежду. Наверно, они хотели меня запугать, дать почувствовать, что я там же буду арестован. Конечно, для семьи это стало очень тяжелым переживанием. Мы пошли туда с моей супругой, а перед этим я попрощался с детьми. У нас уже было четверо деток. Миша был самым маленьким, и поэтому с ним прощаться было особенно тяжело. Он был ласковый, маленький такой. Я прижал его к себе, трое других окружили нас с Анной Ивановной. Прижались к ногам нашим, обняли нас...

С собой на суд я взял популярные брошюры об отношении к религии, изданные обществом «Знание», где были высказывания Владимира Ильича Ленина о религии и выдержки из советских законов, касающиеся религии. Суд был в большом клубе Пимокатного завода. Когда мы туда пришли, клуб был битком набит народом. Было много верующих, а вместе со мной на суд были вызваны два активных члена нашей церкви. Одним из них был Иван Антонович Павелко, у которого незадолго перед тем умерла жена, оставив на его руках восемь детей. Фамилия другого была Чубаров.

Что значит, вызваны на суд? Что такое общественный суд?

Вести его должен был кто-то из районных партийных работников, который представлял нас как людей, приносящих вред обществу своей религиозной деятельностью. Кому-то из публики тоже надо было выступить с осуждением нашей деятельности. А затем давали слово каждому из обвиняемых. Так и шло: они обвиняли нас в том, что мы, верующие люди, мешаем строительству коммунизма в стране, отвлекаем людей от строительства светлого будущего, призывая к эфемерным благам. То, что мы привлекали детей к участию в богослужении, инкриминировалось как преступление против советского общества и советской власти. Отказ работать по субботам – тоже. И еще обвиняли в нелегальной деятельности. Нас же не регистрировали официально, то есть мы не получили права на проведение наших богослужебных собраний. Все эти обвинения были изложены в резкой, грубой форме и сопровождались криками из зала.

У меня есть письмо от одного из комсомольцев, участвовавшего в том судилище, – Николая Романова. Представьте, год назад он нашел меня в Америке и прислал очень интересное письмо. Оказывается, он как комсомолец был вызван на этот суд, чтобы, как тогда говорили, создать фон общественного неприятия. Сначала слово дали Чубарову, потом Павелко. Когда дали слово мне, я начал с цитаты создателя нашего государства Владимира Ильича Ленина о том, что преследование верующих людей в царской России было наихудшим делом. Я процитировал это высказывание Ленина, а потом его заверение, что советская власть не будет преследовать верующих. Ленин говорил, что преследование только содействует распространению религии. Тут меня прервал руководивший судилищем партийный деятель, сказав, что Кулаков – «тертый калач», он знает, что врага надо бить его оружием. Но из зала закричал мужчина: «Эй, вы, коммунисты, что вы не даете человеку слово сказать?! Рот затыкаете верующему?» Некое смущение воцарилось в зале. Тут же руководитель суда обратился к милиции, чтобы задержали «пьяного, который мешает работать». И милиция набросилась на этого человека. Не знаю, задержали его или он успел уйти. Потом из зала кричали: «На Колыму их!», всякого рода угрозы звучали... Моя бедная Анна Ивановна страшно переживала. Она думала, что сейчас меня заберут и отправят на Колыму. Как она мне потом говорила, она думала об одном: чтобы и ей за мной можно было поехать с детьми.

Разве общественный суд правомерен выносить такое решение?

Нет, но мы тогда этого не знали, все-таки это называлось судом! Поэтому она, бедная, такого страху натерпелась, что у нее открылось страшное кровотечение, домой она уже сама идти не могла, ее вели под руки наши сестры. У нее был нервный шок.

Чем все закончилось? Дальше угроз, чтобы у нас «земля под ногами горела», что «нам здесь не место» и так далее, дело не пошло, и никаких последствий это не имело.

Но мы и сами чувствовали, что нам действительно тут не место, и вскоре уехали из Алма-Аты в казахское село Окуль, а затем в Узбекистан, в город Коканд. Там мы прожили четыре года, и там у нас родился Петр.

В Коканде я занимал должность руководителя всех общин, рассеянных по республикам Средней Азии и Казахстану, и я много ездил. Там за мной никто не следил. В Коканде ни церкви, ни общины не было, и я мог свободно посещать наши церкви в разных республиках. Мой старший сын Павел вспоминает, что мои отлучки были очень тяжелым переживанием для семьи, потому что как только я задерживался, мама думала, что я арестован и она меня не дождется.

Однажды, когда меня не было дома, к нам пришел отец руководителя местных органов безопасности. И он сообщил, что на Михаила Петровича Кулакова собрано большое досье и готовится его арест. Он это понял из разговоров своего сына. Поскольку он не хотел, чтобы дети (в семье тогда родился пятый ребенок) стали сиротами, он сказал: единственный путь избежать ареста – уехать из Коканда и вообще из Узбекистана.

По мнению Павла, это был ангел, который пришел и предупредил нас. Мы уже и сами понимали, что раньше или позже мои постоянные разъезды станут известны, и нас ожидают неприятности. Поэтому уехали в Казахстан, поселились в Чимкенте, в 120 км от Ташкента. Там была церковь, в которой я сразу начал совершать богослужения. Это был уже 1969 год, уже начали оформлять регистрацию церковей, и в 1970 году мы были зарегистрированы как религиозная организация адвентистов города Чимкента. А история с общественным судом, конечно, осталась у меня в памяти... Еще она зафиксирована в двух документах – в заметке в местной газете и в письме Николая Романова, одного из свидетелей этого суда.

8 ноября 2005 года.

Письмо бывшего комсомольца Николая Романова

Дорогой Михаил Петрович!

Спасибо, что откликнулись, не ожидал, что так скоро вы ответите на мое послание. Теперь более полно представлюсь... В 1963 году в начале марта в Алма-Ате (был легкий морозец, под ногами похрустывали замерзшие лужицы) в каком-то клубе, кажется в клубе «сапоговальняльной» фабрики, проходило «собрание общественности». Обсуждалась деятельность руководимого вами общества. Было много резких выражений. Я попал на то собрание в числе небольшой группы «комсомольцев – добровольцев», направленных для поддержания общего фона собрания и расширения собственного кругозора. Переживая, что хоть косвенно, но участвовал в том судилище, по окончании собрания я подошел к вам (вы покидали здание, видимо, со своей супругой) и сочувственно сказал, что, очевидно, вы удручены происшедшим. Ваш ответ, с оттенком сокрушенности, был: «Вы же видели, что происходило».

Спустя много лет в СМИ стало появляться ваше имя как руководителя адвентистской церкви СССР и как директора Института перевода Библии. Не раз видел вас в передачах по телевидению. Помню и ваше выступление на Съезде народных депутатов СССР. Буду рад получить ваше ответное послание. Желаю всего хорошего вам, семье

(как догадываюсь, весьма многочисленной), и чтобы Божье благословение сопутствовало вашей благородной деятельности.

Ваш Н.Р.

* * *

Он неминуемо должен был стряхнуть с себя оковы рабства, а с ними и врожденный подкожный страх, с которым до сих пор рождаются дети, деды и прадеды которых пережили ГУЛАГ. Как в человеке происходит освобождение от этого страха? Однажды я тоже почувствовала на себе отголоски этого страха. В самом конце 1970-х годов мы с моим будущим мужем занимались в молодежной театральной студии. Тогда в Москве их было много, некоторые впоследствии стали настоящими театрами, но большинство, как и наша, закрылись, просуществовав несколько лет и дав старт лишь нескольким профессиональным актерам.

Чем было для нас это театральное сообщество? Конечно, привлекала естественная для молодого человека тяга к искусству и лицедейству. Но с его помощью мы пытались заполнить и духовный вакуум. А способов для этого тогда было не так уж много. От диссидентских кружков 1960-х нам в наследство остался самиздат и традиции ночных кухонных посиделок. К церкви никто из тогдашних моих друзей тяготения не имел. Духовный поиск проистекал на кухнях и в дворницких подсобках. Там рождались стихи и театральные «капустники» нового поколения, которому суждено было пережить гласность, перестройку и увидеть новую свободную Россию. Кто-то из моих друзей даже назвал семидесятников «поколением дворников», намекая на то, что многие молодые, талантливые и несогласные (часто приехавшие в Москву по лимиту) прошли через утреннюю уборку московских улиц. Мы ходили в московские театры, изобретая немыслимые способы прохода нескольких человек на один билет, что было связано не столько с отсутствием денег, сколько с отсутствием в театральных кассах билетов на лучшие постановки. Все свободное время проводили на репетициях нашей театральной студии – до последнего поезда метро. А если на метро опаздывали (а на такси никогда денег не было), шли до ближайшей квартиры студийца. А ближайшей чаще всего оказывалась моя, в самом центре, на Малой Бронной – и абсолютно пустая. Сейчас это трудно представить, но иногда в ней ночевало по 20 человек!

Не знаю, что явилось причиной – наши многолюдные ночные посиделки или деятельность нашей студии – но однажды мне позвонили из известных органов и попросили явиться куда-то на улицу Щусева. Сказать, что я сильно испугалась, было бы неправильно. Скорее, мне было страшно и весело: наконец-то и у меня в жизни происходит что-то значительное! Но старшие и опытные мои друзья отнеслись к этому более серьезно, «просветили» меня и наметили линию моего поведения на этой «встрече». Самое главное – ничего не подписывать. Это первое, что я усвоила. Второе – кратко отвечать на вопросы и не говорить о том, чего не спрашивают. Лучше ограничиться короткими «да» и «нет». Если говорить о ком-то, называть только по имени, без фамилий. А лучше всего прикинуться дурочкой.

Эти очень простые рекомендации помогли мне, когда я зашла в кабинет, где уже находились трое кагэбэшников. Я села на стул в центре комнаты и почувствовала себя крайне неуютно. Помню, один из них с рыжей шевелюрой сидел передо мной на краю стола и покачивал ногой. Чего они от меня добивались, я сейчас уже не помню, может быть, они только хотели «прощупать» ситуацию – опасно ли наше молодое сообщество. Как-то не отложилось в памяти, о чем они меня спрашивали. Помню только, что разговор был бесконечно долгим, к концу разболелась голова от напряжения и сигаретного дыма. Все-таки их было трое, а я одна. И они сильно давили, запутывали и запугивали. Боялась сказать что-то лишнее, хотя что в данном случае было лишним – толком не понимала. Никакой антисоветской деятель-

ностью мы не занимались, а что ругали правительство – так все ругали! Помню, что все время спрашивали про нашего руководителя и еще про некоторых ребят. В конце разговора один из них (рыжий, который сидел на столе) предложил встретиться еще раз. Я сказала, что мне больше нельзя ни с кем из них встречаться, потому что я выхожу замуж. Посмеялись. Предложили что-то подписать, но особо не настаивали. Скорее всего, поняли, что никакого интереса я для них не представляю. Когда отпустили, я бегом бежала до самого дома.

Меня больше не вызывали. Но когда вспоминаю этот эпизод моей жизни, начинает кружиться голова, меня охватывают страх и бессилие, и я опять чувствую себя маленькой песчинкой, букашкой, с которой эти здоровые сильные парни, почему-то обладающие властью, при желании могут сделать все, что угодно...

Беседа одиннадцатая Поселок Заокский, июль 2007 года

Михаил Петрович, а были ли у вас враги? И кто вам враг?

Как вам сказать... Враги... Были люди, которые в опасность меня ввергали. С детства я сожалею, что я подрался с ним, с врагом! Он сказал: ну, давай подеремся. Конечно, я не был хорошим драчуном, он мне разбил нос в кровь, потому что занимался боксом. Это то, о чем можно сожалеть... Хорошо, что мы переехали – этот мальчишка преследовал меня... Был враг и в лагере среди заключенных. В лагере была такая должность – хлеборез, человек, который резал пайки, за ночь надо было на две тысячи заключенных нарезать и взвесить пайки хлеба. Надо было так аккуратно взвесить, если довесочек был к этой пайке, шпилькой деревянной приколоть. Чтобы потом, когда наутро их принесут в барак, каждый точный вес получил. Этот хлеборез пригласил меня ночью поработать. Я охотно согласился, потому что мог там получить маленький лишний кусочек хлеба. Это очень тогда мне было нужно, я голодал. Наутро, когда хлеб раздали, подошел заключенный к этому хлеборезу и сказал: «Начальник лагеря прислал записку, чтобы ты дал две булки хлеба», и протянул ему какую-то бумажку. А хлеборез был старик-литовец, он по-русски и прочитать, наверное, не мог. Старик эту записку мне отдал, чтобы я прочитал. Я посмотрел – каракули, и сказал, что это филькина грамота. Это чуть не стоило мне жизни. Этот человек стал меня преследовать, угрожать мне, готов был убить. Так что всякие случаи бывали в жизни. Я не хочу говорить о национальности этого человека... Мне было его жалко.

Значит, у вас такого понятия, как «мой враг», «враги», нет? Вы любого, даже идеологического врага, считаете посланником Бога?

Бог использует и врагов наших – для нашего же очищения. Это не значит, что враги правы, что их деяния рассматриваются в положительном смысле. Нет, конечно, но Бог их может использовать.

* * *

Не скрою, задавая Михаилу Петровичу вопрос о врагах, я имела в виду и то противодействие, которое он испытывал внутри церкви. Придя в церковь в начале 1990-х, я застала отголоски этого противостояния. В то время в прессе появились публикации, затрагивающие деятельность руководителей различных церквей – и православных, и протестантских – и их вынужденное общение с КГБ в годы советской власти. В «разоблачительном запале» начала 1990-х молодые люди – не только из церковных и околоцерковных кругов – готовы были мазать черной краской все, что вызывало хоть какое-то подозрение в лояльности к советской власти. Забывая Евангельскую заповедь «не судите, да не судимы будете», не прожившие и не прочувствовавшие время, когда за неосторожно сказанное слово можно было поплатиться жизнью, они готовы были судить предшествующее поколение. И никто из них, осуждающих, не задумался о том, что все то, чем гордится сегодня адвентистская церковь, было заложено именно в то время. И за все это было заплачено болью и страданиями многих людей, которые руководили церковью в советскую эпоху.

Зимой 1992 года Михаилу Петровичу было послано еще одно испытание, еще один «общественный суд». Только устроили его не партийные атеисты, а верующие члены общины – несколько преподавателей и студентов созданной им Заокской духовной семинарии.

Я не была на этом разбирательстве. Но сейчас, по прошествии 17 лет, попыталась найти ему объяснение или хотя бы собрать свидетельства очевидцев. Но никто из тех, к кому я обращалась с этим вопросом, и кто, по моему мнению, мог быть на этом собрании, ничего внятного мне не сказал. «Не был», «не помню», «не участвовал», «ничего не знаю» – вот что я слышала. Единственная оценка произошедшего, которую мне довелось услышать от очевидца того «общественного суда», была такая: «Я тогда ничего не понимала, помню только, что это было ужасно – пожилому достойному человеку приходилось оправдываться перед мальчиками, студентами семинарии». Я могла бы здесь дать и свою оценку этому событию, но думаю, что Михаил Петрович этого бы не захотел. Скажу только одно – это стыдно! Поэтому все участники захотели стереть из памяти это постыдное происшествие. Я думаю, не только люди – Господь этого захотел.

Михаила Петровича я тоже просила рассказать об этом церковном «общественном суде». И получила совершенно не удививший меня ответ: «А я уже и не помню ничего»... Пожалуй, это единственный вопрос, на который я не получила от него прямого ответа. Не правда ли, странно, что так быстро стирается из памяти то, что произошло недавно, но так хорошо помнится то, что случилось 40 лет назад. Но кое-что он все же мне рассказал...

Беседа двенадцатая

Поселок Заокский, июль 2007 года

В середине 1990-х годов вам пришлось столкнуться с непониманием внутри церкви, ведь так?

В какой-то тульской газете тогда появилась статья, у меня она не сохранилась, там были указаны фамилии или клички некоторых религиозных служителей, которые они имели в КГБ. Ко мне это непосредственно не имело отношения, тем не менее у кого-то могло возникнуть представление, что это и о Кулакове идет речь.

Потом я написал об этом статью «Церковь и меч государства». В России, по-моему, она не публиковалась, но за рубежом была напечатана в журнале «Liberty». Я писал в ней о том, в каком положении оказались мы, служители, руководители церкви, в советское время. Нам нужно было искать путь, при котором мы могли бы сохранять верность Богу, чистоту совести, и в то же время быть лояльными по отношению к государству. Признавая, что Бог эту власть использует, мы не могли с этим не считаться. Я писал о поиске, в котором мы находились. Это был очень трудный, мучительный поиск. В 1960–1970-е годы в церковь приходили люди, поставленные органами власти и проводившие линию на развал церкви. Еще я видел, что некоторые люди в корыстных интересах использовали свои связи с властью, для того чтобы делать карьеру. Поскольку они не были заинтересованы в развитии церкви, а заботились о своем личном благе, в церкви происходили расколы. Это заставило меня искать нестандартные пути в отношениях с государством, когда можно было бы воздействовать на власть. Надо было показать власти, что адвентисты могут быть лояльными в любых ситуациях, что они не будут заниматься подрывной деятельностью, и в интересах государства дать нам возможность свободно отправлять служения, и что от этого государство только выиграет, а не проиграет.

Я начал понимать, что мне надо наладить с властью рабочие взаимоотношения, при которых можно было бы защищать интересы церкви и отстаивать их перед государством. В Совете по делам религии при Совете Министров СССР, официальном органе, призванном контролировать нашу деятельность, были сотрудники государственной безопасности. Поэтому, общаясь с Советом по делам религии, мы вольно или невольно должны были общаться и с сотрудниками КГБ. Уполномоченные Совета по делам религии в областях, как правило, в прошлом были сотрудниками этих же органов. И у них всегда была тесная связь с органами госбезопасности, поэтому сказать, что мы никаких отношений с органами госбезопасности не имели, было бы нечестно и лицемерно. И я никогда не отрицал, что мне приходилось встречаться и разговаривать с этими людьми. Кстати, среди них были неплохие люди, готовые на человеческой основе строить отношения. Некоторые даже помогали в решении очень сложных вопросов.

Знаете, как непросто было отправить из Советского Союза в 1980 году на учебу в Англию двух студентов? Но один из таких людей, дружески расположенный ко мне, как-то сказал: «Готовь кого-нибудь по-быстрому, и пока наше начальство в отпусках, мы сумеем их протолкнуть». Вот так приоткрывались возможности. И где-то надо было промолчать, а где-то надо было сказать: совесть моя мне этого не позволит, и я этого никогда не сделаю, я христианин. У меня есть определенные принципы. Но там, где налаживались человеческие отношения, там Господь располагал к тому, чтобы можно было чего-то добиться в интересах церкви.

Мне приходилось выезжать за рубеж и там, в руководстве всемирной церкви, решать некоторые вопросы. Я привозил оттуда документы, на которые мне специально ставили штамп «Confidential» и которые должны были показать властям, что в церкви адвентистов

седьмого дня нет врагов советского государства и против власти они ничего не замышляют. Это было необходимо для того, чтобы сохранить церковную организацию, фактически создать организацию из разрозненных, отдельных, противостоящих друг другу группировок, чтобы создать учебное заведение в Заокском, и типографию, и радиостанцию «Голос Надежды». Все это можно было сделать, только находя очень тонкий путь. Это был непростой путь, и приходилось быть всегда настороже и постоянно молиться о том, чтобы не оступить и не сделать ничего против своей совести.

Март 2010 года.

Из письма Михаила Кулакова

Я знаю, что ты, Оля, в Заокском искала очевидцев тех событий, когда папу осуждали некоторые преподаватели и студенты. И не нашла. Но, наверное, раз для истории пишется, людям надо всю правду сказать, это будет самое правильное. Здесь много граней у этой проблемы. И проблема эта – позиция руководителей религиозных организаций Советского Союза по отношению к власти. Это проблема и митрополита Страгородского, ставшего Патриархом. Он внутренне находился в метании относительно того, какую занять позицию. Для того чтобы сохранить какую-то часть церкви, он вынужден был пойти на сотрудничество с властями. Аверинцев говорит о Страгородском как о фигуре скорее трагической в истории русской церкви. Эту оценку надо обдумывать, это совсем другой вопрос и другая личность... Но вопрос о том, насколько нравственным и этически оправданным для руководителей религиозных организаций в годы тотального преследования было сотрудничество с властями, – это вопрос, фундаментальный для всех религиозных организаций Советского Союза.

На этот счет были разные богословские позиции. Были и те, кто считал, что на такое сотрудничество пойти можно, чтобы спасти хотя бы какую-то часть церкви.

Можно вспомнить Дитриха Бонхеффера, немецкого пастора, который во время Второй мировой войны шел на самые, казалось бы, невозможные шаги. Он принял решение стать двойным агентом, работать на несколько разведок. Для чего? Для того чтобы, используя свои интеллект, влияние, положение и доступ к властным структурам, оказывать сопротивление фашистскому режиму. Для Дитриха Бонхеффера это был переломный момент в его мировоззрении. Он же был пацифист, сторонник позиции непротивления злу насилеием. Накануне Второй мировой войны ему предложили кафедру в Принстонском университете – друзья хотели, чтобы он уехал из фашистской Германии. А он написал своему благодетелю и покровителю, что не сможет с чистой совестью жить в Америке, когда в его стране происходят страшные, чудовищные процессы. Он хочет участвовать в восстановлении свободной Германии после того, как темная эпоха закончится, но чтобы иметь на это моральное право, он должен немедленно вернуться в Германию и быть со своим народом. И он уехал в Германию, взяв на себя ответственность руководителя исповедующей церкви. Под исповедующей церковью в Германии понималась та церковь, те единицы христиан, которые готовы были выступить против гитлеровского режима, потому что все остальные церкви, включая адвентистскую, приветствовали гитлеровский режим... И потом, поняв бессилие пацифистского движения, он принял решение стать двойным агентом и работал на несколько разведок. И для того

чтобы манипулировать этими разведками, он вместе с очень узким кругом христианского германского Сопротивления разработал план по физическому уничтожению Гитлера. Будучи изначально пацифистом.

Мартин Лютер Кинг писал, что если у авторитарного режима есть какая-то мера совести, если у людей есть какая-либо легальная возможность оказывать сопротивление и бороться за права угнетенных мерами ненасилия, то нужно воздерживаться от насилия. Размышляя над опытом Бонхеффера, который потом пошел на виселицу за заговор против Гитлера, Мартин Лютер Кинг пришел к заключению: если у представителей авторитарной власти нет никакой совести и мы имеем дело с оголтелой животной силой, тогда может быть оправдано и насилие.

Я много думал об опыте духовных руководителей в сталинское, хрущевское и брежневское время. Я думал о своем отце и его опыте... Я знаю, что для папы сотрудничество с властью было мучительным. Это было для него самым тяжелым испытанием в жизни, но он это делал исключительно для того, чтобы оказывать влияние на эту власть. И было только два человека в государственном аппарате Советского Союза, с которыми мой отец сотрудничал, и я сотрудничал. И на этих людей мой отец произвел мощное духовное воздействие. Я знаю, что эти люди потом тайком приходили в нашу квартиру в Заокском, чтобы поблагодарить его, чтобы хотя бы одним глазком, как один из них выразился, посмотреть на то, к чему они имели некоторое отношение...

Тогда я понял, что для Господа нет никакой разницы, в какой организации человек работает, абсолютно никакой! Потому что для него эти люди – это ВСЕ люди! У них есть дети, у них есть жены, у них есть семьи, у них есть свои истории. Они по каким-то причинам пришли в государственные органы, но они тоже находятся во внутреннем поиске. И Господь некоторых из них использовал удивительнейшим образом.

Помнишь, папа тебе рассказывал, что он хочет, когда встретится с Апостолом Павлом, спросить, почему он тут вот так написал, а тут – так. Я думаю, мы только там сможем встретиться и узнать, кто на что пошел, и кто кого защитил, и кто за это чем заплатил... Между прочим, в переписке с Улицкой Михаил Ходорковский тоже об этом говорит. Он говорит, что в аппарате госбезопасности работают две совершенно разные категории людей. Не только интриганы без чести и совести. Туда приходили люди и по внутреннему убеждению, с чувством высочайшей гражданской ответственности, которым хотелось сделать что-то важное, доброе и благородное. Потом многие из этих людей были сломлены, папа встречал таких в лагере. У него там было христианское утешение, а у них не было никакого утешения, потому что они были марксисты, убежденные материалисты. У них произошло полное крушение идеалов, с которыми они шли в эти органы.

Я знаю, что отцу приходилось встречаться с представителями органов государственной безопасности. В статье «Церковь и меч государства» он писал об этом открыто. И эти люди знали, из каких побуждений он к ним пришел. Они знали, что им двигало дело церкви, благо церкви, будущее церкви и благо народа и общества. Они знали, что у него не было никаких корыстных, никаких личных мотивов. И если он им рассказывал о жизни церкви, то только для того, чтобы показать,

что церковь задавленная, церковь угнетенная, церковь обезглавленная и выключенная из социальной жизни будет превращаться в экстремистскую группировку. Если церковь будет изолирована от общества, она станет нездоровым элементом внутри общества, сама будет внутри болеть. А это в свою очередь будет разрушительно, болезненно сказываться на обществе. Все, что отец говорил им, сводилось к тому, что церкви нужно дать право быть признанной, дать возможность получить юридическое лицо и определенную защиту.

Служителей всех церковных организаций Советского Союза заставляли сотрудничать с властью, отчитываться перед властью. Когда я учился в Англии, вице-консул нас вызывал, как и других советских стажеров из любых сфер деятельности, каждый месяц в посольство, чтобы мы отчитывались. Только мы по-разному отчитывались. Если у людей были какие-то эгоистические мотивы, то они использовали эти ситуации для достижения своих личных целей или сведения счетов. А те, кто шел на это открыто, исключительно в интересах церкви, в интересах дела, говорили представителям органов власти: «Вот такая наша позиция, вот доселе – идем, а далее – не переступим»...

Нужно сказать, что для очень многих, наверное, для большинства христиан сотрудничество с авторитарным режимом в каких бы то ни было целях, даже самых высоких, однозначно является компромиссом. В этом смысле оно и для папы являлось компромиссом. С какой точки зрения на это ни посмотри – это компромисс. Однозначно. И он это признавал.

Как-то в молодости он пригласил меня на прогулку и со слезами на глазах и с тяжелым сердцем говорил об этом. Он мне сказал: к сожалению и ужасу, мы живем в таких чудовищных условиях, что для того, чтобы что-то сделать для церкви, мы должны на это пойти. Мы должны на это пойти, иначе нас сотрут с лица земли, с нами никто не будет разговаривать. У нас никто не примет ни одного заявления, ни одного письма. Нам не дадут провести ни одного совещания, мы не сможем зарегистрировать ни одной церкви, мы не сможем даже маленького календарика издать для того, чтобы окормить наших людей. Мы несем ответственность за этих людей. И мы должны взять на себя этот крест и понести. И будешь ли ты это делать, идешь ли на это как на крест, сам решай. Пусть это будет твоим решением. Для меня это тоже было страшной мукой...

Кстати, об отце Сергии Страгородском... Многие православные верующие его очень жестоко судят. Мне больно об этом читать. Я перечитал все богословские труды Сергия Страгородского, он занимал очень мужественную позицию до революции во всем, что касается принципа индивидуальной свободы и характера Божия. Это была принципиальная богословская позиция, которая до революции не касалась взаимоотношений церкви и государства. Мне кажется, это направление богословской мысли способно вывести Русскую православную церковь на совершенно новый уровень. На те самые чистые красивые пласты внутри восточной традиции, которыми так были проникнуты и отец Александр Мень, и отец Георгий Чистяков, которыми были вдохновлены отец Георгий Флоровский и Меендорф.

У Тихона Задонского было евангельское видение Бога, уважающего свободу, абсолютную свободу человеческой личности.

Учение о спасении Сергия Страгородского – это его академическая работа. Когда я ее изучил, я понял, какой это был принципиальный человек и как он жил интересами церкви. Это был большой ученый, это был действительно идейный человек. И когда кто-то берется судить о том, что он делал, когда стремился защитить церковь, то здесь, мне кажется, нужно быть очень осторожным...

Часть вторая. Узкие врата

*«Входите тесными вратами: потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими, потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их»
Евангелие от Матфея, 7:13–14*

Первое, что бросается в глаза, когдаходишь в первый корпус Заокской академии, – огромная, от пола до потолка, картина, на которой изображены Иисус и бредущие за ним овечки. Выдержанная в серо-фиолетовых тонах, она мне кажется взглядом из прошлого в будущее... Эта картина была написана специально для семинарии Василием Алексеевым, а помог в выборе художника мастер-реставратор из Санкт-Петербурга Павел Куделич. Если приглядеться, на заднем плане виден берег Оки недалеко от Заокской семинарии, рядом с Беховской церковью в Поленово...

«Когда мы заказывали художнику Василию Алексееву это полотно, мы хотели, чтобы образ Христа был изображен в канонах русской живописи и чтобы фоном был местный пейзаж», – рассказывает первый ректор семинарии Михаил Кулаков, сын Михаила Петровича. Преподаватели семинарии купили это полотно у художника сообща, на свои деньги, и украсили им первое официальное церковное учебное заведение. Ведь создание семинарии – это была их мечта, о которой они молились, за которую они страдали, но в которую неизменно верили. Я никогда не забуду, с каким душевным трепетом в семинарии встречали первых гостей, с какой радостью показывали им первые три этажа учебного корпуса. Но главной гордостью было огромное, неслыханное по прежним временам изображение Христа...

Май 2011 года.

Из письма Михаила Кулакова

Наша церковь десятилетиями добивалась возможности создать высшее учебное заведение для подготовки священно-служителей, но это не находило у руководителей советских государственных органов, курирующих религиозные организации, никакой поддержки. Напротив, подобная инициатива воспринималась очень враждебно, даже наказывалась. Когда в 1985 году к власти пришел М.С.Горбачев, то он назначил на пост председателя Комитета по делам религий при Совете Министров СССР Константина Михайловича Харчева. Он оказался человеком открытым и пришел на эту должность без какой-либо готовой установки. И когда он узнал о нашем желании создать учебное заведение, то не отверг эту идею, так как понял, что неграмотная, религиозная, лишенная возможности давать достойное образование своим духовным руководителям церковь обречена на проявления экстремизма, на внутреннюю борьбу, которая может принимать нездоровые формы. И чем просвещеннее, чем грамотнее будут священнослужители, тем более они будут открытыми, готовыми к поиску разумных путей разрешения конфликтов. Их взаимоотношения с обществом будут более конструктивными, а вклад этой религиозной деноминации в социальную жизнь будет более весомым. Так что Харчев начал помогать нам получать необходимые разрешения для создания духовного учебного заведения.

Нельзя не вспомнить обстоятельства первого знакомства Михаила Петровича с Харчевым. Они проговорили всю ночь, когда летели из Америки в Москву. Когда они расставались, Харчев сказал Михаилу Петровичу: «Вы

первый представитель духовенства, который меня понял и с которым я мог откровенно поделиться. Я хочу, чтобы вы были моим другом и духовным наставником». Они очень подружились. Их отношения отличали удивительное взаимное уважение и готовность поддержать друг друга...

Благодаря Константину Михайловичу глава Всемирной церковной организации (в то время пастор Нил Вильсон) был принят Председателем палаты национальностей Верховного Совета СССР Августом Эдуардовичем Воссом. Это было самое высокопоставленное лицо в Кремле, с которым удалось «пробить» официальный прием. И это было важно, потому что руководитель всемирной церкви хотел поддержать нашу инициативу по созданию учебного заведения, и первым вопросом в повестке встречи был именно этот. Я был переводчиком в Кремле на этой встрече. Это был довольно откровенный разговор. Константин Михайлович тоже присутствовал. Тогда представитель высшей государственной власти Советского Союза лично познакомился с адвентистами – и российскими, и зарубежными, и увидел их открытость и готовность к конструктивному, полезному обществу служению.

Это была не просто протокольная встреча, произошел человеческий контакт! Восс сказал, насколько я помню, что это разумное ходатайство, создание учебного заведения даст положительный эффект и отразится на вкладе адвентистов в жизнь общества. Хотя реализация этой идеи все равно шла с большим трудом. Мы встретили сопротивление в лице высшего руководства Тульского обкома партии. И вот тут звонки Константина Михайловича из Москвы, из Совета по делам религий при Совете Министров СССР сыграли решающую роль!

Харчев был сиротой, вырос в детском доме. В прошлом он был дипломатом, послом СССР в государстве Гайана. Он был очень смелым человеком, очень независимым и оказывал нам огромную поддержку в учреждении Христианского издательства (еще до выхода Закона о свободе печати). Было очень много факторов, которые способствовали нашим начинаниям, но роль Константина Михайловича была решающей. Папа был убежден, что это Господь его таким образом использовал...

Харчев выступил на торжественном открытии Заокской Духовной академии 2 декабря 1988 года. Кстати, там было 34 иностранных корреспондента, в том числе от ведущих информационных агентств и западных телеканалов. И Харчев под впечатлением от нового красивого здания в Заокском, от благоустроенной территории семинарии сказал, что ему сегодня стыдно за свою страну и за то, что это здание возведено не в Москве, а в Заокском.

Я не знаю, за эти ли его слова или за какие-то другие слова и поступки, но вскоре он был отстранен от должности Председателя Совета по делам религий. Однажды утром он позвонил мне и сказал: «Мишка, знаешь, я безработный, я потерял работу». Я был смущен тем, что такой высокопоставленный человек так запросто мне звонит, делится со мной своими переживаниями... Я испытывал огромную благодарность и уважение к этому человеку, и мне хотелось что-то для него сделать, поддержать его в эту минуту. Как раз в тот день родился наш сын. И я ему сказал: «Константин Михайлович! У меня сегодня родился сын, и его будут звать Константин Михайлович. Я его называю так в вашу честь. Так что

теперь у вас есть тезка. Я бы очень хотел, чтобы вы приехали на служение посвящения Костеньки Богу».

И он приехал. Через несколько недель коммунист Харчев держал маленького Костеньку на руках, а папа, адвентистский пастор, молился о нем в новом храме Заокской духовной семинарии, построенной во многом благодаря Константину Михайловичу. Это было очень трогательное переживание, и мы до сих пор поддерживаем с ним добрые отношения...

* * *

Встречались ли вы с людьми, которые приподнимают над землей? Рядом с Михаилом Петровичем у меня всегда было ощущение, что я не по земле хожу, а на полметра над! И это ощущение было не у меня одной, об этом говорили многие, кто общался с ним. Как-то я спросила его деверя Илью Ивановича Вельгошу, какое впечатление на него произвел Михаил Петрович, когда он увидел его впервые. Илья Иванович задумался и сказал: «Отдельный человек».

В одной из наших последних бесед я задала Михаилу Петровичу вопрос о том, что было в его жизни самой большой ценностью. «Познание Бога, – ответил он, не задумываясь, – это якорь в жизни, который дает мне возможность стоять в разного рода обстоятельствах. Где бы я ни оказался, я всегда чувствую, что я с Богом и он со мной. Я всегда это знал, и это самая большая моя ценность в жизни».

Кажется, что его путь был predetermined – верой, учением, воспитанием. Он изначально шел узким путем, теми тесными вратами, где любое отклонение от цели невозможно. Он был из тех удивительных и редких людей, умеющих говорить то, что думает, и поступать в полном соответствии с тем, что говорит.

У большинства все складывается иначе. Особенно у тех, чьи детство и юность, то есть период человеческого становления, проходили при советской власти.

К концу 1990-х годов многие из тех, вместе с кем я пришла в адвентистскую церковь, покинули ее, потому что для них приход в церковь стал не итогом, а только началом духовных поисков. Уходили и от непонимания, которое становилось обоюдным и перерастало во взаимные претензии. В основном уходили по-английски, не объясняясь и растворяясь в других общинах, чаще всего православных. Моя подруга, с которой мы вместе крестились в Поленово, сейчас работает регентом в православном храме. Она с благодарностью вспоминает Заокские библейские курсы – там начался ее путь к вере. Некоторые искали себя в других протестантских общинах, шли к баптистам, евангелистам, пятидесятникам. Некоторые пробовали изучать индуизм или знакомились с бахаистами. Немногие – были и такие – делали из своего ухода шумные акции, заявляя во всеуслышание о своем разочаровании и несогласии. Вспоминать об этом больно до сих пор, хотя ни одного имени я здесь не назову.

Беседа тринадцатая Поселок Заокский, июль 2007 года

Михаил Петрович, вы часто говорили об ошибках, совершенных церковью в начале 1990-х годов. Что, по-вашему, тогда было сделано не так?

Акценты были не совсем правильно расставлены, средства были тоже не совсем правильно использованы. Я это видел и тогда, а теперь уверен: все нужно было, конечно, делать по-другому. Но Бог использует нас такими, какие мы есть. Он говорит: *лучшие как колючий терн*, то есть идеального нет ничего, все, что делают люди, несовершенно. Потому что мы несовершенные человеческие существа, мы не можем сделать ничего совершенного. В том, что мы делали тогда, были допущены серьезные ошибки. Евангелисты пытались подать обществу свою доктрину во что бы то ни стало.

И таким образом сделать людей приверженцами определенной доктрины, а не последователями христианства...

Думаю, это одна из серьезных ошибок! Это можно было, наверное, делать в других странах. Но здесь, в России, нельзя было создавать границы и строить барьеры между верующими. Надо было наши усилия объединять. Но это, конечно, дорога с двусторонним движением. Здесь должно было быть движение и с нашей стороны, и со стороны Русской православной церкви и других церквей – встречное движение. Нужно было согласовать, что мы будем делать сообща, чтобы помочь обществу в преодолении того, что разлагает его, что губит нацию. Но этого не было ни с одной, ни с другой стороны. О чем можно только горько сожалеть.

Я понимаю, что не все протестанты полностью с этим согласятся, так же как и определенные православные иерархи. А вот некоторые православные священнослужители положительно относились к тому, что я с иностранными гостями бывал на их встречах, приемах, в монастырях. Я помню, ездили во Владимирскую область. Какие там замечательные священники! Такие открытые, принимали нас с распростертыми объятиями, чувствовалось, что мы могли бы с ними вместе работать и помогать нашим согражданам. Так что я видел искренность и сердечность православных священнослужителей, надо бы больше в этом направлении нам работать. Но я знаю, что определенные силы и на той, и на другой стороне этого не хотели и не хотят. Это значит, что мы будем свидетелями еще многих несчастий, бедствий и страданий нашего народа. Это все бывает там, где нет свободы. Павел пишет: *там, где Христос, там свобода*.

Я как-то выступал на телевидении в программе «Тема», и некоторые священнослужители меня упрекали в том, что где-то «иеговисты покалечили души». Андрей Кураев меня спрашивал: «Что бы вы сказали на это?». Ну что я мог ответить? Это неизбежное следствие злоупотребления свободой, но без свободы будет еще хуже.

Злоупотребления будут, но у нас есть органы правопорядка, которые должны следить за нарушениями закона и не допускать посягательств на личность. Но нам, верующим, должно быть ясно: мы не можем ставить препоны в духовных поисках людей. Не нужно считать людей дурачками, которым только мы одни говорим истину. Что они, сами не разберутся? Зачем их нужно ограждать от влияния других религий? Это не Божий путь. Бог открыл для всех возможность искать и находить свой духовный путь, пожалуйста, идите, ищите. *Смотрите, читайте*, пишет апостол Павел, *мне все позволительно, но не все полезно*. Бог никому ничего не запрещает. Контролировать свободу выбора личности – это преступление. Христос умирал на кресте за то, чтобы у нас была эта свобода. Вот как он ценит право каждого созданного по образу и подобию Божьему человека! Бог создал человека свобод-

ным, контролировать эту свободу – значит узурпировать власть, принадлежащую Творцу. Вот это недопустимо, но это практикуется и приносит свои негативные плоды.

Можно сегодня что-то исправить?

Нужно было сохранить тот имидж, который мы приобрели поначалу. Чтобы мы могли совершить дело, которое Бог поручил нашему движению. Но, к сожалению, этого не произошло, и сегодня решить эту задачу значительно сложнее, потому что очень многое упущено, и упущено безвозвратно. Что-то мы не сможем возродить. Нужны личности, которые могли бы сделать это. Но история показывает, что такие люди приходят не так часто. Нужно время. Бог готовит людей. Как говорит немецкая пословица, «мельница Божья мелет медленно, но наверняка». Бог уверенно совершает свое дело, но когда время потеряно, его уже не наверстать.

* * *

Мы, пришедшие в адвентистскую церковь в начале 1990-х годов, через все это прошли. Ощутили безвозвратно потерянное время. Это был какой-то водораздел, когда Михаил Петрович в 1993 году оставил руководство церковью. Это не сразу осозналось, но сразу почувствовалось: начался массовый «исход» тех, кто только что принял крещение. Потому что мы пришли в одну церковь, а получили другую...

Однажды мне в руки попало несколько самиздатовских адвентистских книг, напечатанных на тонкой папиросной бумаге, видимо, в начале 1960-х годов. В них были очень простые, даже наивные рассказы о жизни протестантских общин и протестантских семей в Советском Союзе. Это стало для меня потрясением. Ведь это часть истории моей страны, совершенно неизвестная никому, кроме узкой прослойки протестантов. Параллельная история! История, которую никто не знает. История гонений и подполья. Вспомнился советский фильм о мальчишке, выросшем в баптистской семье, которого спасли, вырвали из «лап злых родителей» друзья-пионеры. Нам этот фильм показывали в первом классе. В голове надолго застряло ужасное и опасное слово – «баптисты»...

Если бы нам, делающим первые шаги в христианстве, при вступлении в общину рассказывали не только про евангельские истины, но и об истории русского (и советского!) адвентизма, взаимопонимания было бы несравнимо больше.

Из беседы с М.М.Кулаковым Май 2011 года

Миша, Михаил Петрович говорил с тобой о запретах? Приходя в любую церковь, мы сначала знакомимся с тем, что нельзя, и мало кто доходит до того, что можно...

Михаил Петрович очень много об этом говорил и писал, у него есть статьи, которые он писал для наших служителей, когда были споры, порой очень ожесточенные, например, о соблюдении суббот. Говоря об этом, он вспоминал такое высказывание Иисуса Христа: когда ученики просили объяснить им, в чем заключается грех, Иисус на это сказал: *Все, что не по вере, есть грех*. Все, что не по вере! Какой смысл вкладывал он в эти слова? Все, что не связано с осмысленным, осознанным доверием к Богу, что не проникнуто чувством близости к Богу, все, что продиктовано желанием заработать себе спасение, не есть подлинное христианство, подлинный религиозный опыт. Это результат эгоистических побуждений. У псалмопевца есть такая фраза: *Что мне без Тебя? Без Тебя и Неба не хочу*.

Для папы очень важным в его духовном опыте было понимание того, чего нельзя требовать от человека в церкви. Пастору, священнослужителю нельзя требовать исполнения каких-то уставов, обрядов, положений, если духовный опыт человека, идущего к Богу, не достиг того уровня, на котором этот образ жизни становится естественным результатом его глубокого доверия Богу. Он учил нас видеть любого человека глазами Бога. Что значит – видеть людей глазами Бога? Это значит видеть, каким может стать этот человек, если дать ему распрямиться, освободиться от собственных страстей, от меркантильных, честолюбивых устремлений, от обид, озлобленности и цинизма. Тогда человек сможет наслаждаться своей духовной жизнью и легко примет ограничения и правила, это будет для него не закрепощение и закабаление, а освобождение. Тогда он обретет самое ценное – опыт доверия Богу. Он обретет видение жизни в контексте Вечности.

Мы, когда были детьми, часто к папе прибегали и спрашивали: как совместить Бога и страдания людей, их мучения, наличие зла в этом мире. Он нам говорил: «Деточки! Бог не смотрит на смерть так, как мы смотрим. Видя внезапную гибель человека, мы сокрушаемся, так как можем видеть его путь только в масштабе нашей земной жизни, которая единственно нам доступна и понятна. А Бог видит путь этого человека на протяжении всей вечности. Он готовит этот путь, и если человек доверится Богу и преодолит свои страхи, он обретет новые возможности и получит новое видение своей жизни».

Для многих людей вопрос свободы – несвободы является ключевым. Храм, вера и церковь, особенно церковь как институт, все это становится несвободой, поэтому многие уходят. Уходят не от веры, а из церкви, оставаясь верующими людьми, потому что настоящего понимания свободы ни одна церковь не дает.

Нужно внимательно читать Евангелие, Нагорную проповедь, потому что Нагорная проповедь – это величайший документ человеческой цивилизации. Если убрать Нагорную проповедь, то что-то очень важное из нашей жизни уйдет. Христос показал нам путь свободы. Подлинный духовный опыт превосходит все конфессиональные границы и преграды. Он имеет вселенскую широту, он всеобъемлющ по своей природе. Потому что Бог не исключает ничего, а наоборот, все в себя включает, всех к себе влечет, все объединяет, самое разное и непохожее. И мне кажется, что именно мы, верующие люди, должны показать новому поколению христиан, что самые живые, самые чистые струи в каждой духовной традиции отличаются вселенской широтой и внутренней свободой.

Многие поколения россиян не имели свободы – не могли свободно передвигаться, не могли осуществить свою мечту, не имели права голоса, ограничивалась их частная жизнь. И все это повторялось, одно поколение передавало следующему опыт несвободы и безыс-

ходности. Может быть, поэтому в России есть ощущение, что надо что-то менять, чтобы преодолеть этот опыт несвободы. Преодолеть всем обществом, не только церковью.

* * *

Нас было много, тех, кто в начале 1990-х искал свою церковь. Тех, у кого почему-то не складывалось с традиционным православием. Не все могли терпеливо выслушивать поучения церковных старушек, напоминающих бывших профкомовских активисток, которые осуждали за неумение поставить свечку и подать записку. Для этого нужно было христианское смирение, а к нему еще надо было прийти, и прийти вместе с верой. Советский человек смирению обучен не был. Да и вопросов после посещения православного храма оставалось очень много, намного больше, чем ответов. Поэтому многие обращали свой взор туда, где их встречали более доброжелательно и где богослужение проводилось на понятном русском языке.

В день моего крещения в Поленово один из пасторов церкви сказал мне слова, которые впоследствии я часто вспоминала: «Вы, Ольга, знали церковь с парадной стороны, а теперь вы будете узнавать ее изнутри. Вы должны понимать, что церковь – это структура, созданная людьми, а вера – это Божественное проявление Духа Святого. И никогда не путайте одно с другим». Конечно, эти слова справедливы по отношению к любой церкви. Но поняла я это значительно позднее. А тогда, как всякий вновь крещаемый, я этого не осознавала...

Крещение в адвентистской церкви означало для меня не только принятие учения, но и вступление в церковь. Став членом церкви, ты становишься членом общины, следовательно, твоя жизнь отныне – часть жизни общины, значит, ты лишаешься какой-то части личной свободы. Но это, конечно, справедливо только для тех, кто честен сам с собой и следует всем принципам адвентистского вероучения – 28 основаниям веры. Во всяком случае, мне казалось тогда, что в адвентизме все бескомпромиссно: или – или.

Вместе с другими, только что принявшими крещение, засвидетельствовав перед общиной верность учению Церкви христиан-адвентистов седьмого дня, я честно отказалась от работы в субботу, от алкоголя и курения, от употребления «запрещенной» пищи (в частности, свинины), платила десятину, то есть отдавала десятую часть своих доходов в церковь. Все символы и признаки принадлежности к христианству, знакомые по русской классической литературе и кинофильмам, стали в одночасье запрещены: нельзя было молиться иконам, нельзя носить крестик, нельзя креститься на купола храма. Кроме категорических «нельзя» многое проходило под грифом «не рекомендуется»: употреблять в пищу мясо и птицу, кофе и чай; женщинам также предлагалось отказаться от украшений. Сначала все это не тяготило. Стало тяготить потом, когда я поняла, что запреты по большому счету ничего не меняют в моей духовной жизни. Эти запреты скорее стали для меня данью уважения традициям церкви, чье вероучение я добровольно приняла.

Для меня как для музыканта музыка стала еще одним камнем преткновения. Хор на клиросе в православной церкви или орган в католическом соборе намного созвучнее с молитвенным настроением, чем песни, которые звучат в протестантских церквях. Это пение в микрофон в сопровождении рояля, а иногда и гитары ближе к эстраде или, может быть, к бардовской песне...

Все-таки великая религия порождает и великое искусство. А с этим у современных протестантов, в частности, у адвентистов, проблемы. Почему? Ответа на этот вопрос я не нахожу и поныне. Хотя какие-то версии на этот счет у меня есть. Изучение Библии, совсем необязательное для верующих в православной церкви, у адвентистов является частью богослужения. Может быть, если люди сверяют любое движение души со Священным Писанием, из их жизни уходят фантазия и образное мышление? Или в адвентисты идут люди с заведомо

аналитическим складом ума? Но тогда Михаил Петрович явно выпадает из этой картины протестантизма...

Из книги М.П.Кулакова «Хотя бы обрушились небеса...» (Перевод с английского Д.В.Цолина)

Один из наиболее ужасных аспектов советской коммунистической системы сталинского образца заключался в полном пренебрежении личностью. Однажды, когда я работал в лагере Дубравлаг в Мордовии, мне пришлось наблюдать группу новоприбывших заключенных. Среди них был человек, лицо которого показалось мне очень знакомым. «Он очень похож на Леонида Собинова, всемирно известного оперного певца», – подумал я. Но это не мог быть он. Собинов умер.

Я подошел к статному, средних лет мужчине. «Простите, – сказал я, – ваша фамилия Собинов?». Он взглянул на меня. «Да, – наконец ответил он, – я Борис Собинов».

«Вы сын Леонида Собинова?». – «Да».

«Мне не верится, что я на самом деле разговариваю с Борисом Собиновым, – сказал я, – ваш отец был гордостью России. Вы с отцом давали концерты по всей стране. Ваши способности как пианиста и композитора просто легендарны. Для меня честь встретиться с вами. Но почему вы здесь?»

По какой-то причине этот одаренный музыкант симпатизировал мне, и вскоре мы сдружились. Однажды он поведал мне свою печальную историю. В 1917 году, после большевистской революции, некоторые армейские офицеры, преданные царю, эмигрировали за границу, взяв с собой и юного полкового музыканта Бориса Леонидовича Собинова, которому было тогда 22 или 23 года. Он поселился в Берлине, получил музыкальное образование, а со временем стал профессором Берлинской консерватории. У них с женой детей не было, так что они полностью посвятили себя музыке, даже тогда, когда вокруг бушевала Вторая мировая война.

«Итак, я жил в Германии, – рассказывал он, – при этом всегда оставаясь русским патриотом. Я радовался, когда советские войска и союзники победили фашистов. А когда советские войска вошли в Берлин, я приветствовал их с распростертыми объятиями. Я оказывал дружескую поддержку многим офицерам, сердечно угощал их в моих роскошных апартаментах. Я водил их по городу, показывая им уцелевшие после бомбежки красивые здания».

Внезапно эти дружеские отношения оборвались. Кто-то в высшем советском руководстве принял бессмысленное, своевольное и жестокое решение, и в один прекрасный день офицер из круга друзей Бориса постучал в дверь его дома. «Пожалуйста, следуйте за мной», – сказал он. Борис последовал за ним, и они вышли. «Что происходит?».

«Борис Леонидович, – сказал офицер, – при всем моем уважении к вам нам приказано взять вас под арест».

Только тот, кто пережил подобное, может понять шок от такой чудовищной несправедливости. Для Бориса Собинова это было совершенно непостижимо.

«Но за что? Что я сделал?». – «Пожалуйста, пройдите со мной».

Сразу же после ареста Бориса отправили назад в Россию, обвинили в контрреволюционной деятельности и приговорили к десяти годам лагерей. Представьте музыканта, его тонкую натуру, ум, наполненный ненаписанными симфониями, его пальцы, дрожащие несыгранными концертами для фортепиано, сидящего возле костра в Мордовии и сбрасывающего с себя вшей в огонь... Мне было больно наблюдать за его физическими и умственными страданиями.

«Позвольте поинтересоваться, Борис Леонидович, – спросил я его как-то, собрав при этом все свое мужество, – верите ли вы в Бога?». Он отрицательно покачал головой. «У

меня всегда было очень мало общего с религией. В Германии тоже спрашивали меня: «Вы лютеранин или католик?». Я всегда отвечал: «Я музыкант».

На самом деле Борис Собинов жил музыкой и для музыки. Достигший головокружительного успеха как пианист, он считал отсутствие музыкальных инструментов в лагере более мучительным, чем мрачную атмосферу или тяжелую работу. Но однажды я увидел совершенно нового, наэлектризованного Бориса. Казалось, он воскрес из мертвых. «Что я только что услышал от директора отдела культуры Девитайкина!» – сказал он мне.

Здесь я предвижу поднятые удивленно брови читателей: отдел культуры в советском трудовом лагере? Но это правда. Во многих сталинских лагерях поддерживалась работа подобных культурных центров, благодаря которым начальники этих учреждений лицемерно создавали видимость перевоспитания заключенных. А товарищ Девитайкин на самом деле возглавлял этот отдел в нашем лагере. Он отвечал за своевременную доставку в лагерь некоторых коммунистических газет (несколько доступных для чтения экземпляров лежали на столе в одном из барачков). В его обязанности также входил надзор за каждым заключенным, чтобы он «правильно понимал образовательную политику партии». На самом же деле это была просто другая форма обезличивания человека.

Обеспокоенный резким изменением настроения Бориса, я спросил: «И что же сказал товарищ Девитайкин?». «Как я понял из его слов, – дрожащим голосом сказал Борис, – в ближайшие дни мы получим фортепиано!».

Мысль о том, что он наконец-то снова сможет играть на фортепиано, просто ошеломила моего друга. Он все время шагал по барачку, потирая руки, массируя пальцы, пытаясь ощутить, смогут ли они еще играть. На его лице было некое смещение счастья и беспокойности. День за днем он ожидал осуществления своей мечты. Но фортепиано так и не прибыло. Товарищ Девитайкин, по всей видимости, решил взять его себе домой. Борис Собинов был подавлен.

Спустя некоторое время его и несколько других заключенных направили на какие-то работы за пределами зоны. Когда они вернулись, я узнал, что они чистили выгребные ямы уборных, которыми пользовалась охрана. Было ужасно видеть выражение лица бывшего профессора Берлинской консерватории... Он казался полностью уничтоженным, униженным.

В таких условиях его личность изменилась. Обычно вежливый и дружелюбный, он начал сквернословить. Удивительно, но даже в трудовых лагерях только наиболее закоренелые циники матерились или употребляли грязные выражения в присутствии верующих. Зная, что я христианин, заключенные, когда у них вырывалась нецензурная брань, обычно извинялись. Борис заметил, как я поражен и смущен теми переменами, которые в нем произошли, и от этого чувствовал себя неловко. Однажды, испытывая потребность открыть кому-то свое сердце, он сказал мне дрожащим голосом: «Только посмотри, посмотри, во что они меня превратили! У них нет уважения к людям, к истории и культуре! У них нет уважения даже к самим себе».

И тогда, желая то ли оправдать произошедшие в нем перемены, то ли успокоить свою совесть, он рассказал мне о своей юности. «Когда я был мальчишкой, у меня был очень жестокий нрав и вспыльчивый характер. В раздражении я хватал все, что попадалось под руку, даже дорогую посуду, и со всей силы бросал на пол. Но со временем жена помогла мне измениться. Она очень мягкая, сдержанная, трезво мыслящая женщина. На мои вспышки негодования или гнева она никогда не отвечала таким же образом. Вместо этого она спокойно и с пониманием смотрела на меня, и это успокаивало и сдерживало меня. Но теперь моя прежняя дурная натура возвращается ко мне».

Вскоре нас разлучили, и мы больше никогда не виделись. Многие годы я ничего о нем не знал. Лишь недавно я узнал, что Борис Леонидович Собинов был реабилитирован и вышел из лагеря в 1955 году, а через год умер от рака. Я часто думаю о нем с грустью.

Сколько умных и серьезных людей упустили возможность ответить на Божий призыв и принять дар Его благодати, которая может изменить греховную природу человека и ведет к победе над собой.

Из беседы с Петром Кулаковым Москва, октябрь 2010 года

Петя, ты говорил, что Михаил Петрович много рассказывал вам о классической музыке и давал слушать записи?

Да, и я думаю, что если бы не его влияние, то у меня бы не развилась любовь к классической музыке. Потому что другой музыки он дома и не слушал. Он никогда не слушал эстрадную или какую-то современную музыку, у него не было интереса к этому, он даже немножко с пренебрежением относился к этим жанрам. Все, что у него было, – это пластинки с произведениями классических авторов. Особенно папа любил композиторов, которые писали на духовную тематику. Любил ораторию «Мессия» Генделя, музыку Баха, «Литургию Иоанна Златоуста» Чайковского. Концерты классической музыки он посещал. Когда приезжали зарубежные гости, он ходил с ними в Большой театр...

А ты помнишь, как папа рисовал?

Помню. В основном из-за того, что у нас в школе были уроки рисования, а у меня не было к этому никаких способностей, и я всегда шел к нему и просил, чтобы он помог. И он не просто за меня рисовал, он учил, помогал, показывал, как тень должна ложиться, как перспективу создать в рисунке. Получив образование художника, он хотел передать это понимание теории рисования и нам, детям. Я не помню, чтобы он рисовал просто так, для себя. Потому что он был воспитан так родителями, что рисование – это в первую очередь духовная работа. Мне кажется, потом он начал понимать, что многое упустил...

Года три или четыре назад папа мне сказал: он жалеет, что раньше не так часто садился с нами, детьми, вместе за стол, чтобы просто поговорить о жизни, посмеяться, так как совесть ему этого не позволяла. Родители его в такой строгости воспитали, так его научили. К тому же на нем лежала огромная ответственность за дела церкви. Но все равно когда мы просили, он показывал нам, учил, рисовал. Очень хорошо он нам помогал, когда надо было стенгазеты делать или для школы плакаты...

Как интересно, он помогал вам делать школьные стенгазеты?

Да. У него был очень красивый почерк, он умел писать широкими плакатными перьями. Если надо было название стенгазеты написать или лозунг какой-то, то учителя просили, чтобы отец это сделал. Они знали, что никто лучше его не выведет эти буквы, у него рука художника была. Когда его просили, он всегда это делал с удовольствием и даже с определенным академическим уклоном.

Он читал и обсуждал с вами произведения Толстого и Достоевского?

Не просто читал. Я считаю, что благодаря ему мы приобщились к русской классической литературе. Он часто использовал примеры из классических произведений в своих проповедях и, естественно, в нашем воспитании. Еще он с удовольствием Лескова читал, восхищался им и нам рекомендовал его читать. Он очень любил классическую литературу, это его страсть была. Он перечитал массу книг в заключении, очень ценил академические издания, справочники, энциклопедии. Он заказывал все, что тогда издавалось. Ты, наверное, видела у нас дома 86 томов энциклопедии Брокгауза и Ефрона, Еврейскую энциклопедию, Большую Советскую и все словари – Ожегова, Ушакова.

А какие у вас в детстве были развлечения? Как относился папа к театру, кино, телевидению?

Надо учитывать, что он был не просто служителем церкви, он был руководителем церкви в Средней Азии, Казахстане и республиках Закавказья. А внутри церкви, к сожалению, было непросто в то время. Существовали две школы богословские, и приверженцы другой школы внимательно следили за тем, что он говорит и делает и в церкви, и дома.

У нас дома не было телевизора. Я считаю, это был определенный минус для нас, для детей. Ведь нам надо было иметь представление о том, что в обществе происходит, чем живет страна. Но когда какие-то ключевые события происходили, папа нас всех собирал, и мы шли к нашим братьям по церкви и там смотрели новости. Еще была определенная позиция в отношении танцев: считалось, что атмосфера вокруг танцплощадок может оказать не самое доброе влияние на детей. Поэтому танцы не приветствовались и не поощрялись. Я должен сказать, что никто из нас и не рвался туда. Но был в моей жизни связанный с танцами печальный случай.

Мы жили в Туле, я дружил с одной девочкой, одноклассницей, нам было лет по тринадцать. Как-то к нам в класс пришли и сказали, что начинаются занятия бальными танцами. И Оля, с которой я дружил, захотела туда пойти, а я, естественно, использовал любую возможность, чтобы быть с ней вместе. И я стал ходить с Олей на бальные танцы, маме с папой ничего не говоря. Но однажды моя учительница – тогда классный руководитель посещал учеников дома – пришла к нам, и маме как-то между прочим сказала: как я рада, что Петя ходит на бальные танцы... Больше на танцы я не ходил. Я не знаю, узнал ли об этом папа. Было достаточно того, что мама узнала. Естественно, это не вызвало одобрения с ее стороны. На этом все мои танцы и закончились. А если бы не закончились, может, моя карьера сложилась бы иначе (*смеется*).

А театр? Кино? Экскурсии? Наконец, турпоходы? Было такое, что вся школа куда-то идет, а вас не пускают?

В кино отец не ходил, но мы, дети, ходили. Я учился в английской спецшколе, которая была в центре города, очень далеко от дома. Рядом со школой были два или три кинотеатра, и поэтому мы часто сбегали с уроков и шли в кино. Иногда я маме говорил, что пойду в кино с ребятами, и она не возражала. Но папу в кино я не помню ни разу.

Несмотря на то, что папа сам не ходил в кино, нам он купил кинопроектор. Это тогда была очень редкая вещь. И он нам покупал очень хорошие, хорошие фильмы о природе, исторические фильмы. Еще он нам купил кинокамеру, и мы сами снимали фильмы на 8-миллиметровую пленку. Так что мы были не просто зрителями, мы сами делали кино. И это наложило отпечаток, между прочим, на всю мою жизнь. Видимо, из детства пошла моя тяга что-то снимать, записывать, а потом показывать другим.

А с Мишей – у него были большие актерские способности – мы устраивали театр во дворе. И кукольный театр мы с ним создавали, и кино показывали соседским детям. Вешали простыню, ставили в курятнике кинопроектор, и соседи приводили детей со всей улицы смотреть наше кино! Уже тогда мы начали что-то делать для людей, интерес к служению общественному еще с детства был.

А какое у тебя самое яркое воспоминание детства?

Мы очень скучали по папе – он часто бывал в разъездах. И поэтому так было радостно, когда в субботу вечером он оказывался дома. Мы знали, что вечером он возьмет свою старую шубу, и мы пойдем куда-нибудь за город, расстелим шубу в роще под деревьями, сядем все вместе... Мне так всегда хотелось, чтобы он рассказал что-нибудь про себя, про свое прошлое. Мне кажется, даже сейчас я слышу его голос, когда он рассказывает истории из своей жизни: как их по этапам гнали, какой он был там голодный, как ему пить хотелось... Эти его истории прямо в память врезались. Вот это формировало нас в детстве.

Петя, мне рассказывали такую историю. Когда Анна Ивановна с Михаилом Петровичем куда-то уехали, Миша поступил в культпросветучилище. Когда родители вернулись, Миша их «осчастливил» этой новостью. Михаил Петрович сказал: «Мишенька! Это не культпросвет, это культбеспросвет».

Да, точно, так оно и было! И на этом кончился Мишин культпросвет... А что касается кино... Первый раз за всю жизнь родители пошли в кино два года тому назад. Фильм назы-

вался «Земля». Это замечательный фильм о природе, он шел во всех кинотеатрах Америки. Единственный раз в жизни папа пригласил маму в кино, и они посмотрели этот фильм...

Беседа тринадцатая (продолжение) Поселок Заокский, июль 2007 года

Откуда взялось в адвентизме неприятие таких явлений культуры, как театр, литература?

Я очень сожалею об этом... Здесь, конечно, есть некое библейское обоснование: *не любите мира*, – учит апостол, – *ни того, что в мире*. Неправильно понятый принцип лежит в основании запрета читать художественную литературу. У апостола Павла принцип был таков: *мне все позволительно, но не все полезно*. То есть ничто не должно захватить меня так, чтобы отвлечь от главного, надо уметь отбросить то, что вредно. Может быть, из этих соображений некоторые учителя в адвентизме говорили: если вы не разбираетесь, что хорошо вам, а что плохо, лучше вообще избегать всего. Некоторые утверждали очень настойчиво: ничего не читать! Это, безусловно, перегиб. Бог, говоривший многократно и многообразно в древности, определенно использовал деятелей литературы и искусства для просвещения общества, и пользоваться этим багажом – очень большое преимущество. Но не все это так понимали, и на этой почве были разногласия и даже расколы.

Конечно, есть определенная опасность, когда дети читают то, что не проверяется родителями. Или когда им не прививаются с младенчества чувство вкуса и отвращение ко всему низкопробному и растлевающему души. В связи с этой опасностью некоторые были готовы запретить все. В книгах Елены Уайт очень много было на этот счет сказано. Но кое-кто вырывал из ее высказываний вне контекста отдельные фрагменты, и выходило, что мы не должны читать ничего. Это отрицательно сказалось на жизни и работе нашей церкви, и мы многое потеряли. Но найти разумный баланс – это не каждому дано, и я никого не осуждаю.

Насколько я знаю, верующим в советское время трудно было получить образование. Например, во всех советских анкетах был вопрос о принадлежности к комсомольской организации...

Мои дети никогда не были комсомольцами и поэтому всегда имели неприятности на этой почве. Но в основном Бог миловал. Я тоже закончил отделение живописи художественного училища, хотя и не посещал его по субботам. Мне повезло, директор Ивановского художественного училища был человеком верующим – в душе. Как и все тогда, он скрывал свою веру, писал втайне русские церкви и показывал мне свои картины. Но если он видел открытое проявление веры, он пытался ее защитить. И он делал все со своей стороны, чтобы дать мне возможность учиться. Его звали Александр Васильевич Данилевский, он любил меня как сына и защищал. Отстоял меня даже от службы в армии, ходатайствовал перед военкоматом, просил, чтобы мне дали возможность закончить училище, добивался отсрочки.

Но я не пришел на защиту своей дипломной работы, так как защита выпала на субботу. Я отнес в училище свою работу – картина называлась «Юные музыканты», а сам молился дома и переживал. Думал – что мне делать? Пойти в училище – это вроде бы не такой и грех. А если прийти – а я раньше никогда не ходил в училище по субботам – то это будет выглядеть, как будто я пошел на компромисс со своей совестью ради того, чтобы получить диплом. Я решил этого не делать. А когда мы все пришли за дипломами, собрался весь курс, всем вручили, а мне нет. Я спросил: как же мне быть? Мне сказали – идите к директору.

Когда я пришел к директору, он выдвинул ящик стола и сказал: «Мишенька, вот твой диплом лежит. За работу поставили тебе «пятерку», и я мог бы выдать тебе диплом. Но мне накануне позвонили из облисполкома и сказали – там у вас был какой-то, который в субботу не явился, так вы ему диплом не выдавайте. Я предложил: может быть, дадим ему возможность защититься осенью, когда преподаватели из отпусков вернутся? Они разрешили. Так что осенью можешь прийти за своим дипломом». А я ему ответил: «Александр Васильевич,

мне здесь оставаться нельзя, я должен отсюда уехать. Я уже побывал в Прибалтике, там договорился, и меня берут на работу в школу». На следующий день он выдал мне справку о том, что защита дипломной работы перенесена на осень.

Фактически эта справка и стала моим документом о художественном образовании. Я так и не получил диплом, потому что потом меня арестовали и в Иваново привезли уже под конвоем. У меня и сейчас хранится эта справка. Перед отъездом в Соединенные Штаты в 2000 году я приехал в Ивановское художественное училище. Мне было очень интересно там побывать. Я рассказал директору, что когда-то здесь учился и хотел бы получить свой диплом, который тогда не смог получить. Он сказал, что этот диплом лежит у них в архиве, и пригласил меня на 70-летие училища. К сожалению, я не мог там остаться на праздник, и свой диплом так и не увидел. Зато когда я назвал ему фамилии тех, с кем учился, оказалось, что мой соученик Евгений Грибов у них работает. И мы с Женей поговорили по телефону – через 50 с лишним лет...

У меня не осталось никаких художественных работ. Мою дипломную работу художественное училище передало в дар музыкальному училищу. Сколько лет прошло... Может быть, еще сохранилась эта работа там? Там скрипач и пианист играют дуэтом. Эту работу оценили на «отлично»...

* * *

Михаил Петрович так и не получил свой диплом и не увидел больше свою дипломную работу. В июне 2011 года мы с мужем Сергеем съездили в Иваново и попытались, что называется, «пройти по следу», который оставил Михаил Петрович в этом городе. Пытались отыскать его дипломную картину и получить не полученный им диплом. А еще хотели сфотографировать дом, где собиралась в 1940-е годы ивановская община христиан-адвентистов седьмого дня. Но безжалостное время стирает все материальные свидетельства пребывания человека на этой земле. Мне дали телефон старейшего члена общины Василия Ивановича Ловска. Вспомнить, где находился общинный дом, он так и не смог. Дипломную работу, которую Михаил Петрович назвал «Юные музыканты», мы не нашли ни в музыкальном училище, ни в музыкальных школах города.

В художественном училище нас очень приветливо встретила директор Ирина Ивановна Комарова. Я звонила ей перед поездкой, просила найти диплом и личное дело, рассказала немного о Михаиле Петровиче. Моя информация упала на благодатную почву – они как раз собирают материалы для музея училища. Мы подарили музею изданные Институтом перевода Библии Новый Завет и Пятикнижие. А Ирина Ивановна показала нам то, что сохранилось в архиве – личные дела Михаила Петровича и его брата, Виктора Петровича. Оказывается, Виктор тоже учился в Иваново с 1943 по 1945 год, а затем перевелся в Нижний Новгород (тогда он назывался Горький).

В личном деле Михаила Петровича сохранились заявление о приеме, две фотографии и свидетельство об окончании средней школы г. Иваново. Почти все оценки – «отлично»! На обороте титула личного дела есть запись о защите дипломной работы на «отлично», его картина названа «Любители музыки». Есть и запись о том, что диплом не выдан. Без обозначения причины. И все, больше не нашлось ничего. Ни одной картины, ни одного свидетельства.

Но не зря меня все же так тянуло в Иваново. Хорошо, что я походила по этим улицам, подышала этим воздухом. Я увидела, что этот город – такой пролетарский, известный как один из плацдармов русской революции, город Иваново-Вознесенских ткачей – сегодня весь в восстановленных церквях! Невероятное количество действующих отремонтированных церквей: солидных, вместительных, построенных с истинно купеческим размахом!

Они всем своим видом как будто протестуют против современного названия – Иваново – и почти «кричат» о старом Иваново-Вознесенске! Что было в этих храмах в 1940-е годы, когда здесь жили Кулаковы? Складские помещения? Дома пионеров? О чем думал молодой Михаил Кулаков, студент художественного училища, проходя мимо этих молчаливых свидетельств русской религиозности? Изображал ли он, как его учитель Данилевский, на своих студенческих работах эти разрушенные символы былого величия своего города?

Я еще и еще раз задавала себе вопрос – действительно ли Михаил Петрович не выбирал свой жизненный путь и для него все было предопределено? И поняла, что это не так, или не совсем так. Здесь, в Иваново-Вознесенске, Михаил Петрович круто изменил свою судьбу. В 19 лет, будучи по сегодняшним меркам совсем мальчиком, он совершенно сознательно поменял свои жизненные цели. А Иваново, видимо, стало новой точкой отсчета. И для Михаила Петровича, и для его семьи, и для его церкви. А его младший брат Виктор, тоже будущий художник, устав от постоянных преследований семьи, поняв, что они в очередной раз попали под прицел КГБ, уехал учиться в другой город, а через несколько лет и вовсе ушел из семьи... Это был другой выбор, тоже, наверное, непростой...

Из беседы с Д. Д. Кулаковым, племянником М. П. Кулакова Декабрь 2011 года, Москва

Я нашла в Иваново личное дело на Виктора Петровича, младшего брата Михаила Петровича, которое свидетельствует о том, что Виктор учился в том же училище, не закончил его и перевелся в Нижний Новгород.

Никто ничего не помнит о его переводе в Нижний Новгород. Но в один прекрасный день он просто исчез. Погиб где-то? Или сам решил скрыться от всех? Записок он не оставил, но было понятно, что он готовился к тому, чтобы исчезнуть. Однозначно было понятно только то, что человек не выдержал давления государственной машины, которая раздавливала личность, психику, вообще все выдавливала в верующем человеке. Сейчас это трудно представить, но он и все другие члены семьи постоянно подвергались позору: все отсидки его отца, двух старших братьев, это на него очень влияло. Все видели, что в нем шла какая-то очень сильная духовная борьба. Он не мог себя идентифицировать, не мог четко сам понять – что ему нужно. Были в нем какая-то скрытность, отчужденность. Скорее всего, что с ним что-то произошло, какой-то духовный надлом, поэтому он и ушел. Ушел прежде всего от Бога. Он понимал, что этим разорвет сердце матери и отцу. Наверное, он понимал, что лучше всего совсем уйти из их жизни, куда-то уехать, сменить фамилию... Конечно, сейчас мало кто что-то может помнить, так как это события 50-летней давности. С 1957 года семья жила в Баку. На тот момент мой отец (Давид Петрович, самый младший из братьев Кулаковых) вспоминает о своем брате как о духовном и мыслящем человеке. В августе 1962 года Виктор выехал из Баку, и в выписном свидетельстве указал Ставрополь. Он сказал отцу и матери, что выезжает на некоторое время – отдохнуть, или найти для себя что-то более интересное. И с этого момента родители ничего о нем не знали. И остальные родственники ничего не знают по сегодняшний день.

Вы пытались его как-то искать?

Пытались. Но через какое-то время, отец его, мой дед Петр Степанович Кулаков, нашел нотариально заверенный документ в письменном столе, в котором он полдома, которые были на него оформлены, завещает своим родителям. Мой отец в 1964 году пытался через угрозыск его разыскивать, подавал заявление, но это ни к чему конкретному не привело. Потом я узнал, что мой двоюродный брат Михаил тоже вроде бы его пытался разыскать. Тоже никаких результатов это не дало. У отца осколочно, отрывочно сложилась информация, что тогда, в 1962 году было очень сложно во взаимоотношениях с властями, и он говорил родителям, что кто-то как-то пытается вроде бы на него давление оказать, со стороны органов КГБ. Может быть, даже, склонить его к сотрудничеству, на что он, естественно, не мог пойти. Но поскольку, он был мягким и тихим человеком, он, видимо, такой вариант и избрал: просто оторваться от родителей, чтобы как-то обезопасить и родственников, и себя от этого давления. Мама вспоминает, что по натуре он был одиночка, ни с кем особенно не общался. Ну а насколько он был глубоко верующим, это только Бог может знать.

А как к этому относился Михаил Петрович? Может быть, он что-то говорил, что-то предпринимал.

Всю жизнь он переживал по поводу Виктора страшно! Как-то раз они с Анной Ивановой по радио слушали концерт по заявкам и вдруг услышали, что Виктор Петрович Кулаков какую-то заявку сделал. И они обрадовались, написали на радио, пытались что-то узнать. Но оказалось, что это не тот Виктор Петрович...

* * *

В начале 2012 года я сделала последнюю попытку – собрала всю имеющуюся информацию о Викторе Петровиче Кулакове и обратилась в Детективное агентство, которое специализируется на поиске людей. Следов Виктора Петровича ни на территории России, ни на территории других стран СНГ не обнаружено. Видимо, все это навсегда останется тайной....

Беседа тринадцатая (продолжение) Поселок Заокский, июль 2007 года

Михаил Петрович, вам не хочется сейчас живописью заняться?

Теперь я уже не художник, конечно. Для этого ведь нужно постоянно заниматься, это уже ушло. Я мечтал всю жизнь о том, что в старости буду ходить с этюдником и писать русскую природу! Да, это моя мечта. Но я занят сейчас настолько, что каждой минутой дорожу. Моя самая маленькая внучка интересуется живописью, и родители ее хотят, чтобы я ее учил, и я с ней сделал несколько работ.

Мне кажется, если бы вы сейчас начали заниматься живописью, вы могли бы сделать что-то очень значительное...

Кстати, в лагере я все-таки занимался живописью. Так скажем – я был придворным живописцем у воров в законе. Обычно я был на общих работах. Но у меня были краски, и эти воры меня от работы иногда освобождали. Возможности фотографироваться там не было, а им хотелось запечатлеть свои лица и отослать родственникам. Через вольнонаемных можно было портрет отправить. Так что мне пришлось написать портреты некоторых уголовников, которые там всем заправляли. Это такая верхушка, которую начальство использует, чтобы управлять заключенными, они как-то кооперируются в лагере с начальством. Поэтому врач освобождал меня от работы, чтобы я написал портрет какого-нибудь бандита...

Очень жаль, что сейчас вы не пишете...

Вот в вечности, в царстве Божиим, у нас времени будет предостаточно, и там я буду заниматься живописью. Мы иногда мечтаем с Анной Ивановной, что будем вместе ходить на этюды, писать картины...

* * *

Да, духовный путь он не выбирал. Да, служение в церкви стало для него более важным делом, чем служение человечеству через искусство. А может быть, он так понимал свой долг перед церковью и перед обществом и смог приказать себе... Ведь не разрешил же он своему старшему сыну Павлу, идущему по его стопам, поступить в художественную академию. Кто знает, не потерял ли мир в лице Михаила Петровича великого художника? И кто, в конечном итоге, более значим – художник или церковный лидер? А Михаил Петрович был больше, чем просто лидер – он был пастором, священнослужителем, идеям которого и сегодня, после его ухода, хочется следовать. «По плодам узнаете»...

Но не случайно же он постоянно возвращался к мысли, что на склоне лет будет ходить с этюдником... Несомненно, тот выбор, который сейчас представляется безусловным и естественным, был для него выбором очень непростым. Это была жертва – и жертва во имя Бога и церкви. Художник отказался от творчества, от постижения мира через художественные образы. Человек отказался от спокойной обеспеченной жизни. И выбрал жизнь, где его ожидали гонения со стороны властей, неприятие со стороны общества, тюрьма, ссылка, бытовая неустроенность, бедность и даже непонимание со стороны единоверцев... Но в душе осталось, не могло не остаться стремление к творчеству. Недаром же в проповедях он часто приводил примеры из своего художественного прошлого – мы все слышали это! Подтверждение своим догадкам я неожиданно нашла в письме старшего сына Михаила Петровича – Павла Кулакова.

Январь 2010 года.

Из письма Павла Кулакова

Ты спрашиваешь, был ли выбор, который отец сделал в жизни, вынужденным? Скорее всего, да. Мы его, конечно, спрашивали, кем он хотел быть в детстве. Он говорил, что мечтал быть кондуктором трамвая и пожарником... Но это все, конечно, детские мечты. Вообще он по природе своей не администратор. Это – не его натура и не его стихия, он был очень мягкий человек, с большим уважением относился к людям, никогда не ставил себя выше другого человека. Поэтому на могильной плите мы не указали никаких его административных должностей (Михаил Петрович покоится на Гленвудском историческом кладбище в Вашингтоне). Там просто написано: «Бывший узник совести ГУЛАГА, известный русский правозащитник, переводчик Библии на современный русский язык»...

Мы сознательно не написали, что он был руководителем церкви адвентистов, потому что это не было самым главным в его жизни. У него никогда не было стремления управлять и руководить людьми. Он был выдвинут в духовные лидеры, потому что был самым ярким, самым просвещенным, самым одаренным и дальновидным из тех людей, которые окружали его. Он обладал удивительной способностью проникновенно говорить на очень красивом и правильном русском языке. Его проповедями заслушивались и в многочисленных немецких общинах, где он с той же харизматичностью и искренностью вещал на литературном немецком. Его проповеди всегда отличались глубиной, он знал древние библейские языки и, конечно, английский язык, что открывало возможности для связи с всемирной церковью.

Все это не могло остаться незамеченным, люди видели его выдающиеся способности и выдвигали его на различные руководящие посты, включая и должность руководителя церкви в СССР. Он воспринимал это как Богом на него возложенную миссию и нес эту ношу, этот тяжелый крест. Он был тем мудрым капитаном, которому удалось провести огромный «корабль» – церковь – между рифами. Многие относились к Михаилу Петровичу с большой любовью, но были и те, кто его ненавидел...

Он всегда всецело отдавался делу, которым занимался. Вот поэтому он и был выдвинут на руководящую должность, но это никогда не было целью его жизни. Когда у него появилась возможность заняться любимым делом, он добровольно сложил с себя полномочия администратора и стал заниматься тем, что действительно его вдохновляло, что он любил и что хотел делать всю свою жизнь – переводить Библию на современный русский язык.

Я находился в самом эпицентре его работы, был в курсе всех его переживаний и дел, поскольку жил в Москве, и он останавливался у нас, когда сюда приезжал. Его очень многое разочаровывало в людях, огорчало. Время было очень сложное: постоянное давление со стороны властей, а с другой стороны, междоусобные разногласия, вызванные расколом церкви. Ему приходилось это все склеивать, мирить, крепить, создавать, направлять. Эта огромная работа и ответственность забирали все его силы и время. И именно благодаря ему адвентистская церковь – единственная протестантская церковь на территории бывшего СССР – сумела объединиться после раскола и лихолетья.

Ни баптисты, ни пятидесятники, ни другие, которые были тоже расколоты в советские годы, по-прежнему не объединены. В этом я вижу

прямую заслугу отца, и это останется навсегда в истории. Он сумел объединить очень разных людей, которые говорили: «Мы никогда не будем вместе». Объединение верующих в одну официальную организацию – одна из его величайших заслуг как администратора. Вторая его величайшая заслуга как лидера церкви, ее руководителя: он сумел представить нашу церковь обществу как церковь с человеческим лицом. О нашей церкви стали говорить, на нее стали обращать внимание, видели в адвентистах серьезных, думающих, интеллигентных людей, заботящихся об обществе. Его заслуга в этом колоссальнейшая!

А вообще после окончания перевода Библии на русский язык он собирался заниматься живописью и играть на скрипке. Его скрипка у меня, я ее отреставрировал, и мне хочется, чтобы она звучала. Я тоже немного играю на скрипке...

Он ведь был одаренным живописцем и собирался стать художником. Но в его жизни получилось так же, как и в моей. Я тоже не собирался быть пастором, служителем церкви, это не входило в мои планы, я хотел быть художником, закончил художественное училище в Алма-Ате, и, как и отец, планировал поступать в художественную академию. Но отец меня остановил, сказав, что художников много, а пасторов и служителей не достает. Он меня пригласил – и я пошел работать в церковь... Думаю, нечто подобное произошло и с моим отцом, когда он увидел: мой дед, его отец, арестован, церковь обезглавлена, люди брошены. Вот тогда он и поменял свои жизненные планы.

Беседа четырнадцатая Поселок Заокский, июль 2007 года

Михаил Петрович, существует ли такое понятие – русский адвентизм? Или русский протестантизм?

Это тема очень сложная, даже скользкая... Мне представляется, что в каждом обществе любая религия несколько модифицируется с учетом национальных корней и традиций. Поэтому адвентизм в каждой стране приобретает определенную окраску, во всяком случае, должен приобретать, чтобы проникнуть в широкие слои общества. Мы должны с этим считаться. Это, собственно, принцип апостола Павла, и в последние годы в адвентизме об этом много думают и говорят, появляются исследования на тему о контекстуализации нашей деятельности. Потому что церковь начинает понимать, что без тесной связи с историей и культурой страны сделать для этой страны что-то хорошее невозможно. Павел говорит, что *для всех я был всем: для иудеев я был как иудей, для елинов как елин, для не имеющих закона как не имеющий закона*. Таким должен быть принцип евангельских работников. Но и тех, кто стоит на страже чистоты веры, тоже нельзя осуждать. Если бы их не было, все было бы размыто. Они считают, что у нас есть уникальные, особые доктрины, и мы их должны исповедовать, адвентизм должен быть везде одним и тем же, то есть не может быть русского адвентизма, французского, японского, потому что это одна церковь...

Мне кажется, мы должны найти разумный баланс между этими двумя позициями, чтобы не размывать то, что нам Богом доверено, и в то же время выполнить свою миссию. Чтобы не повторить путь израильского народа, который, восприняв данные Богом откровения, отгородился стеной от всех остальных народов и не сделал того, что от него ожидалось. Тут должен быть найден баланс. Это очень актуальный вопрос, и этот вопрос пока остается открытым.

Но это актуально, наверное, только для России...

О, нет, для любого народа это актуально. Для Великобритании, например, которая сейчас населена людьми многих национальностей, и настоящих британцев в процентном отношении не так уж много. Эти явления наблюдаются всюду. Церкви нужно искать эти пути. Если быть действительно *солью для земли и светом для мира*, то нужно знать и этот мир, и землю, на которой мы живем, нужно быть ближе к ней.

А без этого адвентизм остается американской религией...

Да, это пока американская религия. Церкви нужно сотрудничество, развитие контактов, открытость, чтобы можно было вести диалог. Уметь слушать, именно слушать, и честно говорить о том, что есть. И люди нужны! Когда мы проводили совещания по вопросу религиозной свободы, я видел, как много хороших, открытых людей в России. Были очень светлые люди из нашей российской интеллигенции, с которыми надо было бы сотрудничать, и в средствах массовой информации были люди, которые могли бы работать с нами, если бы мы не потеряли связи с ними. У нас были открытые возможности...

Меня всегда удивляло, почему после революции Россия – богобоязненная и православная – так легко отказалась от своих духовных идеалов. Казалось бы, за плечами столько веков православной традиции, а дети и внуки тех людей, которые ходили в церковь, сшибали кресты, рубили иконы...

Да, ужасно... По всей стране я видел разрушенные храмы. Когда мы искали место для нашей семинарии, присмотрели возле Тулы совсем разрушенную церковь. Когда мы с Михаилом пошли осматривать ее, к нам подошли люди, живущие неподалеку, и сказали, что хотят восстанавливать здесь православную церковь. Они нам как раз и рассказали, что их родители иконы из церкви выбрасывали, ломали, топтали. Места там сырые, пройти трудно

– так они клали иконы на дорогу и по ним ходили. Прямо по иконам! Вся Россия такое пережила. А причины этому – человеческие. Те, кто должны были окормлять духовно общество, не делали это должным образом. Упустили... И поэтому безбожие такое оголтелое выросло на теле народа русского.

* * *

Несколько лет назад я нашла в Ярославской области, в 7 км от города Тутаева (бывшего Романово-Борисоглебска), остатки храма, где служил мой пра-пра-прадед протоиерей Алексей Казанский. У меня сохранилась только фотография этого храма и подпись под ней – Рождество-на-Эдоме. Эдома – это небольшая река, впадающая в Волгу. Мне иногда кажется, что в этом названии содержится исковерканное Библейское названия рая – Эдема. Во всяком случае, если судить по сохранившимся в семье фотографиям, местечко было совершенно райским. Кому это все помешало? Почему было разрушено? Сейчас от этого рая земного сохранились только заросший бурьяном и деревьями фундамент храма и церковное кладбище.

Мы с мужем бродили среди полуразрушенных старинных памятников и искали могилу моего прадеда, слушая рассказы Зои Александровны Поповой, местной жительницы, которая рядом с этим храмом выросла и помнит его еще не разрушенным. От ее рассказов холод в душе прорастал... После закрытия церкви в конце 1920-х годов из храмовых икон для местных начальников делали мебель – полки и табуретки. Из больших икон, вынутых из иконостаса – мостки через речку, и по ним ходили люди, ранее целовавшие эти иконы... В помещении храма был то ли склад, то ли зернохранилище. Уничтожили храм уже после смерти Сталина, в 1956 году. И молодая тогда Зоя, возвращаясь из Рыбинска, где она училась, однажды не увидела своего любимого белого храма с колокольней на высоком холме. Оказалось, что за несколько дней до ее возвращения его взорвали. Местные жители разобрали храмовые кирпичи, складывали из них печи в домах, построили коровник в колхозе. В первую же зиму семьи, сложившие себе печи из этих кирпичей, угорели насмерть, а коровы погибли от неизвестной болезни...

А много лет спустя, уже в 1990-х годах, переехав из Рыбинска под Тутаев, Зоя Александровна решила восстановить храм, возле которого прошло ее детство. Ей, бывшей комсомолке и атеистке, сожалеющей о храме не как о предмете религиозного культа, а просто как о красивом, вписанном в местность строении, было видение – над местом взорванного храма ей явилась Божья Матерь и повелела этот храм восстановить. Но к тому времени фундамент храма едва проглядывал из земли, на нем за 40 лет выросли высокие деревья, а под алтарем, вернее, под тем, что от него осталось, хоронили алкоголиков и самоубийц. По какому-то дикому поверью считалось, что души похороненных таким образом людей попадают сразу на небеса. Видимо, родственники умерших пытались уготовить им место в раю...

Местные церковные власти по этой причине сочли место оскверненным и не благословили восстановление храма на прежнем месте. Но Зою Александровну это не остановило. Она решила строить новый храм в двух километрах от прежнего. Сама добивалась разрешения от местных властей, сама выбирала место под строительство и оформляла землю, сама искала деньги, находила в Москве спонсоров. Однажды, уже совсем отчаявшись, пришла в небольшой московский банк и попросила охранников пропустить ее к начальству. Чудо произошло – в тот же день она получила первую сумму на строительство от незнакомого человека, директора этого банка, который увидел ее первый раз в жизни, но почему-то поверил в ее искренность. Были во время строительства и другие чудесные случаи, многие люди внесли свою лепту в строительство нового храма...

Сейчас храм вновь стоит у дороги из Рыбинска на Тутаев – только на другой стороне холма. Тот, первый храм, был высокий и белоснежный. Новый – небольшой, из красного кирпича. Но носит он прежнее имя – Рождество-на-Эдоме... Совершенно райское место!

Беседа пятнадцатая **Поселок Заокский, июль 2007 года**

Интересно, как немногочисленные адвентистские общины, которые существовали в России в 1917 году, приняли революцию?

Есть официальные документы, где зафиксировано, что руководство церкви приветствовало революцию. Есть приветственный адрес советскому правительству на имя Ленина, он хранится в архивах. Там сказано: самодержавие, которое преследовало в России верующих людей, особенно протестантов, наконец-то свергнуто, и пришла власть, которая дала нам полную свободу.

Именно это время иногда называют «золотым веком» адвентизма?

Да, он продолжался 10 лет – с 1917 по 1927 год.

Вы хотите сказать, что в то время, когда верующих православных преследовали, монастыри и церкви закрывали, протестантов не трогали?

Я думаю, что преследовали и тех и других в определенной мере. Например, в начале 1920-х годов был арестован один из видных адвентистских руководителей, его долго держали в тюрьме. Адвентисты, как и все протестанты, сначала приняли новую власть, потому что у них были проблемы с прежней. А в 1928 году партия изменила свой курс. Расскажу случай из жизни моего дяди Александра Михайловича Демидова, который был редактором адвентистского журнала «Голос истины». Он подготовил последний номер и в начале 1928 года отнес его в типографию. Ждал выхода журнала неделю, вторую, месяц... Потом пошел к директору типографии и спросил, в чем дело. Директор сидел за столом, перед ним стоял стакан чая, в который он клал кусочки сахара, и ложкой размешивал. Он сказал: «Ваш журнал больше издаваться не будет, было заседание партийного руководства, на котором рассматривался вопрос об отношении коммунистической партии к церкви. И было признано, что религия скоро сама по себе отомрет – растает, как сахар в этом стакане. Но чтобы процесс ускорить, я, видите, чайную ложечку использую. И вам впредь уже не придется издавать ваш журнал ни здесь, ни в другой типографии». Все стало ясно. В 1930 году моего дядю, бывшего редактора журнала, арестовали. И он 25 лет провел в лагерях, а потом еще пять в ссылке в Норильске.

Какие самые яркие личности в церкви времен СССР оказали влияние на вас и способствовали сохранению адвентистской церкви?

Прежде всего хочется вспомнить Григория Андреевича Григорьева, он помог моему становлению как служителя. Это очень интересная личность, хотя из простой среды. Его мать была молдаванка, отец русский. Он принял адвентизм еще в конце позапрошлого века, проповедовал и был гоним в царское время. Он стал одним из первых адвентистских служителей в России. В царское время был много раз арестован за веру, дважды был в ссылке в Сибири. Он был очень добрым, очень мудрым человеком. Христианином до мозга костей. Очень любил людей, и люди его очень любили. Я часто приезжал в Москву во время войны, пока учился в Иваново, чтобы писать копии в Третьяковской галерее, и ночевал у Григорьева. Я видел, какие стопки писем лежали у него на столе. Люди со всей страны ему писали, а он каждому отвечал. Очень любил читать русскую классику (этим он отличался от многих адвентистских проповедников), поэзию, любил русских поэтов – Кольцова, Никитина. Сам писал стихи, тексты для псалмов. Как-то сборник своих стихов отнес в издательство. Когда пришел узнать о судьбе стихов, ему сказали, что все неплохо, но ему бы надо поучиться у Маяковского. Он, сетуя, мне говорил: «Кольцова же никто не посылал учиться у Маяковского. А меня посылают». Он оказал на меня сильное влияние, хотя не все в церкви относились к нему однозначно.

Из статьи М.П.Кулакова «Церковь и меч государства» Журнал «Liberty», 1994 год

По сведениям, которые я получил от брата Григорьева, около 3000 членов нашей церкви подверглись репрессиям в недоброй памяти 1930-е годы. Некоторые из них были отправлены в трудовые лагеря, иные сосланы в Сибирь. 150 проповедников, которых церковь имела к тому времени, оказались арестованными, за исключением двух человек. Одним из них был Григорьев.

У некоторых это вызывало вопрос: «Не пошел ли брат Григорьев на сделку со своей совестью? Не стал ли он тайным сотрудником органов безопасности?». Мое близкое знакомство с этим тогда уже пожилым подвижником дела Евангелия давало мне полную уверенность в его честности. Многим адвентистам было хорошо известно, что этот человек не страшился тюремных камер. За свою проповедническую деятельность он еще до революции подвергался многократным арестам. Дважды его заковывали в кандалы и вместе с другими узниками гнали пешком в сибирскую ссылку. Преследования, направленные против него лично, нимало не страшили его. Как настоящий христианин, он готов был переносить мужественно и даже с радостью любые трудности и испытания, встречавшиеся на его пути.

В 1930-е годы перед Г.А.Григорьевым, как и перед многими другими служителями церкви, встал безнадежный, казалось, вопрос: можно ли, не поступаясь своей совестью, не нанося никому ущерба, пойти на установление деловых отношений с органами власти, которые фактически контролировали всю деятельность церкви и по известным соображениям оставались в тени? Кто-то должен был заботиться о разбитых, оставшихся без пастырей общинах, помогать семьям заключенных проповедников и активных членов церкви и хотя бы негромко предупреждать неопытных верующих о представляющих для них опасность доносчиках. Я убежден в том, что Само Провидение подсказало брату Григорьеву трудный, но правильный ответ. Конечно же, судить об этом я могу только по тому, что видел своими глазами и слышал своими ушами. Мое свидетельство о нем могли бы подтвердить сотни тех, кто хорошо знал этого необыкновенно доброго, скромного и беззаветно преданного делу Христа подвижника.

С 1936 по 1952 годы Г.А.Григорьев был одновременно пастором Московской общины адвентистов и председателем Всероссийского совета адвентистов седьмого дня (ВСАСД). Его небольшая однокомнатная квартира на ул. Дурова была во многих отношениях уникальной. Это было и место проживания для него с супругой, и канцелярия ВСАСД, и столовая, и гостиница для всех приезжающих в Москву и проезжающих через нее адвентистов. Трудно поверить, но все это размещалось в комнате не более 12 квадратных метров! Просто души у этих стариков были добрые, и они очень любили людей, особенно единоверцев. Мне не раз приходилось ночевать в этой комнате вместе с гостеприимными хозяевами. Стоявший посреди комнаты стол был одновременно и канцелярским, и обеденным. На нем всегда лежала груда писем. Писали ему со всех концов страны, делясь радостями и горестями, обращаясь с просьбами о советах, утешении и помощи. На каждое письмо он лично давал обстоятельный ответ.

Григорьев любил читать Библию и, как мне казалось, знал ее наизусть. Особенно он любил Псалтырь. Псалмы он читал выразительно и очень красиво толковал их. Другой любовью Григорьева были русская поэзия и история. Он не уставал восхищаться великим князем Александром Невским и почитал его не столько за выдающиеся успехи в сражениях, сколько за мудрость и дальновидность, проявленные в трудных отношениях с татарскими ханами. При этом он всегда подчеркивал то обстоятельство, что великий князь, понимая бессмысленность военных столкновений с татарами и щадя жизнь россиян, своей умелой

дипломатией способствовал предотвращению разорительных нашествий татар на Русь и для этого сам не раз ходил в ставку Золотой Орды, чтобы рассеивать опасения ханов относительно намерений русских княжеств и отстаивать интересы последних. В связи с этим Григорьев говорил в кругу преданных друзей, что в действиях Александра Невского пасторы, поставленные Богом блюсти церковь и защищать ее от внешних и внутренних врагов, могут найти полезные для себя уроки.

Беседа пятнадцатая (продолжение) Поселок Заокский, июль 2007 года

Михаил Петрович, советская власть преследовала не только протестантов...

Все мы были в одинаковом положении – и протестанты, и православные. Другое дело, что руководство православной церкви сумело добиться для себя некоторых, хотя и очень ограниченных, преимуществ. Священники ходили с отчетами в Совет по делам религии. Ни один православный священник не мог совершать служение, если он не получил официальный документ о регистрации от органов власти. Регистрация эта шла очень выборочно, все согласовывалось с органами безопасности. Справку давали ему как служителю церкви в определенном приходе, а при нарушении закона о религиозных культах от 1929 года справка эта могла быть у него отобрана. И тогда он должен был искать работу, потому что иначе его сочли бы тунеядцем. Я по той же причине тоже должен был где-то работать.

То есть служение в церкви никак не оплачивалось?

Совершенно нет, хотя могло бы оплачиваться, организация к 1960 году была создана, были общины, шел сбор средств в церковную казну. Но мы не были зарегистрированы, а раз государство нас не признавало, значит, как служащий я не мог получать никакого содержания от церкви. То есть я был в положении тунеядца, которого государственные органы могли привлечь по соответствующей статье. Поэтому мне надо было где-то работать. И наиболее удобной была работа фотографа, лучше всего разъездного. Надо было устроиться на так называемый быткомбинат, и сдавать туда месячный план. Это было не слишком тяжело. Но органы за нами следили и сообщали на работу, что, мол, такой-то фактически занимается религиозной деятельностью.

Когда я работал в быткомбинате города Иссык километрах в 50 от Алма-Аты, как-то я приехал туда с отчетом, а секретарь парторганизации, он же и начальник отдела кадров, пригласил меня к себе и сделал мне выговор: «Когда мы вас принимали на работу, мы думали, что вы тут нам пример вежливости и культуры поведения покажете. А у вас оказывается библейская вежливость! Я вам скажу как коммунист – год-два, и с религией будет покончено. Пишите заявление об увольнении, нам такой фотограф не нужен!». Уволить они меня не могли, причин не было, и я написал заявление по собственному желанию. Этот начальник фактически транслировал идею, которую высказал Никита Сергеевич Хрущев, который со свойственной ему экзальтированностью говорил, что с религией очень скоро будет покончено, что это пережиток старого времени, который мешает советским людям строить светлое будущее.

А было ли тогда межконфессиональное и межрелигиозное общение?

Встречи религиозных деятелей проходили тогда фактически по инициативе партийных органов, которые считали нужным поддерживать межрелигиозное общение. Так было легче держать нас под контролем.

В 1977 году я впервые был приглашен на такую встречу в московскую патриархию, где проходила общая экуменическая молитва. Эти молитвы регулярно проводились по инициативе якобы православной церкви, но фактически это диктовалось сверху, и на такие молитвы приглашались руководители других конфессий. Конечно, больше всего там было православных служителей: митрополиты, епископы, архиепископы. Там был Шаевич, руководитель иудейской общины, были деятели баптистские, например Бычков. Был епископ Боровой, который жил в Женеве и состоял в международном экуменическом совете, очень культурный и мудрый человек. Он в Женеве встречался со многими протестантскими деятелями, и когда я с ним познакомился, он сказал, что мы даже не предполагали, что в России есть адвентисты! Так что это была очень интересная встреча, за которую потом некоторые братья меня

корили. И когда в 1978 году в Москву приехал президент генеральной конференции Роберт Пирсон, ему сообщили, что Кулаков молился вместе с православными и представителями других религий. Но Пирсон как человек просвещенный и мудрый сказал: если у брата Кулакова других грехов больше нет, тогда ему прямая дорога на небо. И так улыбнулся выразительно... Ему было смешно слышать, в чем меня здесь упрекали некоторые братья.

Из беседы с Петром Кулаковым Москва, октябрь 2010 года

Петя, скажи, менялись ли взгляды Михаила Петровича со временем или, может быть, под влиянием обстоятельств?

В том, как папа нас воспитывал, можно проследить динамику его личностного роста и развития. Сначала в его понимании Бог – это строгий, требовательный судья, который внимательно следит за тем, чтобы все вели себя правильно. Это проецировалось на его отношение к нам, детям. Он не позволял себе расслабиться рядом с нами, и требования его были довольно жесткие. Я помню, как он меня довольно серьезно наказал ремнем.

А за что, Петя?

За непослушание (*смеется*). Они с мамой в воскресенье пошли на вечернее богослужение, я остался дома, и мне было сказано, что до их возвращения никого домой пускать нельзя. Мне было лет 8–9 тогда, и у меня были друзья, одного я пустил домой, а другого оставил за калиткой. Тот, который остался на улице, разозлился, взял камень, кинул в окно и разбил его. Папа с мамой пришли, увидели разбитое окно, спросили меня, что произошло. Я им все рассказал. Я послушался, значит, должен был получить наказание, и я надолго это запомнил. Это единственный случай, когда я был больно и серьезно наказан. Но я помню, что меня наказывали не со зла, не в гневе. Это было осмысленное наказание, перед этим был разговор, объяснение: я тебя должен наказать, чтобы ты понял, что нельзя так поступать. Я считаю, что папино достоинство было в том, что это происходило не под горячую руку. И после этого он не сердился на нас, даже чувствовал свою вину за то, что вынужден был сделать. И он пытался показать, что любит нас, что он все равно отец наш.

Потом к нему пришло более широкое понимание характера Божьего, что Господь наш не требовательный судья, а милостивый Спаситель. Этот евангельский аспект сильно изменил его, он стал другим человеком. Это было в конце 1970-х годов. Он стал по-другому к людям относиться, к семье, к детям, и в этом отношении было больше понимания, прощения, снисхождения. И мы, конечно, этому радовались.

Как ты считаешь, с чем это связано?

Дело в том, что адвентизм пришел в Россию из Германии, и он пришел в интерпретации нескольких служителей, которые видели лишь одну сторону Бога – требовательного судьи. Это был один из кренов адвентистской теологии. А когда папа первый раз в 1970 году поехал за границу, он встретился с людьми из адвентистской церкви, проповедующими подлинное Евангелие, и это для него стало колоссальным открытием. Как будто он внезапно открыл, что Земля – не центр Вселенной! Это для него была настоящая революция сознания, и он жадно стал впитывать эти знания и новое понимание слова Божьего. Именно это понимание природы евангельской благодати и повлияло на него. Он почувствовал, что между человеком и Богом должны быть другие отношения, и это не могло не отразиться и на его отношении к другим людям, к нам, детям. Мы стали чувствовать больше его тепла и любви, меньше строгости и непреклонности. Как будто он понял, что мы все – люди, и мы все можем ошибаться, у нас есть слабости – такова природа человека.

Мне Михаил Петрович всегда казался очень цельной личностью, человеком, у которого не было сомнений, который шел по однажды выбранному пути...

Нет-нет. Он менялся, он готов был учиться, и он был очень открытым. Если он видел что-то новое или вдруг понимал то, чего раньше не понимал, он был готов менять свою точку зрения.

Март 2010 года.

Из письма Михаила Кулакова

Ты знаешь папу, и знаешь, что он очень приватный человек. Он мне рассказывал, что у него непросто складывались отношения с его папой и мамой в детстве и юности. Родители очень его любили, но не были научены, как проявлять ласку и любовь. И это сказалось на его воспитании.

Папа часто бывал в разъездах, и его не бывало дома. А нас было много, маме было нелегко. Она очень уставала, могла и немного сорваться. Тогда я убежал на улицу, залезал на подоконник, открывал форточку и кричал: христианские матери никогда бы такого не сказали! Если Маша ее огорчала или Павлик, она говорила: «Иди, деточка, встань в угол», они упорно стояли и прощения не просили. А я начинал просить прощение сразу. Становился в угол и начинал ей кричать оттуда: «Пожалуйста, пожалуйста, больше не буду, ну, можно я выйду?». И не давал ей никакого покоя. Тогда мама говорила: папа придет, он тебя накажет.

И когда папа приезжал, мне хотелось, чтобы он быстрее меня наказал. Но папа быстро ничего не делал – ему надо было как-то собраться, настроиться. А наказывать детей – это для него был очень мучительный процесс, и он всячески старался этого избежать, потому что чувствовал: он недостаточно времени проводит с детьми, а с детьми нужно строить долгие, глубокие отношения. Он порой приглашал меня к себе, закрывал дверь и долго расспрашивал о том, как у меня дела, что происходит у меня в жизни, в душе, рассказывал мне о том, как он меня любит. И если с моей стороны были неуважение к маме или вызов ее авторитету, то он переживал, как бы я не вырос неуважительным, непочтительным человеком.

Когда мне было лет 5–6, помню, папа меня наказал ремнем. Он долго мучился, прежде чем это сделать, и когда немножко меня побил, я закричал и стал плакать, он взял меня на руки и сам расплакался... Он попросил у меня прощение за то, что меня наказал, и сказал, что ему было бы лучше, чтобы его наказали. Потом прижал меня к себе и сказал, что он меня очень-очень сильно любит. Меня это так тронуло. Я знал, что он меня очень любит. Это никак не нарушило наших отношений.

Вспоминаю, как я забирался к папе на колени, прижимался к нему, когда был маленький... Как только он садился ужинать, я сразу – юрк к нему. И это было что-то такое необъяснимое, без слов. Мне так было с ним хорошо, я чувствовал какое-то внутреннее родство, и он был для меня колоссальнейшим авторитетом. Колоссальнейшим! Я вообще с детства считал его великим человеком! Я видел, как он штудировал иностранные языки. Когда мы жили в Казахстане, мама часто просила его обрезать или проредить виноградник. Но он не мог что-то делать физически, чтобы не стимулировать себя интеллектуально. Любое физическое занятие он понимал как долг перед семьей и очень тщательно все делал. Он мог целый день, например воскресенье, выделить на то, чтобы проредить весь виноградник. При этом он доставал проигрыватель и ставил пластинки с диалогами на английском языке или слушал радио. Он работал физически и параллельно загружал свое сознание. И всегда отвечал на мои провокационные вопросы, которыми я его мучил. Помню, спрашивал, возвращаясь из школы с уроков биологии, как примирить христианское

учение о происхождении мира и эволюционную теорию. Он очень открыто, осторожно и ответственно объяснял.

Он вывешивал на стенах списки слов, скажем, древнееврейские слова – и перевод на русский язык, или древнегреческие – и перевод на русский, или английские – и перевод на русский. Он сам учил языки, и мы с ним учили. Он покупал издававшиеся в Советском Союзе «Уроки английского языка для всех» с забавными простыми историями, читал их вслух и просил, чтобы мы повторяли. Был еще курс английского языка, который назывался «Говорите ли вы по-английски?», и более продвинутый «Повторяйте с нами».

У папы был друг в Чимкенте, который работал на книжном складе и регулярно привозил нам очень редкие книги. Для меня было большим событием, когда он принес однажды переводы трудов Бенджамина Франклина – академическое издание. Я там прочитал, что в обществе, где люди растут в атмосфере насилия, одна половина превращается в дураков, а другая – в лицемеров. Папа подчеркнул эту фразу.

Недавно я перечитал папины лагерные воспоминания о немецком генерале Густаве Ломбарте. Эта глава не опубликована нигде – ни в английском издании, ни в немецком. Папа рассказывал нам в детстве, как этот генерал помогал ему в лагере учить английский язык, а папа иногда делился с ним кусками мыла. Это может понять только человек, который пережил нечто подобное... Когда в ноябре 1977 года я прощался с папой на Курском вокзале перед отправкой в стройбат, папа процитировал мне слова Генриха Гейне: «Советую нашим потомкам рождаться с толстой кожей на спине, ибо из будущего на меня веет множеством побоев и страданий». Но мои воспоминания армейские не могут никак сравниться с переживаниями отца.

Я оказался в стройбате среди ребят, многие из которых даже читать не умели, а некоторые прошли и тюрьму. При этом я был полностью лишен связи с внешним миром, потерял возможность общаться с людьми мыслящими, поэтому отчаянно нуждался в чтении, в книгах, которые могли меня развивать. Тогда я очень хорошо понял тот страшный духовный голод, который папа, двадцатидвухлетний заключенный, испытывал в лагере. И какое наслаждение он получил, когда ему удалось прочитать «Фауста» и «Рейнеке-Лиса» Гёте. Это открыло для него целый мир, богатейший мир великого гения, и стало для папы утешением и вдохновением. Папа очень любил «Фауста», любил пролог о судьбе человека, написанный под впечатлением книги Иова о споре между Богом и Сатаной. Папа ценил в Гёте его широту, открытость, ему самому были чужды узко-религиозный фанатизм и догматизм. Он ценил все красивое в разных религиозных традициях. Папе очень дороги были слова Гёте о христианстве, хотя Гёте и не был в строгом смысле этого слова христианином, но он был свободным художником и мыслителем.

В эпоху оголтелого атеизма папа и другие церковные руководители от руки переписывали высказывания великих мыслителей о религии, Боге, христианстве. Среди тех цитат, которые папа собирал, была такая цитата из Гёте: «Я изучал Библию по принятому в протестантском религиозном воспитании обычаю, как говорится, и вдоль, и поперек, и по частям, и в целостности. Строгая естественность Ветхого Завета, нежная откровенность Нового привлекали меня в особенности. Библия не

возбуждала моего сомнения ни в чем, я настолько сроднился душою с этой книгой, что не мог когда-либо вновь отшатнуться от нее».

Рейнеке-Лис в советском лагере для политзаключенных Из книги М.П.Кулакова «Хотя бы обрушились небеса...»

Мог ли великий Иоганн Вольфганг Гёте когда-либо думать, что через сто лет после его смерти кто-то будет радоваться и испытывать душевное волнение, читая «Рейнеке-Лиса», «Эгмонта» и «Фауста» в советском лагере для политзаключенных?

Но это было. И об этом мой рассказ.

Наступил 1949 год. После шести месяцев следствия, проведенных в камере Ивановской тюрьмы МГБ, я оказался в одном из лагерей Мордовии. Первое, с чем встретился я там, было мучительное чувство голода. Молодой и здоровый организм мой, человека двадцати двух лет, требовал пищи. Ее жестоко не хватало. Тягостно удручающей была вся атмосфера. Нелегко было сознавать, что ты обречен на годы существования в зоне, обнесенной высоким забором с колючей проволокой, что свидания с родными тебе запрещены и что писать им ты можешь только два раза в год. И еще: пребывая постоянно в окружении таких же «зэков» (канцелярское сокращение слов «заключенный контингент»), никогда не расстаешься со своим одиночеством. На выданной в зоне одежде твой личный номер, из барака в столовую все ходят строем, а там вечная вонь от щей из протухшей капусты. Все это никак, конечно, не повышало настроения.

Однако и в этих обстоятельствах я не мог не заметить, что Бог постоянно заботится обо мне. Это обнаружило себя уже в том, что, в отличие от тысяч других заключенных нашего лагеря, я не сразу был отправлен на тяжелые физические работы. Лагерному начальству был нужен художник, и мне целый год суждено было работать по моей специальности. Общеизвестно, что сталинские лагеря для политзаключенных в угоду благопристойности назывались не просто «трудовыми», но непременно «исправительно-трудовыми». Для создания и поддержания иллюзии, что в советских местах лишения свободы людей не просто изолируют и эксплуатируют, но именно исправляют трудом, занимаются их образованием, организуют культурный отдых и «перевоспитывают» – «возвращают к нормальной жизни», в каждом лагере была своя КВЧ (культурно-воспитательная часть).

Так вот, в первый же день моего пребывания в лагере под названием «Пункт 10 Дубравлага» я был зачислен в художники при КВЧ. КВЧ ютилась в небольшом низком домике, находившемся в самом центре лагерной зоны, в окружении длинных барачков. Домик делился на две комнаты: первая – читальный зал (если то жалкое помещение можно было назвать залом); из него дверь вела в кабинет лейтенанта Девитайкина, начальника КВЧ, который появлялся на работе всего на несколько часов в день. Там, кроме его стола, был и мой, за которым я выполнял свои задания – писал всякого рода таблички и оформлял лагерную стенную газету. Лейтенант Девитайкин, несмотря на презрение к нам, подневольным обитателям лагеря, взял себе из числа заключенных еще и секретаря, пожилого еврея – Самуила Яковлевича Слуцкого. Мне и своему секретарю Девитайкин разрешал постоянно находиться в его кабинете, но при одном условии: никогда не приглашать туда никого из зэков.

В читальном зале КВЧ на двух небольших столах, сбитых из грубо остроганных досок, всегда лежали издаваемые коммунистической партией СССР газеты на русском языке и на языках других союзных республик. Сидя за работой в кабинете начальника, я мог наблюдать через полуоткрытую дверь, как пришедшие в читальный зал заключенные перелистывали газеты в поисках каких-либо сенсационных политических новостей. На лицах этих измученных голодом и тяжелой работой людей можно было прочесть страстное желание узнать что-

то новое о происходящем в мире. Порой они шепотом разговаривали между собой, и до меня доносились отдельные слова, из которых можно было понять, что их более всего интересовали международные события и речи зарубежных политиков. Некоторые посетители были людьми высокообразованными и хорошо разбирающимися в политике. Они умели читать, что называется, «между строк» и таким образом добывали интересовавшую их информацию даже из советских газет. Для многих узников лагерей было очевидным, что нам не видать свободы, пока в стране держится коммунистический режим. Поэтому ожидание войны, в которой пала бы советская власть и пришло освобождение для миллионов томящихся в изоляции людей, было очень заметно в зоне. Вот характерное свидетельство. Слова «война» и «весна» начинаются с одной буквы, и ударение у них на втором слоге. Мне довелось услышать в нашем лагере страшные слова, вырвавшиеся из уст одного из заключенных, украинского артиста: «О, скорей бы пришла, – пел он, но вместо слова «весна» с тяжким томлением выдохнул, – война!». Я и сейчас помню имя и фамилию этого замечательного певца-солиста, но пока не решусь назвать его.

Однажды мое внимание привлекла не совсем обычная пара посетителей читального зала КВЧ: один из вошедших был пожилой, седоволосый, небольшого роста еврей, а рядом с ним – высокий, с военной выправкой, тоже немолодой человек, речь которого сразу же выдала в нем немца. Они сели рядом на длинную деревянную лавку возле стола и начали читать газеты. Фактически читал один – пожилой еврей, читал или, вернее, переводил на немецкий язык быстро и без всяких запинок, как будто у него в руках была не русская, а немецкая газета. В тот же день я узнал у сидевшего со мной в кабинете Самуила Яковлевича любопытные подробности об этих «любителях» советских газет.

Оказалось, что пожилой еврей, знающий несколько иностранных языков, какое-то время работал личным переводчиком Сталина, а тот человек, с которым он регулярно приходил в КВЧ читать газеты, был военнопленным немецким генералом. Евреи в лагере недоумевали, как могло случиться, что переводчик Сталина, еврей по национальности, подружился с немецким генералом. На что переводчик всегда отвечал так: «Этот генерал не нацист и не фашист, он просто солдат, выполнявший свой воинский долг».

Позднее я узнал, что генерала зовут Густав Ломбарт и что до войны он был военным атташе при посольстве Германии в США. Из-за немолодого возраста его не выводили на работы за зону – он подметал дорожки между бараками. Через знакомых евреев мне стала известна и еще одна весьма интересная подробность о генерале: у него была книга на немецком языке, кажется, большой сборник произведений Гёте. Поскольку в лагере не было никакой литературы, мне захотелось непременно прочитать эту книгу. До лагеря я успел прочитать немало книг на немецком. Это были сочинения Елены Уайт (тогда доступные мне только в переводе на немецкий язык), толкования библейских пророчеств Конради и, конечно же, старинный библейский комментарий Ланге, которым я упивался перед своим арестом. К тому времени я прочитал и кое-что из немецкой классики и даже выучил наизусть «Лорелею» Генриха Гейне. То есть я мог читать по-немецки. Разговорной практики у меня не было никакой, но чтение в оригинале доставляло мне большое удовольствие. А тут такая возможность – прочитать Гёте на немецком языке! Ее нельзя было упустить.

Я стал ждать удобного случая, чтобы попросить у генерала на время его книгу. В конце концов мне это удалось. Расскажу, как это произошло, но прежде должен признаться читателю в одной своей слабости, с которой и по сей день не могу справиться. Неизвестно, откуда взялась она, но всю жизнь меня сопровождает тягостная застенчивость. Возможно, из-за того, что, воспитываясь в христианской семье, я с раннего детства был в положении изгоя в атеистической школе, как и в окружавшем меня мире – чуждом мире неверующих людей. К этому стоит прибавить и то, что родители мои, совершая служение в адвентистской церкви, постоянно общались с немецкими пасторами и администраторами церкви, у которых научи-

лись ценить дисциплину и порядок. Эту любовь к порядку, благоговение перед старшими и авторитетами мне прививали с пеленок. Конечно же, я благодарен за это своим родителям. В жизни мне это очень пригодилось. Но, возможно, в чем-то родители переусердствовали. Не знаю отчего, но мне всегда было тяжело начать разговор с незнакомым человеком, особенно если надо было обратиться к нему с просьбой. А тут вдруг я решил заговорить с немецким генералом, не имея никакого опыта разговорной речи на его родном языке.

Но вот случай представился. В кабинете начальника КВЧ никого, кроме меня, не было. Через дверь я увидел, что в читальный зал вошел генерал. Кроме постоянно дежурившего дневального, там уже сидели и читали газеты пять или шесть человек. Ломбарт пришел один, обычно сопровождавшего его переводчика-еврея в тот раз с ним не было. Генерал, ожидая, очевидно, когда придет его друг, сел у одного из столов. Я решился подойти к нему. Но мне не хотелось, конечно же, говорить с ним в присутствии посторонних, поэтому я отважился пригласить его к себе, постаравшись как можно правильнее сказать по-немецки: «Господин генерал, пройдите, пожалуйста, со мной в кабинет!». Не знаю, насколько хорошо прозвучало это на его родном языке, но генерал меня понял и охотно проследовал за мной. Оказавшись с ним наедине, я не успел и рта раскрыть, как к великому своему ужасу услышал в читальном зале до боли знакомую всем обитателям зоны команду дневального: «Вста-а-ать!!!». Меня как громом поразило: сейчас сюда войдет лейтенант Девитайкин и увидит, что я нарушил его приказ – привел в его кабинет постороннего «зэка».

Пусть не подумает читатель, что я боялся своего начальника. Вовсе нет. Смущение мое было велико, но вызвано было оно не страхом перед простым смертным, а сознанием того, что я, вопреки своему привычному желанию неукоснительно соблюдать порядок, оказался его нарушителем. Я нарушил святой для меня принцип, усвоенный, можно сказать, с молоком матери, – жить с чистой совестью перед Богом и людьми.

Войдя в кабинет, лейтенант поневоле задрал голову, чтобы рассмотреть стоявшего перед ним генерала, который был выше на две головы: «Кто такой? Что ты здесь делаешь?».

«Ich verstehe nicht Russisch»¹, – коротко отозвался генерал по-немецки. Девитайкин повернулся ко мне: «Почему он здесь?». Застигнутый врасплох, негодуя в душе на самого себя и готовый говорить только правду, я сказал то, что было у меня на уме: «У него есть книга на немецком языке, произведения Гёте, вот я и пригласил его сюда, чтобы попросить дать мне почитать эту книгу».

«Скажи ему, чтобы он сейчас же принес ее сюда», – раздраженно потребовал мой начальник. Я готов был сквозь землю провалиться, но, не видя никакого выхода из создавшегося положения, смиренно и покаянно перевел генералу слова начальника, добавив от себя: «Herr General, ich bedaure sehr diese Dummheit und bitte euch um Entschuldigung»².

Раздосадованный генерал ушел за книгой. Минут через десять он вернулся, но уже не один, с ним был его неизменный переводчик, старый еврей, имени которого я, к сожалению, не помню. Они принесли злополучную книгу и оба (на русском и немецком языках) безуспешно пытались объяснить начальнику культурно-воспитательной части, кто такой был Гёте, говорили наперебой, что в его трудах нет ничего антисоветского и что это известный всему миру классик. Их объяснения не произвели никакого впечатления на Девитайкина. Он забрал книгу, заявив, что ею займется цензор лагеря Князев.

У меня не было ни малейшей надежды, что книга когда-нибудь вернется к хозяину. Мне захотелось хоть как-то заглазить свою вину перед генералом, и потому я решил отдать ему самое ценное из того, что я получил в посылке от матери. Это были новые шерстяные носки, большой кусок хозяйственного мыла и пара головок чеснока. Я разыскал Ломбарта

¹ Я не понимаю русского языка (нем.).

² Господин генерал, я очень сожалею об этой глупости и прошу у вас прощения (нем.).

в одном из темных и битком набитых заключенными бараков. Он не отказался принять от меня «выкуп» за книгу, сказав при этом, что она была ему дорога. Он не получал из Германии посылок с продуктами и поэтому постоянно страдал от голода. Свою книгу генерал охотно давал почитать тем, кто хоть чем-то мог поделиться с ним – двумя-тремя, скажем, горстями какой-нибудь крупы, из которой можно было сварить кашу. Я еще раз попросил у него прощения. Ответ Ломбарта запомнился мне на всю жизнь. Как истинный дипломат, он сказал мне: «Я не сержусь на вас: виною всему обстоятельства, в которых мы все здесь оказались».

Прошло около двух месяцев. Начальник КВЧ понял, кажется, что доставил мне неприятность. Ему, видимо, не хотелось держать при себе художника, у которого могла быть на него обида. Однажды он довольно ясно намекнул мне: «Раз уж цензор Князев знает, что твоя мать прислала тебе в посылке масляные краски, было бы неплохо, чтобы ты написал маслом какую-нибудь картинку для него».

Начальнику не пришлось повторять. Вскоре в кабинете цензора появился пейзаж с березкой у реки (написан он был на фанерной крышке от посылочного ящика). Буквально на следующий же день Девицкий сказал, что Князев зовет меня к себе в кабинет, и пошел туда вместе со мной. И вот пришли мы к цензору. Князев сидел за столом, на котором я сразу же заметил изрядно потрепанный том Гёте. Кивком головы Князев пригласил нас сесть на старые, давно мечтающие о починке и покраске стулья у стола. Взяв книгу в руки, он спросил у меня: «Так ты говоришь, что это не зловредная книга?». Я понял, что он так и не разобрался, что за книга перед ним и кто ее автор. Я поспешил ответить утвердительно. Как мне помнится, та книга была издана задолго до войны и набрана была готическим шрифтом. Поэтому даже если Князев и учил когда-то немецкий по школьной программе, он, скорее всего, не смог бы в ней ничего понять. Но, наверное, желая показать Девицкому свою образованность, он стал листать книгу и пару раз произнес вслух немецкие слова, требуя от меня перевести их на русский язык. Мне было очень сложно уловить, что он говорит. Однако, видя его готовность отдать мне книгу и угадывая тщеславное стремление продемонстрировать серьезность, с какой он относится к своим обязанностям, я счел за лучшее дать перевод произносимых им звуков, пытаясь уловить хоть какую-то связь с известными мне немецкими словами. Он, вероятно, был искренне убежден, что произнесенные им звуки передавали какие-то немецкие слова, и был удовлетворен тем, как я перевел их на русский.

После такого «внушительного» акта проверки произведений Гёте цензор перешел к следующему, еще более основательному. На полях книги он обнаружил немецкие слова, написанные от руки. «Ну, прочти-ка эти слова!» – потребовал он от меня.

То, что я увидел, глубоко и больно врезалось в память. Красивым, старинным готическим шрифтом была сделана транслитерация³ двух русских слов: «паги» и «раіка»⁴. В голове мелькнула мысль: с каких слов этот иностранец начал изучение великого русского языка!

Как бы то ни было, книга снова была в моих руках, и я мог со спокойной совестью вернуть ее хозяину. Не чуя под собой ног, я бросился к бараку, в котором жил Густав Ломбарт, и отдал ему книгу. Правда, ни на лице его, ни в его словах я не заметил большой радости: было видно, что он нездоров. Он предложил мне взять книгу на время.

Недели две я держал ее у себя, пока не прочитал всю от начала до конца. Помню, с каким интересом соприкоснулся я впервые с «Рейнеке-Лисом». Я наслаждался широтой и простотой этой сатиры и множеством комических приемов великого автора. Тогда я начал понимать, что умение смотреть и на себя, и на окружающих с юмором – замечательное благословение. Моему мироощущению тех ней были очень созвучны хорошо запомнившиеся

³ Транслитерация – точная передача знаков одной письменности знаками другой письменности.

⁴ Нары – место для сна заключенных, пайка – норма выдаваемого хлеба.

мне слова пантеры: «Was helfen Klagen und Worte! Wenig richten sie aus; genug, das Übel ist ruchtbar»⁵.

За это время мой разговорный немецкий продвинулся благодаря общению с пленными немцами и австрийцами, оказавшимися в нашем лагере.

Следующая моя встреча с генералом Ломбартом проходила в лагерной больнице, куда я пришел навестить его, а заодно вернуть прочитанную книгу. Мне хотелось, кроме того, услышать ответ на давно мучивший меня – и не меня одного – вопрос. В разговоре с ним я попытался узнать его мнение о том, где глубинные корни только что пережитой нами страшной войны.

«Совершенно понятно, – начал я, держа в уме мой вопрос, – что во время войны между нашими странами пропаганда с той и с другой стороны не могла быть вполне объективной. В Советском Союзе каждому грамотному человеку хорошо известен тот огромный вклад, который немецкая нация внесла в дело духовного просвещения и развития культуры всего человечества, вырастив и воспитав в своей среде великих реформаторов и богословов, гениальных философов, писателей и композиторов. Германия дала миру выдающегося гуманиста современности Альберта Швейцера. И как же объяснить появление в Германии такой личности (я не осмелился назвать прямо слишком известное всем имя), которая – не в одиночку, естественно – повергла мир в неслыханные до того кровопролития и бедствия?».

Генерал, горько улыбнувшись, спросил меня шепотом в упор: «А у великого русского народа не то же ли самое произошло?». Подумав немного, добавил: «Кто знает, может быть, наши духовные наставники и пророки говорили невнятно, или мы, их потомки, не прислушались к их речам – трудно сказать».

Недели две спустя после этого разговора я опять совсем неожиданно встретился с господином Ломбартом. Встреча эта оказалась последней. В тот день я увидел возле одного барака большую толпу заключенных. Возможно, я прошел бы мимо, не останавливаясь, если бы не заметил стоявшего невдалеке Густава Ломбарта, очевидно выписанного уже из больницы. Оказывается, барак, в котором он жил, закрыли на ремонт; и всех его обитателей отправили в другой, у входа в который они и столпились. Вид генерала поразил меня. Первое, что я заметил: лицо его было перекошено – невралгия тройничного нерва, вероятно. Стоял он по-военному прямо, держа в одной руке весь свой скарб – обычный холщевый мешок. Толпа ждала надзирателя, который должен был снять замок с двери барака. На лицах людей читалось желание первыми ворваться в барак и занять место поудобнее: большинство предпочитало спать на нижних нарах и подальше от двери (ночи были холодные).

Густав Ломбарт явно не собирался опережать других, потому держался в стороне. И тут я услышал от него навсегда оставшееся в моей памяти: «Наихудшее в лагерной жизни – это переселение из барака в барак». Мне захотелось ободрить его, и я сказал ему то, что тогда мне было особенно близко и дорого: «Я хорошо понимаю вас. В эти дни мой старший брат, христианин, как и я, отбывает срок в лагере в Воркуте, а наш отец преклонного возраста на десять лет отправлен в казахстанский лагерь. Все это было бы для нас невыносимо тяжело переносить, если бы нас не поддерживали слова нашего Учителя: «In der Welt habt ihr Trübsal; aber seid getrost, ich habe die Welt überwunden!» (Евангелие от Иоанна 16:33 в пер. Шлахтера).⁶

«Я завидую вашей вере, – коротко и, как я думаю, искренне произнес генерал. В тот же момент меня окликнул надзиратель: «Кулаков, тебя разыскивает твой начальник!».

⁵ «Что проку в речах и жалобах длинных! / Дела они не исправят! Хватит уж! Зло – очевидно» (Гете И.-В. Рейнке-лис. – М., 1957 / Пер. с нем. Льва Пеньковского).

⁶ В этом мире у вас есть горести; но будьте спокойны, Я победил этот мир (нем.).

Быстро простившись с генералом, я поспешил в КВЧ, так и не увидев, где и как он разместился в новом бараке. Больше мне уже не пришлось с ним встречаться. Вскоре меня и других молодых людей из Дубравлага отправили по этапу в Карагандинские лагеря работать в шахтах. Но никакие переселения из одного лагеря в другой не могли стереть из моей памяти воспоминания о «Рейнеке-Лисе» Гёте и хозяине этой книги.

* * *

Семьи, попавшие в великий разлом истории... Таким семьям никогда не выбраться из этого разлома, из противостояния, из этого безнадежного падения в бездну... Поколение за поколением падают туда. И неважно, что в конце – сталинский ли ГУЛАГ, или уют американского дома на берегу океана. Если ты хоть раз всерьез задумался о судьбе России и ощутил себя ее частицей, ты рано или поздно почувствуешь под ногами осыпавшийся грунт...

В конце 1990-х годов все шестеро детей Михаила Петровича Кулакова один за другим переехали в Соединенные Штаты Америки. Почему они, такие русские, такие преданные своей стране, покинули ее? Почему именно в это время, а не в 1950-е или 1960-е годы, то есть во времена оголтелого атеизма? Не в 1970-е, когда Михаил Петрович восстановил связи с американскими родственниками и появилась реальная возможность улучшить жизнь своей семьи? И не в 1980-е, когда открылись ворота на Запад и никто бы их, переживших преследования со стороны советской власти, не осудил бы за отъезд? Какие причины толкнули на это семью уже в конце 1990-х? Вслед за детьми уехал из России и Михаил Петрович с супругой. Сейчас я сожалею об этом. Потому что это дает повод многим еще раз подчеркнуть, что адвентизм – религия не для России, поэтому так много «иноверцев» и покинули нашу страну, перебравшись к «своим». Но для Михаила Петровича никогда не было «своих» и «чужих»...

Беседа шестнадцатая Поселок Заокский, июль 2007 года

Многие адвентисты сейчас уезжают из России. За последние десять лет отсюда уехали 70 адвентистских пасторов. И не худшие пасторы. Десять лет назад русских адвентистов можно было назвать духовной элитой христианства, а сейчас русский адвентизм остался на обочине культуры и духовности в России.

Я готов согласиться с вами. И не скрою, с сожалением смотрю на то, что произошло. Я ведь и сам уехал из России...

Михаил Петрович, может быть, там, в Америке, более благодатная почва для адвентизма, чем в России, поэтому он здесь и не приживается?

Нет. Я бы этого не сказал. Что касается культуры взаимоотношений в церкви, то она в Америке очень отличается от того, что мы наблюдаем в России. Это моя боль. И я об этом скорблю, но рассуждать об этом не считаю сейчас возможным, потому что это ничего не изменит. А просто сетовать без того, чтобы реально изменить ситуацию, я не хочу. Я предпочитаю молчать и думать над тем, что можно сделать, чтобы исправить положение. Мой сын Михаил еще в 1998 году в газете «Русская мысль» в статье «Размышляя о настоящем и будущем адвентизма в России» высказал свое мнение о положении русской адвентистской церкви. Но это не помогло изменить ситуацию внутри церкви, и не помогло обществу понять адвентистов.

Михаил Петрович, позвольте с вами не согласиться. Эта статья помогла многим людям по-другому взглянуть на адвентизм и на адвентистов, она помогла многим адвентистам по-другому взглянуть на себя.

Но кончилось-то все тем, что Михаил должен был искать себе работу за рубежом. Для него здесь просто не нашлось места, а заодно с ним и всем остальным членам нашей семьи. Так что наш отъезд – это вершина айсберга. К сожалению, мы не могли тогда переломить ситуацию. Ясно, что по закону маятника потом начнется движение в другую сторону, пойдут глубинные процессы в сознании людей, и сами люди и вся обстановка изменятся. Это человеческий фактор, с которым считаться совершенно необходимо. Люди себя проявляют по-своему, а у Бога впереди вечность, ему спешить некуда, и он дает возможность развиваться ситуации до ее естественного завершения. Чтобы ни один человек не мог сказать, что ему помешали его волю осуществить.

Мы можем сожалеть, мы можем скорбеть, но мы понимаем: если все сложилось так, а не иначе, значит, и общество, и церковь наша сегодня не готовы к другому. Будем терпеливо ждать, будем делать наилучшее в ожидании того, что все созреет в свое время. Мой отец любил говорить: не надо рвать плод с дерева, пока он не созрел. Ты можешь сорвать не только плод, но и ветку, и дерево повредить, и пользы от этого не будет никакой. Нужно уметь ожидать, молиться, делать наилучшее из возможного. Мой дядюшка Демидов говорил: «Кто умеет ожидать, к тому все приходит вовремя». Будем ожидать, и все придет. Бог все поставит на свои места. Негодовать, возмущаться, кого-то осуждать просто нельзя, потому что все люди различны по своему складу, по воспитанию, образованию, условиям, в которых росли... Поэтому Бог терпит, ждет, воспитывает, наставляет, назидает, обличает, а мы как люди делаем свое дело.

В 1920-е годы была возможность уехать из России. Почему ваши отец и дед не захотели этого сделать? Были ли в семье разговоры на этот счет?

Нет, мои родные никогда не думали о том, чтобы эмигрировать. Хотя у меня были родственники за рубежом. Мой дед Демидов был направлен миссионером на Дальний Восток,

в Маньчжурию, поехал туда со своей дочерью, она там вышла замуж. Потом они переехали в Харбин, и после китайской революции моя тетьа с мужем уехала в Америку.

Я знаю историю о том, как один из адвентистских деятелей нелегально покинул Советский Союз в 1930 году. Но это случилось потому, что его жена как иностранная подданная была выдворена из Советского Союза, и он, чтобы соединиться с женой, ожидавшей его в Европе, предпринял такую дерзкую и смелую попытку. Он приехал в Ленинград, устроился грузчиком в порту. Загружая корабль лесом, он нашел там укромный уголок и спрятался. Вышел из своего укрытия он только тогда, когда корабль пересек границу, на берег высадили его в Германии и там держали в тюрьме, пока не установили его личность. Это был проповедник Александр Хавренко. Потом он взял фамилию жены и жил за рубежом, в Россию больше не вернулся. Я его встретил в 1970 году, он преподавал в Калифорнийском университете русский язык.

Май 2011 года.

Из письма М.М. Кулакова

За три или четыре месяца до своей смерти папа сказал мне: «Читателям моей книги даже на Западе будет непонятно, почему мы здесь оказались, почему мы все уехали». Когда издательство в Гамбурге пожелало переиздать папину книгу в переводе на немецкий, то редактор тоже поднял этот вопрос и сказал: нужно объяснить читателям, почему вы уехали за границу. И в 2008 году, когда мы с ним приезжали из Америки в Заокский и проводили здесь конференцию, он мне говорил, что людям до сих пор не совсем понятны мотивы отъезда, и для того, чтобы они могли это понять, нужно очень многое им объяснить, очень многое...

В моей жизни все началось с решения ехать в Оксфорд. Когда меня туда пригласили в докторантуру, я увидел в этом возможность, которую нельзя было упустить. Тогда, в 1992 году, мое решение не всеми было понято и поддержано. Я очень надеялся на понимание, и надежды мои, как теперь вижу, оправдались. Потому что сейчас мнения даже тех, кто изначально был против моей учебы в Оксфорде, радикально изменились. И возможности, которые сейчас мне предоставлены, и поддержка проекта перевода Библии это подтверждают. Но в результате этого решения я теперь, к сожалению, живу не в России.

Тема моей докторской диссертации, которую я защитил в Оксфорде в 2000 году, «Учение о личности в аскетическом богословии Святителя Феофана Затворника (1815–1894)» («The infinite diversity of persons: Individual Personality in the Ascetical Theology of St. Feofan in Recluse (1815–1894)»). Данное исследование посвящено одному из наиболее значимых аспектов наследия Феофана. Кстати, этот аспект никто никогда не изучал, и поэтому ученые из Оксфорда – епископ Каллист Диаклийский и отец Сергей Гаккель, бывший заведующий русской службы Би-Би-Си, – поддержали меня в моей работе. Михаил Петрович перед отъездом из России долго мучился, говорил, что не может этого сделать, но мы, дети, настаивали. Мама, когда мы все оказались за границей, говорила папе, что она хочет быть с детьми и какой смысл жить на свете, если она не видит ни детей, ни внуков. Каждая семья самостоятельно принимала решение, но мне кажется, что все решилось именно так, поскольку мы очень тесная семья...

* * *

Я тоже много думала о том, почему семья Кулаковых уехала из России. Ведь для меня это вопрос очень болезненный, и найти ответ на него было очень важно...

Когда в 1990 году я пришла работать к Петру Кулакову на «Голос Надежды», это была единственная христианская программа, получившая бесплатный эфир на двух государственных радиостанциях, и первая официально зарегистрированная в России религиозная радиостанция. Адвентистская радиостанция «Голос Надежды» имела государственное свидетельство о регистрации СМИ № 2, а свидетельство № 1 было у «Радио России»! С первых дней вещания на волнах «Радио России» выходил «Голос Надежды», еженедельно по 30 минут. Еженедельный получасовой эфир имела наша программа и на «Радио-1» – бывшей Всесоюзной радиостанции.

Это время было своеобразным «золотым веком» адвентизма на радио. Свобода выражалась во всем – и в отношении к нам руководства (не могу не вспомнить добрым словом тогдашнего директора «Радио России» Сергея Давыдова и главного редактора литературной редакции «Радио-1» Александра Ивановича Гагаркина), и в отношении к нам сотрудников – режиссера детской редакции Виктора Трухана и редактора Владимира Венкина. С особым чувством сегодня вспоминаю помощь, которую оказала мне на первых порах редактор православной программы «София» Мария Николаевна Крючкова, впоследствии ставшая монахиней матушкой Елизаветой, настоятельницей вновь восстановленной Марфо-Мариинской обители.

Сегодня это вызывает удивление, но тогда, когда мы вместе делали первые шаги в христианской журналистике, не было между нами никакого соперничества, а было радостное осознание того, что мы, православные и протестанты, можем свободно рассказывать широкой аудитории о христианстве, перенимая друг у друга опыт. Но это «золотое время» продлилось недолго. Все конфессии в нашей стране поделили на «традиционные» и «нетрадиционные», и руководству государственных радиостанций пришлось постепенно сокращать время эфира «нетрадиционных» религиозных программ (адвентистов, естественно, отнесли к нетрадиционным) с 30 минут до 20, 15, а потом и 7 и исключительно в ночное время!

Изменение отношения к адвентистам со стороны других церквей я почувствовала и на себе. Мои православные подруги, ранее с интересом слушавшие рассказы о Заокском, стали смотреть на меня с осуждением. Единственной отдушиной тогда был Христианский церковно-общественный канал – московская средневолновая радиостанция, руководимая Ириной Алексеевной Иловойской (главным редактором издаваемой в Париже «Русской мысли») и отцом Иоанном Свиридовым, с которым я познакомилась еще на «Радио-1», когда он был ведущим православной программы «София». Люди, работавшие там, мыслили тоже достаточно свободно, православные и католики работали вместе, и я долгое время сотрудничала с каналом в качестве музыкального редактора.

В декабре 1996 года Михаил и Петр Кулаковы задумали создать организацию для развития межрелигиозного и межнационального диалога. Я под влиянием бесед с Михаилом Петровичем уже тогда стала осознавать, что эта проблема для нашей страны становится все более актуальной, если не сказать больше. В результате это намерение мы воплотили в жизнь – учредили Просветительский фонд «Диалог», а впоследствии создали средневолновую радиостанцию «Радио-Диалог», вещающую на Москву, Самару и Новосибирск. На волнах «Радио-Диалог» нам отчасти удалось осуществить задуманное: у нас работали два баптистских историка, мусульманка, несколько адвентистов, в эфир регулярно приглашались православные и католические священники, лютеране, представители англиканской церкви, квакеры, методисты и др.

Но к такому открытому и неформальному разговору государственные и негосударственные организации, предоставившие нам свои радиочастоты, были не готовы. Многие во взаимоотношениях между церквями тогда решали человеческие отношения, законы почти не работали, но тревожные «сигналы» в отношении протестантских деноминаций ощущались все более явственно. Этот «человеческий фактор» и послужил причиной закрытия нашей радиостанции, просуществовавшей всего восемь месяцев. По тем же причинам не удалось осуществить и задуманные нами печатные проекты.

Все это происходило на моих глазах и при моем непосредственном участии. Но совершенно очевидно, что и в других областях возможности «служения» – а это главная идея, которая двигала всегда всеми Кулаковыми – в родной стране для них резко сузились. И для того чтобы продолжать свое служение, они были вынуждены эмигрировать. Уезжали Кулаковы с большим сожалением, горечью и болью, я не раз была этому свидетелем. Это стало для них продолжением великого исторического разлома...

Когда-то давно мне рассказали притчу: несколько путников захотели подняться к высокой красивой горной вершине. Встретились у подножия горы и заспорили: один из них сказал, что подниматься надо по каменистой тропе, другой доказывал, что надо идти по поросшему травой склону, третий захотел идти вдоль русла горной реки. Так и не достигнув согласия, они разделились, и каждый пошел своим путем. И только встретившись на вершине, они поняли: неважно, какой дорогой идти – вершина одна! И достичь ее можно разными путями, надо только все время подниматься вверх...

Еще в конце прошлого столетия Михаил Петрович много говорил о том, что стало самым болезненным для России в столетие нынешнем: о необходимости межрелигиозного и межнационального диалога. Он говорил, что нельзя осуждать тех, кто по-иному верит и выбирает другой путь своего духовного восхождения, нельзя делить людей по религиозному и национальному признакам... Но ведь для большинства это деление – данность, которую они воспринимают с детства! Даже для верующих людей, христиан, посещающих церковь и соблюдающих обряды. Потому что церковь (любая церковь – и православная, и католическая, и протестантская) так часто вместо любви к ближнему учит неприятию инакомыслия и иноверцев... И когда молодые люди убивают друг друга просто за другой цвет кожи или другое вероисповедание, мало кто задумывается о причинах этого. А дело всего лишь в том, что эти мальчики выросли в мире, где есть «свои» и «чужие»...

Беседа семнадцатая

Поселок Заокский, июль 2007 года

В России официальной религией всегда было православие как традиционная для этой территории религия, а прозелитизм⁷ со стороны «нетитульных религий» здесь осуждается. Интересно, ведут ли русские миссионерские отделы и православные монастыри на Западе какую-то миссионерскую деятельность?

Могу сказать совершенно определенно: заниматься прозелитизмом на Западе можно совершенно свободно. Там никому не приходит в голову эти процессы ограничивать. Другое дело, что западное общество пресыщено проповедями, на телевидении множество таких программ, и литературы сколько угодно распространяется. Поэтому там привлечь людей очень сложно. Когда кто-то говорит, что в его церковь за год пришло 100 новых членов, так все радуются. Но это очень редкое явление, обычно единицы принимают крещение. Мой сын Михаил по заказу одного из крупных западных университетов написал брошюру по вопросам прозелитизма – о том, как это в России происходит. Она теперь является учебным пособием.

Многие считают, что христианин не должен заниматься политикой. А как же тогда политика может быть честной и чистой?

Я думаю, что это неправильно. Если человек может служить обществу, то почему же не заниматься политикой? Если человек занимается политикой, будучи честным христианином, осознающим свою зависимость и от Бога, и от людей, это может быть очень полезно. Зачем же отдавать политическую деятельность на откуп людям нечестным, чуждым высоким идеалам христианства?

Если под политикой понимать деятельность государственных органов власти, то есть много библейских примеров на этот счет. Пророк Даниил фактически был государственным деятелем своего времени, честным и преданным стране, в которой жил. Иосиф тоже был успешным государственным деятелем в Египте. Эти люди были лояльны по отношению к государству, сумели заслужить доверие правителей и использовали это в интересах церкви. Я и мой отец много думали об этом в советское время, когда искали пути решения сложных для церкви вопросов.

Михаил Петрович, есть библейское выражение: «Нет власти не от Бога». Означает ли это, что России для чего-то нужно было испытание советской властью?

Апостол Павел пишет в послании галатам, *что посеет человек, то он и пожнет*. Это совершенно неизменный принцип жизни на Земле и, может быть, во всей Вселенной. Эти закономерности действуют везде. Как в сфере материальной, так и в сфере духовной. То, что люди, стоящие у руля страны, упустили или неверно сделали, тоже принесло свои плоды. Я даже думаю, что мы в какой-то степени *«сделались зрелищем»*. Так это звучит в синодальном переводе, а в греческом это «театрон». То есть наша жизнь, все, что происходит на планете Земля, это спектакль, представление, за которым наблюдает весь Космос.

А ведь идея коммунизма была для многих привлекательной. Идея единства, братства – фактически это вырванная из Евангелия страница, но прочитанная наоборот. То есть это попытка без Бога построить царство Божье на земле. Те, кто взялся его строить, не считались с человеческим фактором, это и привело к последствиям, которым мы сегодня свидетели. Если греховная человеческая природа Духом Божиим не обуздана, если Дух святой человека не удерживает, то можно все, возможны любые проявления дикости и жестокости. Россия –

⁷ Прозелит – 1) человек, принявший новое вероисповедание; 2) новый горячий приверженец чего-либо.

не забытая Богом страна, не та страна, которую Бог не любит. Но во всем мире действуют неизменные законы. Что посеешь, то и пожнешь. Есть закон гравитации, который держит нас на земле, и если человек сделает шаг с крыши, он упадет вниз, а не полетит вверх. Таков закон, и менять законы Бог не может. Они непреложны.

Как вы думаете, с чем Россия и россияне вышли из испытания советской властью? Что мы приобрели или потеряли? Какие уроки вынесли?

Когда система жесткого контроля над духовной жизнью была разрушена, открылись широчайшие возможности для просвещения общества. И мы были свидетелями того, с какой жадностью наши современники стали поглощать любую информацию. Люди были готовы ехать, идти, смотреть, слушать, читать! Что творилось в Заокском, когда было построено наше учебное заведение! Люди толпами ехали сюда, некоторые туристические агентства маршруты к нам разработали, и по несколько автобусов приезжали каждый день. Более двух тысяч посетителей каждую неделю было. И евангельские кампании проходили.

В Нижнем Новгороде на лекции американского миссионера Картера собиралось по несколько тысяч человек, и он выступал по два-три раза в день, чтобы удовлетворить спрос людей на духовную информацию. Помещение, где проходили лекции, было переполнено, и в какой-то момент двери закрыли. Толпа снаружи пыталась ворваться внутрь, и наконец пожилой мужчина протиснулся в зал. По его щекам текли слезы, и он кричал: «Зачем вы закрываете двери? 70 лет закрывали двери для нас, чтобы мы ничего не услышали о Боге, и когда наконец есть такая возможность, вы опять закрываете двери перед нами!». Может быть, все эти тяжкие годы были Богом допущены для того, чтобы пробудить у людей такой жадный интерес к духовному. И чтобы показать, что попытка создать царство Божье на земле без Бога обречена на провал.

В конечном счете, двери к Богу открылись широко, для всех. Кто же виноват, что этим не воспользовались? И приезжавшие из-за рубежа миссионеры, и мы тоже... Большое несчастье нашего общества заключается в том, что оно повторяет прошлые ошибки. Уроки истории ничему нас не учат, никак нам не даются...

Из статьи М.П.Кулакова «Церковь и меч государства» Журнал «Liberty», 1994 год

Наш путь еще не пройден до конца. На фоне происходящих в мире событий мы можем довольно ясно видеть, что ближайшее будущее не безоблачно. Мы не избавлены окончательно от угрозы тоталитаризма в области идеологии. Нашим соотечественникам и современникам предстоит еще сделать или перепроверить свои выводы о 70-летнем периоде идеологизированного управления страной. Чтобы судить трезво и зрело о том «расчеловечивании», которое пережило общество в бывшем СССР, и чтобы успешнее лечить раны, нанесенные человеческим душам государственной религией бывшего Советского Союза, то есть атеизмом, нам нужна благодать Христова, способная удержать нас от ожесточения против наших ближних и от страшного греха против Бога и людей: соединение нашего государства с какой бы то ни было идеологией, как ясно о том свидетельствует история, порождает либо инквизицию, либо ГУЛАГ.

Теперь, когда наша страна находится в мучительном поиске путей к выходу из едва ли не тупиковой ситуации, было бы полезно присмотреться к тем религиозным положениям, в частности, в христианском вероучении, которыми сознательно или просто в силу традиции руководствовались многие государственные и общественные деятели, а также значительные массы населения в странах, достигших определенных успехов в демократии. К этим положениям в христианском вероучении в первую очередь относится следующее: сотворенный по образу Божьему человек – это свободное, наделенное моральными принципами существо, способное к выбору, мышлению и действию. Будучи духовным существом, человек может устанавливать духовные отношения с Богом. Эти отношения являются личными и индивидуальными. Они складываются в результате личного выбора. Человек не может быть ни подлинно свободным, ни истинно духовным и нравственным в обстановке принуждения и насилия. Если он сотворен по образу Божьему, то в Боге и корни его свободы, ущемлять которую значит не только не признавать за человеком его божественное происхождение, но и воевать против всего того, что должно быть святым для каждого из нас. Обязанность общества и государства – гарантировать для каждого индивидуума разумное использование этой свободы без ущерба для общественного порядка и прав других граждан.

* * *

Однажды кто-то рассказал мне притчу: человек упал в глубокую яму и не мог сам из нее выбраться. Мимо шел Будда, остановился и стал учить человека, как выбираться из ямы. У того ничего не получалось. Потом мимо шел пророк Мухаммед, услышал крики о помощи, присел на край ямы и протянул упавшему руку. Но тот не смог дотянуться до его руки. И только Иисус, заметивший несчастного, спустился в яму к упавшему человеку и помог ему выбраться.

Постепенно служение всем людям, а не только тем, кто принадлежит к какой-либо религиозной общности, стало казаться мне все более важным делом. Захотелось помочь упавшему, спустившись в яму, и «положить свой кирпичик» в действительно великое дело... Великим делом занимались в Заокской общине с конца 1980-х годов, еще до открытия духовной семинарии. Старожилы помнят школу, построенную для детей-сирот в поселке Желыбино. «Возили мимо этого поселка стройматериалы и не смогли проехать мимо», так объясняли строители впоследствии свой поступок. Беднее Желыбинского интерната я не видела

ничего, хотя посетила его только в конце 1990-х. Государство, видимо, совсем забросило детей в этом селе, находящемся всего в 140 км от Москвы.

Был момент, когда дети в прямом смысле слова голодали! И тогда помощь пришла из Заокской семинарии. Преподаватель семинарии Наталья Щеглова (родная племянница Анны Ивановны Кулаковой) рассказывала мне, как студенты и преподаватели собирали еду, одежду, деньги для воспитанников Желыбинского интерната, находили спонсоров на покупку оборудования для кухни и другие нужды. А в начале 2000-х, когда государство начало поддерживать разные формы семейного устройства детей-сирот, сама Наталья взяла под опеку одну из воспитанниц этого интерната. Множество семей из Заокской общины стали брать на воспитание в свои и без того многодетные семьи детей из сиротских учреждений Тульской области. И они не считали это чем-то из ряда вон выходящим, какой-то жертвой или подвижничеством. Это было нормальным проявлением христианской любви к обездоленным детям. До сих пор в Заокском проходят Рождественские благотворительные спектакли для детей из детдомов и интернатов Тульской области, после которых сироты получают сладкие подарки и одежду.

Тогда же, в конце 1980-х годов, адвентисты помогали заключенным в тюрьмах и колониях. Студенты Заокской семинарии ездили в детскую колонию в Алексине. В 1992 году я тоже побывала в этой колонии со спектаклем по пьесе моего мужа Сергея Суворова, им же поставленным. Удивительно, адвентисты организовали поездку со спектаклем о православной монахине Матери Марии (Скобцовой).

Одним из самых замечательных примеров служения является для меня деятельность адвентистского пастора Николая Назаровича Либенко, большого друга Михаила Петровича Кулакова. Николаю Назаровичу, который отсидел в советское время несколько лет за издание подпольного христианского журнала, удалось на территории заброшенного пионерского лагеря организовать общину, которую он назвал Христианской ассоциацией служения заключенным. В начале 1990-х годов, когда Тульская администрация еще благосклонно смотрела на деятельность адвентистов, это было возможно. Уйдя с административных постов в адвентистской церкви, Либенко решил заняться, что называется, «практическим христианством». В созданной им общине вместе с ним сегодня живут бывшие заключенные, те, кто отбыл наказание, освободился и кому некуда больше идти. Михаил Петрович как-то сказал: «То, чем занимается Либенко, это самое главное, что должны сегодня делать церковь и верующие люди».

Хорошо помню тот момент, когда внутри меня как будто что-то переключилось. И все мои абстрактные поиски цели сразу закончились, и перестал мучить вечный вопрос: «Зачем я это делаю?». Все сошлось в одной точке. Я увидела, а точнее, услышала цель и поняла, чем мне надо заниматься в журналистике. Скажу точнее – все остальное в этой профессии стало просто неинтересным. Это произошло много лет назад во время прямого эфира на радиостанции «Радио-Диалог», которую мы создали вместе с Петром и Михаилом Кулаковыми. До сих пор помню эту беседу и своих гостей в студии. Тогда впервые мне открылся мир, существующий параллельно с нашим, мир, в котором беда и горе соседствуют с необыкновенными, почти неправдоподобными проявлениями сострадания и милосердия. Мне показалось, что только в этом мире заключается для меня подлинное служение Богу и человечеству. В рамках одной радиопрограммы мне захотелось соединить, как в притче о добром самарянине, добрых людей, принадлежащих разным конфессиям, потому что настоящее милосердие не знает религиозных границ. Именно эта идея – разрушить перегородки и стереть границы между церквями, о чем так часто говорил Михаил Петрович, стала для меня проявлением подлинной христианской свободы. Мне показалось, что в этот мир еще не ступала нога журналиста и именно мне суждено открыть людям эти «белые пятна».

И еще я поняла, что за много поколений до нас наши прадеды прокладывают невидимые пути, которым мы незримо следуем, до какого-то момента почти бессознательно. Во всяком случае, так было у меня. Самые неожиданные повороты жизни становятся понятными, если искать ответы в прошлом семьи. Наверное, многим нравится находить зашифрованные знаки в судьбе своих предков...

Моя прабабушка Любовь Александровна Казанская (тогда еще девица Гладкова) в 1905 году закончила Московский Институт благородных девиц Кавалерственной дамы Чертовой. Попечителем Института была Великая княгиня Елизавета Федоровна, сестра нашей последней царицы Александры Федоровны, основательница Марфо-Мариинской обители милосердия и впоследствии одна из самых почитаемых русских Святых Новомучениц. О том, что моя прабабушка познакомилась с Великой княгиней на выпускном вечере, я часто слышала от нее в детстве. Она любила рассказывать о том, как играла на рояле на выпускном вечере, и Великой княгине так понравилось ее выступление, что она подошла к ней и протянула руку для поцелуя и рукопожатия. Так что меня от Елизаветы Федоровны, святой, прославившейся делами милосердия, отделяет только одно рукопожатие! Может быть, именно таким непостижимым образом и я получила от нее благословение?

И еще я получила уже совсем не символическое благословение от отца Георгия Чистякова. Радиопрограммы «Адреса милосердия», которая уже много лет идет на радиостанциях «Радио России», «Маяк» и «Голос России», наверное, не было бы, если бы не встреча с этим удивительным человеком. Михаил Петрович говорил со мной о свободе выбора своего духовного пути. Отец Георгий говорил о поступках. *Вера без дел мертва*. Казалось бы, такие простые и понятные слова. Но как много людей читают их, произносят, но не впускают их в себя! С отцом Георгием я советовалась, когда придумывала название программы, у него получила благословение на создание благотворительного фонда «Адреса милосердия», он вошел в его Попечительский Совет. Возглавить этот Попечительский Совет он отказался, сказав, что фонд не должен ассоциироваться с какой-либо церковью. Отец Георгий говорил о том, что настоящий христианин – это человек созидающий и неравнодушный. А настоящее христианство заключается не в абстрактной любви ко всему человечеству, а в любви к конкретному человеку, в облегчении его боли и страданий. И доказывал это всей своей жизнью, своим служением в Российской детской клинической больнице, куда он пришел вслед за священником Александром Менем. Отец Георгий много раз давал интервью нашей программе, продвигающей идеи благотворительности, милосердия и сопричастности чужой беде. И меня поражало, какие простые и точные слова он всегда находил для того, чтобы призвать слушателей к деятельному состраданию. И говорил он так, что за ним хотелось идти.

У всех, кто с ним общался, было ощущение, что он не ходил по земле, а летал, чтобы успеть сделать как можно больше полезного и доброго. Отца Георгия нет сегодня с нами, он ушел из жизни из-за тяжелой болезни – той же, что и Михаил Петрович. Но те, кто близко знали его, уверены: он ушел, потому что отдал себя людям, отдал всего, без остатка. А по путям, которые он проложил, сегодня продолжают идти многие.

Можно вне церкви жить свободной христианской жизнью, руководствуясь совестью и человеколюбием. А можно будучи членом церкви и следуя всем традициям и канонам, оставаться внутренне свободным человеком. И за всеми остальными признавать эту свободу. Но такое дано немногим, только избранным. Таким избранным был Михаил Петрович Кулаков. И увы! – многие сегодня боятся идти по его пути...

Мне кажется сейчас, что жизнь Михаила Петровича проходила в постоянном диалоге с миром, церковью, людьми другого вероисповедания. Он помогал людям делать свой выбор. Он все время выстраивал мосты между церковью и миром, между своей церковью и верующими других деноминаций, людьми другого вероисповедания и других убеждений. Послед-

нее время я все чаще задумываюсь, не расширяет ли такая свобода врата к спасению. Ведь путь к спасению, как известно из Библии, должен быть узок, и христиане должны искать именно этот путь. И это – та истина, которая не посередине. Она должна быть бескомпромиссна, как бескомпромиссны послушание и следование канонам церкви.

Все месяцы работы над книгой я постоянно ловила себя на мысли: как много я не успела узнать, сколько вопросов не успела ему задать. Кому и куда их теперь адресовать? В вечность? Один я все же задам вам, Михаил Петрович, потому что верю в нашу встречу Там, где мы получим ответы на все наши вопросы... Что есть свобода: узкий путь к спасению, или врата, ведущие к погибели? И как вам удалось совместить в себе широкие врата свободы и узкий, праведный и жертвенный церковный путь, ведущий к спасению?

Часть третья. Путь к вершине

Ставить перед собой только великие цели, служить только большому и настоящему делу – так хотел и так жил Михаил Петрович, так он учил жить своих детей и внуков. Он говорил: «Никогда не будьте в жизни как маленькое колесо. Маленькое колесо – оно в каждую ямку попадает, застревает и вязнет в любой выбоине на дороге. А большое колесо катится по дороге и ям не замечает. Надо быть таким человеком как большое колесо, чтобы суметь проехать все ухабы, все мелкие проблемы и проблемки, которые встречаются на пути. И упорно двигаться к поставленной цели».

Люди масштаба Михаила Петровича Кулакова приходят и уходят в свой час. И оставляют за собой путь подобно лучу света от маяка, чтобы мы могли идти вслед за ними. И чем дальше уходят они от нас, тем яснее та великая цель, которой они служили. Сейчас уже совершенно очевидно: цель и вершина жизни Михаила Петровича – перевод Священного Писания на современный русский язык. «Я так счастлив, что последние годы посвящаю главному делу жизни, – говорил Михаил Петрович в конце 1990-х годов, – что я свободен от многих церковных обязанностей, которые нес на себе всю жизнь. Я думаю, что сейчас я действительно приблизился к свободе».

В 1993 году, сложив с себя полномочия главы церкви христиан-адвентистов седьмого дня, М.П. Кулаков создал в поселке Заокском Институт перевода Библии на современный русский язык. Для большинства членов церкви это стало большой неожиданностью. Многие, даже хорошо знавшие Михаила Петровича люди, посчитали это своеобразным «шагом назад». И только самые близкие знали, что именно к этому он шел всю свою жизнь.

Май 2011 года.

Из письма Михаила Кулакова

Папа выписывал множество энциклопедий. Зачем он это делал, я тогда не понимал, но для нас, детей, они открывали новый мир! Он был одним из первых подписчиков Большой Советской энциклопедии, том за томом она приходила к нам, и тогда она была для нас как сегодня Интернет. Такое просвещение! Я домой быстрее прибежал, когда видел, что по почте пришел новый том Большой Советской энциклопедии, а там – искусство, репродукции, научные статьи! Все это оказывало на нас большое воздействие. Как-то пришел ящик с энциклопедией Брокгауза и Ефрона. А однажды привезли нам с железнодорожной станции огромный деревянный ящик, и прямо во двор занесли. Папа взял монтировочку и вскрыл с огромным удовольствием этот ящик. Открыл крышку, а там золоченые торцы и корешки многих-многих-многих томов. Мы спрашиваем: «Папа, а что это такое?». А он нам говорит: «Это – Еврейская энциклопедия. Я же готовлюсь работать над переводом Библии и мне нужно знать этот исторический и культурный фон». Это был год, наверно, 1973...

Беседа восемнадцатая Поселок Заокский, июль 2007 года

Когда вас впервые посетила мысль о необходимости перевода Библии на современный русский язык?

В Прибалтике, в Даугавпилсе (мы переехали туда после войны), я встретился с пастором, которого звали Янис Олтиньш. В Латвии Янис оказался в добровольной ссылке, точнее, он должен был жить подальше от советского начальства (поскольку он руководил церковью в годы немецкой оккупации). Услышав в Риге его проповедь, я решил поехать за ним, и мы поселились рядом. У него была огромнейшая библиотека – книги на немецком, латинском, английском, еврейском и греческом языках. Этот человек пленил меня широтой своего образования, основательностью богословских взглядов и любовью к Богу. Янис очень любил свои книги: там были и книги, простреленные пулями, – во время войны он носил их с собой. Под его влиянием я начал изучать древние библейские языки, чтобы читать Библию в оригинале (как известно, она была написана на еврейском, арамейском и греческом). Конечно, изучал я и английский язык, это было нетрудно на базе немецкого.

Я восхищался различными переводами Библии на немецкий, которые нашел у Яниса в библиотеке. И вот тогда мне впервые пришла в голову мысль, что русские люди в этом смысле обделены и надо бы и нам иметь несколько хорошо сделанных переводов Священного Писания. Я говорю «несколько», потому что и тогда чувствовал, а теперь окончательно убедился: совершенного перевода, который бы адекватно передавал оригинал, быть не может, что называется, по определению! Не может быть одного самого лучшего перевода Писания, поскольку переводчики ставят перед собой разные задачи. Скажем, одни переводят буквально, слово в слово, но от этого перевод только проигрывает, его трудно понимать, да и просто читать. Ведь нельзя калькой наложить один язык на другой. У каждого языка свои особенности, свои идиомы, и в переводе их надо передать так, чтобы читатель понимал, что за ними стоит. Идиомы еврейского текста в переводе на любой другой язык выглядят неестественно.

Например, Эльберфельдская Библия ^{1} – это замечательный перевод, основательнейшим образом сделанный. В нем группа переводчиков попыталась дать буквальный перевод с множеством сносок, раскрывающих значения слов или выражений.

Но на немецком языке есть и переводы, где текст Священного Писания передан в собственных немецкому языку выражениях. Все это меня очень воодушевило, и я понял, что нужно попытаться сделать перевод на русский язык. Это был 1948 год, мне было 20 лет, и именно тогда мне стало ясно, что нельзя оставаться с единственным русским переводом, мы должны пытаться делать новые. Я и по сей день с большой любовью отношусь к синодальному переводу и ценю его, но его одного явно недостаточно.

На русском языке тогда существовал только синодальный перевод?

Еще существовал так называемый венский перевод. Но он мало чем отличался от синодального и был не так распространен. Была еще попытка ревизии синодального перевода, очень осторожная: пастор Геце внес в текст небольшую правку – некоторые местоимения

^{1} Эльберфельдская Библия (Elberfelder Bibel) – один из известных немецких переводов Библии, впервые увидевший свет в 1855 году (Новый Завет) и в 1871 году (Ветхий Завет). Своим названием он обязан тому, что большая часть работы по переводу была сделана в Эльберфельде (сегодня район города Вупперталя). Инициаторами перевода были Юлиус Антон фон Позек, Карл Брокгауз и Джон Нельсон Дерби. Перевод отказывается от всяких попыток интерпретации текста. Слова, добавленные для лучшего понимания в текст переводчиками, специально обозначаются, а в сносках даются текстовые варианты и варианты перевода. – *Здесь и далее в этой главе прим. И. Лобанова.*

изменил на более современные, сделал небольшие уточнения ^{2}. Но в целом эти изменения были весьма незначительными.

Январь 2010 года.

Из письма Павла Кулакова

Папа был очень целеустремленным человеком, поэтому у него каждая минута была на счету. Он использовал свое время максимально, никогда не щадил себя, работал всегда до полуночи и очень много читал. Читал всегда и везде, где только можно присесть. Как только у него появлялась свободная минута, он читал. У нас дома вообще много читали – телевизора не было. Когда мы собирались семейным кругом, читали вслух Чарльза Диккенса, Достоевского, Толстого, христианскую литературу. Отец очень огорчался, когда видел кого-то из нас бездельничающим, и говорил: «Если ты ничего не делаешь в данный момент, то хотя бы книгу читай!». То есть когда он проходил мимо, мы сразу хватали книгу, чтобы папа не сердился. Иногда он брал библейский текст и говорил нам, как какое-нибудь место звучит на древнегреческом языке, и сам от этого получал колоссальнейшее удовольствие. Древнегреческий язык он знал давно. Когда я ходил в первый класс, древнегреческим он уже пользовался.

Отец никогда не удовлетворялся поверхностным знанием, он был натурой исследовательской, поэтому ему нужно было глубоко копать, важно было узнать значение того или иного выражения, понять, правильно ли оно дано в синодальном переводе... То есть он был не просто администратором церковным, он всегда был исследователем!

Он любил углубляться в библейский текст, и когда у него не было аудитории, он нам, детям, рассказывал о смысле текстов на древнем языке.

Древнееврейским он начал заниматься, когда мы жили в Коканде (в середине 1960-х годов). Там дома все двери и стены были увешаны аккуратно вырисованными замысловатыми древнееврейскими письменами. Но серьезно, основательно древнееврейским языком он занялся после посещения Соединенных Штатов Америки летом 1970 года, где в Университете Анджуса он встречался с профессорами и преподавателями древних библейских языков. Эти встречи оказали на него огромное влияние. Помню, он находил некоторую связь древнееврейского языка с тюркскими языками, которые доминировали в Средней Азии. Когда я учился в школе в Узбекистане и Казахстане, в обязательную программу входило изучение национального языка. Русскоговорящие дети неохотно им занимались. Но отец нам говорил: «Если вы будете знать эти языки, вам легче будет выучить древнееврейский язык, поскольку их фонетика очень схожа».

Он был очень книжным человеком, и его заветной мечтой было запереться среди книг, чтобы никто его не тревожил. В 1993 году отец решил освободиться от всех административных обязанностей и заняться переводом Библии. В связи с этим ему потребовалось приобрести необходимую справочную литературу. Кто-то из его близких друзей посоветовал ему посетить самый большой букинистический магазин в

^{2} «Из русского текста устранены некоторые архаические слова и обороты, которые около столетия тому назад, когда Библия переводилась на русский язык, были понятны каждому русскому человеку, но затем мало-помалу перестали употребляться в живом языке. Разумеется, замена эта производилась нами с крайней осторожностью, не только не нарушая точности текста, но и сохраняя тот высокий, торжественный строй, которым проникнут русский перевод Библии» (Из Предисловия к Библии Б. Геце. Варшава, июнь 1939 года).

городе Грэнд Рапидс, штат Мичиган. При этом ему рассказали историю об известном адвентистском радио-проповеднике, основателе «Голоса Пророчества» Гарольде Ричардсоне Старшем, который очень любил посещать этот огромный книжный магазин и однажды, не замеченный служащими, оказался запертым в нем до утра. Подобная история с отцом не случилась, но вполне могла случиться, так как он забывал обо всем, когда находился в окружении книг.

Из беседы с И.Я.Грицем, ректором и преподавателем Колледжа библейских основ церковных служений «Наследие» Москва, июнь 2011 года

Илья Яковлевич, как вы познакомились с Михаилом Петровичем Кулаковым?

Это был 1989 год, отец Александр Мень возобновил работу российского Библейского общества, там я впервые и увидел Михаила Петровича. Я сразу обратил на него внимание как на совершенно необычного человека. Я не знал тогда, из какой он церкви... Мы с ним познакомились, обедали вместе, и он поразил меня своей невероятной и трепетной любовью к Писанию. Надо сказать, что для меня лично – я тоже белая ворона – важно не то, к какой церкви человек себя относит, а то, как он относится к слову Божьему. Достаточно того, что он исповедует тот символ веры, который когда-то исповедовал апостол Петр.

Он мне рассказал историю, которая меня совершенно потрясла, о которой я впоследствии студентам рассказывал на всех конференциях. Михаил Петрович был арестован, и на допросе следователь достал небольшого формата Библию со страницами из очень тонкой, почти папиросной, бумаги и сказал: «Ну что? Ради этой книжечки вы готовы жить вне семьи? Готовы мучиться и страдать? Я вас не понимаю». И бросил ее на пол. Поскольку странички были клееные, то они разлетелись, и одна страница оказалась рядом с ногой Михаила Петровича. Когда следователь отвернулся, он наступил сначала на эту страничку, чтобы ее не было видно, а затем незаметно сунул в карман. Потом, сидя в одиночке, он читал и перечитывал этот листочек. Это была глава 3 Евангелия от Иоанна, естественно, не вся. Он мне сказал: «Вы знаете, мне не хватило времени, чтобы прочитать эту страничку». Это меня совершенно потрясло! Такой способ чтения Евангелия, когда человек открывает в тексте все новые глубины, и чем больше читает, тем больше углубляется, и тем больше поражается, изумляется бесконечности Слова Божьего... Я это рассказываю студентам и говорю: «Вот так надо читать Писание. Я, конечно, не хотел бы, чтобы вы оказались в тюрьме, чтобы вы претерпели такие муки, но я от всей души вам желаю так же глубоко читать Писание».

С тех пор я Кулакова необыкновенно полюбил. Ситуации были разные, мы то чаще встречались, то реже, это не было связано с нашими личными взаимоотношениями, а просто с жизнью. Но когда мы где-то пересекались, всегда очень радовались. Я его расспрашивал, как обстоят дела с преподаванием Писания у них, и мы вместе грустили, когда он говорил, что, кроме изучения Писания, есть учебный процесс, есть многие другие дисциплины... Я тоже считаю, что Библия – основа всего, остальное студенты наберут. Или вы привьете им любовь к Писанию, «инфицируете» их этой любовью, или все остальное, в том числе и красивые проповеди, ничего не стоят.

Михаил Петрович был человеком невероятно широких взглядов и интересов, и не было такой сферы творческой, которая была бы ему неинтересна или о которой он бы высказывался пренебрежительно. И в том, что Библия, слово Божие – это фундамент, стержень всего, мы были с ним совершенно согласны. Интересно, что никогда мы не говорили о богословии, об интерпретации и толковании Писания. У адвентистов особое внимание уделяется пророку Даниилу, а для меня, например, все книги Священного Писания равно важны, любимы и прекрасны. Но мы никогда это не обсуждали, потому что любая строчка, любая глава Писания – это бесконечность, это просто бесконечность. Так что я был очень рад, когда Михаил Петрович пригласил меня работать в Институт перевода Библии в Заокском.

Май 2011 года.

Из письма Михаила Кулакова

Сейчас в рунете есть сотни сайтов, на которых разные люди, не адвентисты, обсуждают новый перевод Михаила Петровича. Есть и негативные отзывы, есть критика, но большинство отзывов положительных. Люди ценят именно то, что в этом переводе переводчики не занимают определенной конфессиональной позиции, не пытаются протолкнуть доктрины своей конфессии или так интерпретировать перевод того или иного выражения, чтобы он более удобно вписывался в трактовку адвентизма или протестантизма. Михаил Петрович был чрезвычайно озабочен тем, чтобы не допустить этого.

*Приведу пример. То место в Евангелии, где описывается Распятие Иисуса Христа. Разбойник просит Христа о том, чтобы он был принят Богом, и Христос отвечает ему: **«Говорю тебе, ныне будешь со мною в Раю»**. В некоторых переводах дается именно так, ставится запятая после слова «тебе». В других запятая ставится после слова «ныне»: **Говорю тебе ныне, будешь со мною в Раю**. Михаил Петрович хотел донести до читателя то обстоятельство, что в древнегреческом подлиннике вообще не было знаков препинания, их вносили переводчики при переводе на свои языки. И хотя синтаксис русского языка требует, чтобы в этой фразе была запятая, Михаил Петрович решил ее не ставить: он считал, что важно донести до читателя дух подлинника, помочь ему самому принять решение о том, как интонационно читается эта фраза.*

Я вижу по отзывам в Интернете, что многие читатели – и православные, и католики, и протестанты – ценят такое бережное отношение к тексту и стремление сделать перевод максимально прозрачным, чтобы дать возможность читателю приблизиться к подлиннику.

С самого начала Михаил Петрович пригласил представителей русской православной церкви участвовать в этом проекте, и они принимали и принимают в нем самое активное участие. Стилист Валерий Валентинович Сергеев, с которым он работал долгие годы, был православным человеком и считал за честь трудиться с Михаилом Петровичем. У них были очень сердечные отношения. Пригласил он в Институт и православного ученого-библеиста Андрея Сергеевича Десницкого.

Март 2006 года.

Из письма М.П.Кулакова А.С.Десницкому

Дорогой Андрей Сергеевич! Как я и раньше писал вам, в сделанном вами переводе я сразу же почувствовал аккуратность и основательность профессионального переводчика и порадовался этому. Этот перевод, насколько я могу судить, превосходит синодальный. И если бы у русского народа была вся Библия в таком переводе, это было бы для него большим благословением. Вместе с этим я должен сказать вам о тех задачах, которые мы поставили перед собой в Институте перевода Библии в Заокском. Думаю, это необходимо сделать для того, чтобы нам сообща найти путь к сотрудничеству.

Занявшись Новым Заветом, мы, естественно, не могли не думать о типе своего перевода этого священного текста. В

согласии с философией современных библейских обществ перевод изначально замышлялся как свободный от конфессиональных пристрастий. Главнейшими требованиями к переводу были признаны верность оригиналу и сохранение формы библейского сообщения везде, где это возможно, при готовности ради точной передачи живого смысла поступиться буквой текста. Стремление вызывать у людей, читающих библейский текст в нашем переводе, впечатления, эквивалентные тем, что вызывал автор оригинала у своих читателей, – одна из наших задач. А это в свою очередь побуждает нас помнить о той аудитории, на которую нацелен наш перевод. Мы не можем не видеть последствий многолетнего выкорчевывания из сознания наших соотечественников знаний о Боге, Его Слове и церкви. Мы понимаем, что приобщение наших современников к этим знаниям, в частности, к Слову Божьему, должно совершаться с учетом Его указания древнему пророку: **и отвечал мне Господь и сказал: запиши видение и начертай ясно на скрижалях, чтобы читающий мог легко прочитать** (Аев 2:2).

В работе над переводом Библии мы признаем себя обязанными руководствоваться наставлениями, которые Христос и Его святые апостолы дали относительно важности и пользы Священного Писания в жизни каждого человека: **Люди заблуждаются и гибнут из-за незнания Писаний** (Мф 22:29); **боговдохновенное Писание полезно – оно помогает учить, обличать, исправлять...** (2 Тим 3: 16); **любовь к чтению Слова Божия необходимо прививать и поддерживать** (1 Петр 2:2).

Считаясь с тем культурно-историческим контекстом, при котором писалась Библия, также как и с современной культурой и духовно-нравственным состоянием общества, мы видим свой долг в том, чтобы приблизить этот священный текст – не искажая и не украшая его – к читателю наших дней. Благо русский язык, несмотря на все сложные жизненные перипетии нашего общества, остается богатым и сильным языком для перевода Священного Писания. Молясь о верном использовании этого языка, мы стремимся к такой передаче оригинального текста, которая, раскрывая глубину и силу боговдохновенного слова, как можно более полно открывала бы людям Того, Кто стоит за этими словами.

В качестве одного из дополнительных средств раскрытия смысла древнего текста и имплицитно присутствующей в нем информации мы используем (чаще, чем синодальный перевод) курсивом написанные вставки, где это подсказывается контекстом. В отдельных случаях, где это требуется для раскрытия смысла, мы осторожно прибегаем к парафразу, стремясь не навязать тексту свое личное толкование. Определенно, мы не избежим потерь в передаче некоторых форм изложения и стилистических особенностей языка отдельных авторов Библии, поставив перед собой задачу сделать переводимый текст читабельным и доступным широкому кругу читателей. Но чем-то приходится жертвовать...

Беседа восемнадцатая (продолжение) Поселок Заокский, июль 2007 года

Михаил Петрович, вы считаете, что ни один перевод Писания не может претендовать на полноту и передать весь смысл, который заложен в первоисточнике?

Я убежден, что это невозможно. Мы делаем наилучшее в меру наших сил, но перед нами стоит определенная задача – сохранить и в меру возможного передать смысл. Всякий раз, когда строишь фразу, чувствуешь, что это можно сказать и по-другому. Тогда можно приоткрыть еще один аспект, который при той передаче не раскрывался полностью. Есть множество нюансов, которые в одном переводе просто невозможно передать. Это же не просто литературный памятник, мы относимся к Библии как богодухновенному⁸ Слову Божьему, и задача наша – максимально приблизиться к тексту оригинала. А еще надо представлять, на какого читателя мы рассчитываем.

А на какого? Вы рассчитываете на рядовых верующих?

Да, именно так, но я всегда говорю, что мы здесь ходим, как канатоходцы по канату, пытаюсь балансировать между тем, что нужно рядовому читателю, и сугубо научным осмыслением этого текста. Мы должны помочь читателю увидеть глубину текста и возможные его нюансы и в то же время сделать его «читабельным», то есть легким для восприятия. Хотелось бы, чтобы человек не спотыкался на каждом слове из-за обилия сносок. Сноски, конечно, нужны, но мы вводим их в случае крайней необходимости, чтобы показать что-то очень существенное, что упустить было бы жаль. Но это разные задачи, которые трудно совместить между собой.

Я знаю переводы на английский и немецкий языки, где переводчики стремились передать игру слов еврейского языка и даже фонике. Но это не делает текст легко читаемым, он звучит не вполне естественно. Эту задачу мы оставляем для тех, кто захочет это сделать. Но я убежден, что в любой цивилизованной стране должны быть переводы, которые преследуют разные задачи.

Может быть и просто художественный перевод без претензий и жесткой привязки к форме и словам оригинала, когда мысль передается в несколько облегченном варианте, чтобы читателю легко было ее воспринять. Например, в таком ключе сделан английский перевод на современный английский «Good News» (Добрая весть). Он сделан на хорошем современном английском языке. Мы такую задачу перед собой не ставим, хотя это очень благородная цель. Мы идем в переводе своим путем и пытаемся сделать его аккуратно, чтобы дать читателю в том числе и определенные представления о еврейских или греческих конструкциях Нового Завета, о том, какие понятия использовались при переводе с еврейского на русский язык раньше, и при этом стремимся найти богословское соответствие этих понятий оригиналу.

Есть ли примеры перевода каких-то фрагментов, когда Библейские истины для вас открылись с неожиданной стороны?

Таких примеров очень много. Скажем, в синодальном переводе Бытия в главе 5 мы читаем о праведнике в седьмом поколении от Адама, Енохе: *ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его* (стих 24), то есть праведник был восхищен Богом от земли, и этот очень знаменательный и редкий случай был отмечен в Библии. Здесь интересно выражение *ходил Енох пред Богом*. Еврейский предлог *эт* переведен как «перед». А факти-

⁸ Богодухновенный – вдохновленный Богом.

чески этот еврейский предлог в данном контексте означает не «перед» (Богом), а «с» (Богом). Это принципиально.

Тот же самый еврейский предлог, который синодальные переводчики передают в главе 5 как «перед», в главе 13 этой же книги перевели как «с» (*у Лота, который ходил с Авраамом*, стих 5). В главе 5 содержится очень важная мысль о том, что человек может жить в единении с Богом. Еврейское слово, переведенное как «ходил», означает не только хождение как процесс, но его можно перевести как «жить», в данном контексте «жить в единении, жить вместе». Когда в главе 13 говорится о Лоте, племяннике Авраама: *он ходил с Авраамом*, то это значит, что они вместе кочевали и вместе жили. А вот когда речь идет о Боге, то переводчики ошибочно переводят *ходил перед Богом*. Выбор тут однозначный: либо перевести буквально *ходил с Богом*, либо передать мысль оригинала о возможности тесных отношений между человеком и Богом. Перевод эту мысль утрачивает, и происходит это, как я понимаю, не из худых намерений, а от благочестивого представления переводчиков, что человеку никак нельзя «жить с Богом». Разве может грешный человек жить с Богом? Этого даже представить нельзя, поэтому они пишут *ходил перед Богом*. Но кто из нас не ходит перед Богом? Наверное, так мыслили эти переводчики. А в результате нанесен ущерб самой идее о возможном тесном общении человека с Богом.

А можете привести пример из Нового Завета?

В знакомой как верующим, так и неверующим молитве «Отче наш» некоторые слова просто устарели. В частности, слово «Отче» мы заменяем на слово «Отец» и исключаем слово «сущий». Замены эти необходимы не только по стилистическим соображениям, но и для того, чтобы полнее раскрыть смысл молитвы.

Молитва завершается такими словами: *не введи нас во искушение* – такова буквальная передача греческого текста (Евангелие от Матфея, глава 6, стих 13).

Греческое слово «пейрасмос» означает не только искушение, но и испытание. В Библии говорится, что Бог испытывал Авраама, и сам наш Господь Иисус Христос прошел через испытания, поэтому просьбу «не введи нас во искушение» нельзя понимать как «не испытывай нас» – это явно противоречит тому, что все мы должны пройти через испытания. А если понимать это слово как «искушение», «соблазн», то Бог так с человеком не поступает, поэтому мы переводим это место так: *не дай нам впасть во искушение* и даем в сноске буквальный перевод, указывая: «Букв.: *не введи нас во искушение*. В свете апостольского учения о том, что Бог *никого... не искушает* (Иак 1:12–14), эти слова молитвы, вероятно, могут пониматься как наша просьба о Божественной помощи в борьбе с искушением».

Есть и другие тексты Священного Писания, в которых нам пришлось отказаться от того, что было сделано в синодальном переводе. В Евангелии от Иоанна главе 14 стихе 16 Иисус Христос говорит Своим ученикам, что Ему предстоит уйти из этого мира, а им будет *дан Дух Святой*. В синодальном переводе это звучит так: *Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя*. Греческий глагол «эротео» имеет несколько значений, но обычно он переводится как «просить», «спрашивать». В данном контексте речь идет именно об этом. Христос становится посредником между нами и Богом, и Ему не надо умолять или упрашивать Отца, Он просит, ходатайствует за нас. Именно в этом смысле здесь этот глагол и используется, в нем нет оттенка, переданного в синодальном переводе. Бог доступен, Он исполнен любви, и поэтому перевод *Я умолю Отца* противоречит тому образу Отца, который стремился представить Иисус этому миру. Он пришел открыть Бога, который Сам послал сюда Своего Сына, и Христу, Сыну Божьему, не нужно Его умолять. Поэтому мы отказались от такого перевода и написали просто: *Я Отца попрошу, и даст Он вам вместо Меня другого Утешителя*.

Или, скажем, Послание апостола Павла к Римлянам, глава 1, стих 5 в синодальном переводе звучит так: *через Которого мы получили благодать и апостольство, чтобы во имя Его покорять вере все народы*. Здесь создается представление о Боге, противоречащее уче-

нию Библии. Сразу возникает образ: идти с мечом и огнем, и покорять... Это явно не то, чему учили Христос и апостолы. И поэтому в своем переводе мы несколько расширили смысл: *через Которого мы получили благодать и апостольское поручение, дабы во имя Его утвердить идущее от веры послушание среди всех народов*. Здесь используется греческое слово «хюпакоэ» – «послушание», а вовсе не «покорность», которая предполагает готовность слушаться и выполнять волю какой-то высшей силы. Павел стремится вызвать в людях не слепую покорность, а послушание, то есть добровольный отклик. Послушание, идущее от веры в Бога.

Вы знаете, что за многие столетия этот текст много раз переписывался от руки писцами, которые сознательно или несознательно вносили в него дополнения или изменения. И уже не одно столетие ведется огромнейшая работа по восстановлению первоначального текста. Сегодня есть общепризнанный греческий текст, используемый библейскими обществами, который признан наиболее достоверным. Например, наиболее достоверным считается текст Послания Иуды, где в стихах 22 и 23 отсутствует слово «страх». В синодальном переводе написано: *и к одним будьте милостивы, с рассмотрением, а других страхом спасайте, исторгая из огня, обличайте же со страхом, гнушаясь даже одеждою, которая осквернена плотью*. В каноническом греческом тексте слово «страх» отсутствует. Поэтому следует читать: *будьте милостивы к тем, кто колеблется, других спасайте*, то есть не надо запугивать людей.

Или дано в синодальном переводе в Первом послании апостола Петра, главе 3, стихе 21: *так и нас ныне подобное сему образу крещение, не плотской нечистоты омытие, но обещание Богу доброй совести, спасает воскресением Иисуса Христа*. Крещение в этом переводе сопоставляется с обещанием Богу доброй совести, и спасение мы получаем посредством этого своего обещания. Но что мы можем Богу пообещать? Смысл выражения в таком переводе довольно запутанный. В оригинале используется греческое слово «эперотэма», которое переведено как «обещание». Но скорее всего, это все-таки наш ответ Богу, отклик на Его призыв, наша готовность с чистой совестью жить перед Богом. В своем переводе мы передали это место так: *Тут прообраз того крещения, через которое и вы теперь спасаетесь. Не в том здесь, конечно, дело, чтобы с тела грязь смыть, но в готовности с чистой совестью жить перед Богом, через воскресение Иисуса Христа*.

Сколькими языками вы владеете?

С детства я изучал немецкий язык, потом стал изучать английский, закончил заочно в 1966 году Московский институт иностранных языков. Постоянно занимался изучением древних библейских языков – греческого и еврейского. Вот это языки, на которых я могу что-то сказать. Я всегда себя к переводу Священного Писания готовил.

Май 2011 года.

Из письма Михаила Кулакова

За десять лет до того, как папа создал Институт перевода Библии, он нам говорил, как это важно. И он всю жизнь шел к этому, готовился, изучал историю, текстологию Священного Писания, имел обширнейшие знания в области библеистики. Мне было семь или восемь лет, а он уже штудировал библейские языки. Когда мы жили в Казахстане, папа совершал церковное служение неофициально. А официально он работал преподавателем на курсах иностранных языков при Доме быта. И познакомился там с замечательным человеком, евреем, раввином, который подпольно совершал служение, а в Доме быта работал парикмахером. Они с папой подружились, он приходил к нам домой и читал еврейские тексты Библии.

А когда папа приехал из первой поездки в Соединенные Штаты Америки, он открыл чемодан, и мы увидели, что 80 % его содержимого

составляли книги! Это были подержанные книги из библиотек адвентистских университетов. Там были Ветхий Завет и Новый Завет в подлиннике на древнееврейском и древнегреческом, критические издания, ключи к чтению текстов, симфонии, лексиконы, словари, многоязычные параллельные издания текстов Священного Писания, другие переводы... Было у папы в библиотеке критическое издание самого древнего перевода Ветхого Завета на греческий язык, выполненного еще до Рождества Христова для обращающихся в иудаизм греков. Это самый древний перевод Ветхого Завета на какой-либо язык, перевод 70 толковников, известный как Септуагинта. Он тоже привез его тогда из Америки вместе с древнейшим переводом на латинский язык – Вульгатой.

Папа рассказывал нам о своем знакомстве со специалистом по древнегреческому языку доктором Леоной Иранинг, которая подарила ему много пособий. Она очень помогла в его работе. А еще раньше, в 1960-х годах, его друзья из Латвии подпольно страница за страницей фотографировали десятитомные комментарии. Другие его друзья – немцы, прекрасные столяры, изготовили специальные деревянные ящички. Каждый том – это был длинный-длинный ящичек, в который вкладывались эти маленькие фотографии. У папы была специальная луна, с помощью которой он читал эти комментарии, делая перевод отдельных фрагментов Нового Завета.

Он этим занимался давно, еще когда работал над своим первым подпольным журналом, который назывался «Стремление». Как-то ночью я проснулся – мы жили в Чимкенте, я учился во втором классе – и увидел: на полу стояла настольная лампа, папа ночью убирал ее со стола на пол, чтобы с улицы не было заметно, что в доме горит свет. Папа твердым карандашом под копирку сразу на 10 листов тонкой бумаги переписывал начисто очередной выпуск журнала. Тогда он мне не сказал, что делает, а просто сказал: иди спать! А потом объяснил... Так вот, когда он работал еще над журналом, он обращался к подлинникам, к другим переводам, сравнивал с синодальным переводом, видел и достоинства синодального перевода, и недостатки, упущения, промахи, неточности в передаче ключевых, очень важных мест. Порой он нам говорил, когда читал Библию: «Деточки, если бы вы знали, как это красиво звучит по-гречески!» или: «Если бы вы только могли понять, как это красиво по-еврейски!». Он рассказывал нам о том, какую огромную роль в христианском просвещении верующих людей сыграл в Европе перевод Мартина Лютера.

Он был под колоссальным впечатлением Послания Апостола Павла к Римлянам, от того, к какому зрелому, сознательному, глубоко личностному взаимоотношению с Богом призывает Апостол Павел. В то время в адвентистской среде, и не только в Советском Союзе, бытовало представление, что соблюдение заповедей может обеспечить спасение. Папа много об этом говорил и думал. И хотя принципы закона Божьего вечны и незыблемы, но силу духовную, чтобы поступать по заповедям, человеку может дать только пребывание Христа в сердце, когда наше сознание, душа наша отдается Богу. Папа видел в этом величайший смысл, и это дало такое раскрепощение его духовной жизни!

Он этим жил! И мечтал донести до всех слова о том, что Бог идет к каждому, к тебе лично, он стучит в твое сердце. Папа всегда подчеркивал,

как Бог уважает свободу отдельной человеческой личности. Он стучится к нам в сердце, но не вторгается в наше сознание...

Поэтому он хотел перевести Священное Писание, посвятить этому всю свою жизнь, отдать все свои силы. Еще в Чимкенте папа говорил, когда мы заканчивали среднюю школу: «Чтобы христианство стало живым в России, нам нужно овладеть русским языком настолько, чтобы мы могли использовать все величие русского языка, всю его красоту и богатство для того, чтобы передать глубину, красоту и могущество вечного Слова Божия». Когда Лина, старшая сестра, думала, куда ей поступать и что ей делать в жизни, он сказал: «Я готовлюсь работать над переводом Священного Писания, и мне нужно будет много помощников».

Беседа восемнадцатая (продолжение) Поселок Заокский, июль 2007 года

Мне интересно ваше отношение к другим попыткам современных переводов Писания на русский язык. Как вы их оцениваете?

Я очень положительно отношусь ко всякой попытке сделать перевод Священного Писания, конечно, если только эта попытка продиктована не меркантильными соображениями, а желанием передать читателю этот текст, сделать более доступным, обогатить прежний опыт. Читать его в оригинале могут не многие, а текст этот предназначен для каждого человека, живущего на земле, потому что это откровение Бога, данное людям в Его Слове. Поэтому работать и обновлять переводы необходимо постоянно, поскольку, во-первых, сам язык меняется, а во-вторых, расширяется и углубляется понимание Священного Писания. Уточняются тексты, которые мы переводим. Поэтому чем больше будет таких переводов, тем, как говорил священник Александр Мень, будет лучше для общества.

А традиционное православие как относится к попыткам переводов?

Меня огорчает тот факт, что у православной церкви не было интереса к переводу Священного Писания на протяжении столетий. На богослужениях пользовались славянским переводом. До сих пор считают, что славянский перевод прекрасен и благозвучен, что его фоника русскому человеку очень близка. Но все-таки люди должны испытывать наслаждение не только от звучания текста, но и от его смысла, то есть и разум свой питать. Бог говорил пророку Аввакуму: *Запиши то, что видишь, на табличках крупно начертай, чтобы вестник бегущий мог прочесть* (глава 2, стих 2). Весть должна быть ясно написана и прочитана.

Но, слава Богу, были замечательные православные деятели, иерархи, которые, несмотря на сопротивление значительной части православной церкви, дали русскому народу возможность прочесть этот текст в синодальном переводе, и им мы должны быть благодарны за него. Не одно поколение русских людей было приобщено к Слову Божьему через синодальный перевод. Поэтому я с большой благодарностью отношусь к этим людям, которые сделали наилучшее, что было возможно в то время.

Но, как мы знаем из истории Библии, специалисты, в частности, очень уважаемый мною Иван Евсеевич Евсеев, который возглавлял Библейскую комиссию при Священном Синоде, в 1917 году сделали очень важное заявление о том, что необходимо либо пересмотреть синодальный перевод, либо сделать совершенно новый. Потому что, как справедливо заметил Евсеев, синодальный перевод не выдержан последовательно, за основу он берет то еврейский текст, то греческий перевод. К тому же уже тогда язык перевода считался архаичным.

Об этом я говорил с иерархами православной церкви, впервые такой разговор состоялся в 1970 году, и тогда меня удивило, что некоторые отнеслись к этой идее с иронией. Когда я сказал, что текст Священного Писания в силу буквализма и из-за того, что многие слова устарели, сегодня просто не воспринимается, мне ответили: «Что же вы хотите, положить этот священный текст на газетный язык?». – «Нет, зачем на газетный? На доступный современному человеку язык». Но мне возразили: «Священный текст должен оставаться таинственным». Вот это мне кажется странным...

Но это отвечает представлениям многих православных служителей. Не знаю, как сейчас, но лет 10 назад мне говорили, что на чтение Ветхого Завета в православной церкви нужно специальное благословение. То есть Новый Завет должен быть доступен любому верующему, а Ветхий Завет, поскольку он для понимания сложен и там есть какие-то противоречия, читать вредно.

Верно, но для этого и нужно просвещение! И церковь призвана нести этот свет миру. Христос говорит: *вы свет миру, вы соль земли, вы мои свидетели*. Новый Завет подтверждает, что Ветхий Завет есть Священное Писание. Апостол Павел Тимофею пишет: *С детства ты знаешь Священное Писание, которое может умудрить тебя, дабы спасен ты был через веру во Христа Иисуса* (Второе послание к Тимофею, глава 3, стих 16). Когда Павел писал эти слова, Нового Завета еще не существовало. Апостолам Христа и самому Христу не казалось, что Ветхий Завет написан для каких-то избранных людей. Это был текст, который дан народу для того, чтобы им пользовались, чтобы его читали. Иисусу Навину было сказано: *Да не отходит сия книга закона от уст твоих; но поучайся в ней день и ночь, дабы в точности исполнять все, что в ней написано* (Книга Иисуса Навина, глава 1, стих 8). В свете Нового Завета ясней понимается Ветхий Завет. Но без Ветхого Завета невозможно понять Новый.

* * *

В 1999 году созданным Михаилом и Петром Кулаковыми Просветительским фондом «ДИАЛОГ» было осуществлено первое издание Института перевода Библии – «Евангелие и Псалтырь в современном русском переводе». В это время все Кулаковы уже жили не в России и мне пришлось заниматься организацией презентации. Презентация издания проходила 1 июня 2000 года в овальном зале Библиотеки иностранной литературы, вел ее отец Георгий Чистяков. Таково было желание Михаила Петровича. «Этот перевод – результат многолетнего вдумчивого чтения Слова Божия, прочтения Писания не сотни, а тысячи раз, – сказал в своем выступлении отец Георгий, – это не труд филолога-профессионала, за этой работой стоит опыт христианина, вся его жизнь». Говоря о различных переводах Священного Писания, отец Георгий подчеркнул, что чем больше появляется переводов, тем больше возможностей «приблизиться к оригиналу» открывается перед читателем, который в большинстве своем не знает греческого языка и иврита. При этом новый перевод отнюдь не «обезличенный», и это также позволяет глубже понять текст Священного Писания» («Русская мысль», 14 июня 2000 года).

Выход этого издания стал огромным событием, на презентацию пришли и православные священники, и адвентистские служители, и представители других конфессий. Присутствовали сотрудники Российского Библейского общества, газеты «Русская мысль», Христианского церковно-общественного канала, Ассоциации религиозной свободы, созданной в 1993 году по инициативе Михаила Петровича. Так труд Михаила Петровича еще раз объединил людей разных вероисповеданий...

Беседа с И.Я.Грицем, ректором и преподавателем Колледжа библейских основ церковных служений «Наследие» Москва, июнь 2011 года

Илья Яковлевич, вы сказали, что не было такой сферы творчества, в которой бы Михаил Петрович не разбирался или которая была бы ему неинтересна...

Он был тонким и глубоким ценителем и знатоком русской литературы. Он прекрасно ее знал, любил, и, может быть, именно это помогло ему в работе над переводом Священного Писания. Потому что это один из лучших переводов на сегодняшний день, я так считаю, и специалисты об этом говорят. Это прекрасный русский язык, не уличный, не разговорный, но в то же время и не язык высшего уровня, на котором уже никто не говорит (пользуясь классификацией Шишкова). Прекрасный, сочный, звонкий, прозрачный русский язык. И это – совершенно замечательно!

Вы знаете, что у Михаила Петровича было художественное образование?

Знаю, конечно. Мы говорили об этом, но он смущался, а мне не хотелось его смущать. Он очень любил русскую живопись, любил Репина. Репин до и после революции, после Гражданской войны – это совершенно другой, преобразившийся человек, глубоко верующий, переживший трагедию, потерю сына... Этого Репина конца 1920-х годов в России практически не знают. Но Михаил Петрович знал и с удовольствием слушал мои рассказы о нем. В музее Принстонского университета есть несколько работ позднего Репина, в том числе совершенно потрясающая Голгофа...

Знаете, чтобы понять, как человек относится к живописи или к поэзии, совсем не обязательно просить рассказать его о живописи или поэзии, достаточно посмотреть, как он слушает. Михаил Петрович был человеком, влюбленным в живопись и вообще в культуру. У него была страсть к языкам, он чуть ли не до последних дней своей жизни новые языки изучал. Это настолько не соответствовало характеру той религиозной традиции, в которой он воспитывался...

Адвентисты, которых я знаю и с которыми я общаюсь, – мои очень близкие друзья. Но когда мне приходится сталкиваться с другими людьми этой конфессии (я к ним отношусь с большой симпатией), то чувствую жестко выстроенные рамки поведения. Это, конечно, очень огорчительно, но ничего специфически адвентистского тут нет, это можно встретить в любой церкви, в православной в том числе. Поэтому радуешься, когда встречаешь такого широкого человека, как Михаил Петрович.

Он говорил: «Мы делаем перевод не для нашей церкви. Мы делаем перевод для России». Разумеется, очень многим администраторам, руководителям это не нравилось. Их можно понять, потому что любая административная деятельность – это деньги, планирование, отчеты. И вдруг им говорят, что они работают не на свою церковь, за которую несут ответственность, а на Россию, за которую, в общем, им отвечать не надо. Они не знали, как на это реагировать, и как-то с опаской смотрели на Михаила Петровича.

Когда он подал прошение об уходе со своего поста, чтобы полностью сосредоточиться на переводческой деятельности, по-моему, они вздохнули с облегчением... Я не считаю, что у него не было дара административной работы, дара управления – он был! Но он понимал, что есть что! Понимал, что дар переводческий, дар Библейский – это гораздо больше.

Он основал, он промолвил, можно сказать, протолкнул... Развалины, руины бывшей школы превратил в нечто роскошное, нашел деньги, чтобы построить семинарию. Он смущался, когда показывал мне новый корпус, представьте, смущался. У него вкус был отмен-

ный. Однажды, когда кто-то высказался по поводу архитектуры семинарии, он опять смутился, а я сказал: «Михаил Петрович! В конце концов мы готовы с вами и в тюремном бараке заниматься библейским исследованием, потому что нам не до архитектуры. Так что, слава Богу, что есть такое место, теплое, со всеми удобствами, где мы можем работать. Следующее поколение, возможно, будет нас ругать, что мы такие штуки строили, ну и пусть, ничего страшного. Мы свое дело делаем».

Какими принципами руководствовался Михаил Петрович при работе с людьми, в коллективе? Каким он был руководителем?

Руководителем он был твердым, с одной стороны, с другой стороны – внимательно и уважительно слушал суждение каждого. Даже те мнения, что были ему не по душе, обязательно выслушивал или прочитывал, обдумывал, чтобы дать ответ, найти аргументы за или против. Он не командовал – он спорил. Я не помню случаев, чтобы с ним были какие-то конфликты. Помните знаменитую максиму Честертона: «Я ненавижу ссоры – они мешают спорить». А он любил спорить, спорить по делу.

Работа по переводу была организована так: один человек переводил как бы начерно, передавал другим, а другие беспощадно критиковали, предлагали свои версии, потом кто-то эти мнения сводил, а окончательным вариантом занимался Михаил Петрович. У каждого участника была своя позиция, и он не настаивал, чтобы все обязательно приходило к согласию. Я считаю, что один из главных принципов перевода – перевод не должен сужать пространство смысла, потому что иначе он превращается в пересказ, причем пересказ с одной точки зрения, однолинейный. А в тексте этих линий бесконечно много. И это очень трудно – не сужать пространство смысла. Я считаю, что сносок надо давать как можно больше...

Чтобы читатель дышал полной грудью...

Очень часто это практически невозможно, как вы выражаетесь, дышать полной грудью. Это вообще моя мечта – сделать такой историко-филологический перевод, когда дается одна строчка, а за ней две-три страницы объяснений и вариантов, что это может значить. Комментарии и толкования – это уже другая ступенька, мы до этого еще не доросли. На Западе такие издания есть, а мы еще слишком нищая страна... И библеистики как науки у нас пока нет еще. Может быть, когда-нибудь появится.

А были коллеги, которые считали, что слишком много сносок мешают читать. Но я яростно стоял за сноски... И надо сказать, Михаил Петрович скорее моей точки зрения придерживался. Не меня поддерживал, а мою точку зрения. Я помню, когда мне дали на вычитку (не корректорскую вычитку, а содержательную) Книгу Исход, и когда я дошел до двадцатой главы, я вздрогнул, потому что Михаил Петрович переводил 10 заповедей. Надо сказать, что чисто филологически и переводчески – это очень хороший перевод. Но я представил себе простого читателя, который доходит до хорошего, но непривычного, немножко иного перевода – и все, книга отбрасывается! В 10 заповедях церковь живет в большом времени. 10 заповедей – то, что знают все христиане. По крайней мере, должны знать. Если не знают, какие же они христиане?.. Я тут же позвонил Ване Лобанову (старшему научному сотруднику Института перевода Библии): вы что натворили? Ваня смущенно сказал: «Это Михаил Петрович, его личная установка, мы ему писали и просили оставить, как было». И Ваня меня попросил: «Напишите вы ему, может быть, вас он послушает. Нас он не слушает, даже перестал отвечать на наши возражения».

Я долго думал, наверное, недели две, и написал ему примерно следующее.

Мы – не первые люди, которые занимаются переводом Библии, наверное, и не последние, это уже много сотен лет продолжается. И как только читатель увидит непривычную формулировку 10 заповедей, самый известный из всего Писания текст, он эту книгу отбросит, и тогда все труды, все старания наши окажутся напрасными. Давайте оставим как есть в синодальном переводе, давайте, как это в православной традиции называется, совершим

аскетический подвиг. Для переводчика аскетический подвиг – дать не лучший перевод, не свой любимый, а, может быть, несовершенный и устаревший, но привычный для людей.

Существует международная теория Библейского перевода, которая говорит: как только вы завершили перевод Священного Писания, а на это уходит не менее 25 лет, надо его начинать сначала. Язык за 25 лет меняется. Все меняется: синтаксис, лексика. Хорошо богатым странам. В Америке, например, есть 200 очень хороших переводов. Есть любимые мной, есть нелюбимые, но это не имеет значения, все они очень качественные. Они не связаны с какой-то одной конфессией, я там ходил во все церкви, и в каждом храме – католическом, православном, методистском, пресвитерианском, баптистском и так далее – на специальном столике лежали Библии, от 5 до 12 разных переводов. И человек может выбирать...

Извините, я уточню: в каждом храме лежали переводы разных конфессий?

В этом вся штука – эти переводы не конфессиональные, они научные. Америка – такая богатая страна, что может себе позволить сегментированные переводы, каждый из которых имеет свои особенности и направленность. Один перевод рассчитан на студентов старших курсов гуманитарных факультетов и младших курсов аспирантуры, другой – на женщин-домохозяек от 28 до 40 лет, которые живут с детьми. Есть гендерные переводы – это вообще вещь смешная. Там вместо слов мужского рода, обозначающих Бога, те же самые слова, но на латыни. Они тоже мужского рода, но для английского уха это не слышно. Есть расовые переводы, где убирают какие-то неполиткорректные слова... И все эти переводы находят своих читателей. Есть интерконфессиональные переводы, например «New Revised Standard Version», который сделал великий ученый Брюс Мецгер. Это был действительно один из величайших библеистов – новозаветников XX века.

Я имел счастье с ним познакомиться, светлый был человек, он умер 10 лет назад. Не знаю, был ли с ним знаком Михаил Петрович, но я уверен, что они бы подружились. Брюс Мецгер – текстолог, он искал наиболее достоверные греческие варианты, на которые можно опираться, чтобы делать переводы на разные языки. Но при этом прекрасный стилист в английском языке. Его «New Revised Standard Version» я люблю даже больше, чем русский текст. Когда я читаю по-русски, мне становится как-то тоскливо, я устаю от русского, а беру «New Revised Standard Version» – он такой прозрачный, и в то же время не душный. Там такой хороший английский язык, что его даже чтецы выбирают – не священники, не пасторы, не епископы во время богослужения, а чтецы.

Если вы пишете научную статью или труд о Библии, то цитировать нужно по «New Revised Standard Version».

Этот перевод и в Америке, и в Англии является образцовым. А в церкви его не используют! Почему? Я спрашивал и у католиков, и у лютеран... Они говорили, что он слишком труден для понимания, слишком высокий уровень языка. Понимаете? Видимо, я не настолько хорошо знаю английский, чтобы чувствовать, что уровень языка там слишком высок.

А если соотнести это с тем, что происходит в России?

В России совсем другая картина, и сопоставить трудно – 200 переводов и три-четыре перевода. Как это сопоставить? Это совершенно разные вещи. Но в России есть гениальный перевод, который не доведен до конца покойным Сергеем Сергеевичем Аверинцевым, изысканный, точный, красивый, когда его читаешь, просто радуешься, наслаждаешься. Но я ни разу не слышал, чтобы его в храме читали. Есть еще один критерий, критерий церковности – перевод должен хорошо звучать в храме. А перевод Аверинцева не для церковного чтения почему-то. Не знаю почему. Сергей Сергеевич был очень верующим человеком... А перевод Михаила Петровича я сам читал в храме, использовал во время православного богослужения. Великолепно читается! Великолепно! Адвентисты, конечно, тоже читают его в своей церкви.

Мало читают, к сожалению...

Конечно, все предпочитают синодальный перевод, с которым они родились и воспитывались. Но надо сказать, когда я читал перевод Михаила Петровича, люди после службы говорили: как вы сегодня хорошо читали, все было понятно. Я благодарил, но ничего не объяснял, зачем мне их смущать... А священникам потом показывал, что я читал. Вот, говорю, смотрите, и дарил эти книги: читайте!

Перевод Михаила Петровича по критерию церковности великолепен! Он просто великолепен! Очень внятно, очень ясно мысль начинает работать, ты начинаешь молиться... Я просил и своих друзей-католиков читать этот перевод, они пробовали и тоже были очень довольны. С баптистами труднее, потому что они гораздо консервативнее.

Так что надо заниматься переводом постоянно. В Америке это считается почетным и важным делом. Даже не очень богатые семьи там жертвуют деньги на новые переводы Библии. Богатые, конечно, тоже жертвуют.

Хотя у нас благотворительность уже есть, трудно представить, чтобы в России кто-то пожертвовал на перевод Библии...

Америка – библейская страна. Едешь в метро в Нью-Йорке, и треть пассажиров вагона читает Библию... В автобусах рейсовых, дальних тоже читают – девочки, мальчики, молодые и не очень, черные, белые, желтые, все читают Библию...

То, что в России так не читают и не знают Библию, наверно, связано с православной традицией, с запретами?

Несколько веков назад так было и на Западе. В католической церкви запрещалось читать и дома держать Евангелие, а Ветхий Завет тем более. Революцию произвел Мартин Лютер, но и после Лютера в католической церкви это запрещалось. И только в начале XX века папа Римский призвал всех читать Писание. В России к этому пришли перед революцией 1917 года.

В России в начале 1990-х годов в священники шли все подряд, люди хватались за какие-то древние книги. И в общем мало кто из священников разбирается в Писании, скажу вам откровенно. Вот я руковожу библейским колледжем. У нас много преподавателей, но один и тот же текст, одну и ту же главу каждый преподаватель, каждый библеист интерпретирует по-своему. Первое время у студентов просто голова распухает, а как же на самом деле? Я говорю им: как на самом деле, ищите сами, потому что Библия – это текст бесконечной сложности. Нет и не может быть единственной правильной интерпретации. Мы специально не согласуем свои позиции, не оговариваем, какой точки зрения надо придерживаться. Новый преподаватель приходит и спрашивает, а какая у вас установка? У нас нет установки. По совести и по вашему разумению. Но при этом оговаривайте обязательно, что есть и другие точки зрения. Есть безумные теории, которые надо, конечно, отбрасывать. А все, что не безумно, надо с интересом выслушивать. Но до такого уровня в России еще далеко. И адвентистам – тоже.

А когда перевод Ветхого Завета будет закончен, как вы думаете, какое место он займет в русской культуре?

Трудный вопрос. Дело в том, что в разных частях России идет работа над переводом. Почему я сказал, что в России нет библеистики? Есть выдающиеся переводчики – Кулаков, Селезнев, Десницкий, Смагина, Ошмарина-Великанова, но каждый работает сам по себе. В России библеистика – не наука. Наука – это, когда есть среда общения, когда есть возможность обсуждения, есть разные школы, команды. Команда в Заокском – она ведь такая маленькая...

Вот вышел перевод Российского библейского общества (РБО). Это особая история. Там был большой скандал, и я счел невозможным оставаться членом РБО и осенью вышел из него, потому что его превратили в бизнес-центр.

Но на сегодня перевод Кулакова – один из лучших, и это признают все независимо от конфессий, ранга и статуса. Библейская комиссия русской православной церкви очень похвально отозвалась о переводе Кулакова. Он признан достойным – среди других переводов. Попробуй не отзовись похвально, если текст качественный, очень качественный! Но, конечно, комиссия считает, что все равно надо делать свой перевод. Делайте, делайте! По моим подсчетам, сейчас существует около 50 переводов на русский язык. В основном ужасных, даже чудовищных... Но! Я приветствую издание любого нового перевода. Даже плохого. Это – пережной, понимаете? Ничего не вырастет, пока не будет почвы.

А может какой-то перевод заменить синодальный?

Один перевод заменить другой не может. В Британии и других странах отмечают 400 лет со дня издания «King James Bible». То есть за прошедшие четыре века было сделано множество переводов, и все равно есть люди, которые предпочитают «King James Version» и считают, что это образец английского языка, хотя известны его недостатки и ошибки. Недавно я встречался с молодыми пасторами, которые выросли на переводе Кузнецовой. И когда я что-то процитировал по синодальному, у них был шок! Оказывается, они никогда в жизни не читали синодального перевода. У меня тоже был шок. На мой взгляд, перевод определяет не богословие и не догматику. Он определяет тип церковности. То есть лет через 15 из них вырастут христиане какого-то другого разлива.

То есть перевод диктует не только стилистику служения, но и веру человека?

Это странно звучит, но поверьте – это правда. Священные тексты в том или ином переводе меняют ментальность человека. Маленьких детей в воскресных школах заставляют заучивать целые периоды из Евангелия, из Апостола Павла, и они могут оттарабанить 10 страниц, ничего не понимая. Но запоминается это навсегда! Потом они всю жизнь будут эти слова произносить, цитировать, молиться они будут, тоже используя эти заученные слова и молитвенные формулы. Слова из Евангелия превращаются в молитвенные формулы, и эти формулы влияют на внутреннюю структуру человека. Если использовать молитвенные формулы на церковно-славянском, структура будет одна, а если синодальный перевод – немного другая. Я не говорю – лучше или хуже. Просто – иная. Это формирует в конце концов и тип веры. Это надо понимать...

Перевод влияет даже на богословие: в классических переводах Иеронима Иисус назван «медиатор». По-русски это посредник, посредник между Богом и человеком. В общем позиция медиатора нейтральная, он равно должен прислушиваться и к тому, что сверху, и к тому, что снизу. По-славянски это же греческое слово переведено как «ходатай». А тут смысл, как вы понимаете, немного другой, он имеет направленность – снизу вверх. Если «Он наш ходатай», значит, Он вверх доносит наши прошения снизу, а не наоборот. То, что Христос – ходатай, понимает даже малограмотный православный человек, это у него в подсознании сидит. А любой католик знает совсем другое. И попробуй это совместить.

Дело не в символе веры, как многие наивно думают. Ничего подобного. Дело в очень многом, в том числе и в историко-культурном контексте тех или иных понятий и слов, которые доносят до людей разных культур Священное Писание.

Помню, когда я преподавал и проводил исследования в Принстоне, коллега пригласил меня в церковь. Попал на богослужение – не могу вспомнить, в какой церкви. Обычный зал, на сцене пастор проповедует. Он прыгает, кричит, поет, сбросил пиджак, развязал галстук, весь мокрый. Народ тоже поет. Кажется, что он ввел их в какое-то странное состояние... Поскольку в Америке только с интеллигентными людьми можно разговаривать на английском языке, а вообще там масса всяких диалектов, то я не понимаю, что он кричит и что они ему отвечают. Служба кончилась, пастор переоделся и вышел – совершенно нормальный, улыбающийся: ну как вам наше богослужение? Врать не хотелось, правду не скажешь...

Я говорю: «Ну, знаете, я такого никогда не видел!». И спросил: «А нет ли у вас какого-то текста типа «кредо», который бы вашу веру обозначал?». Есть, говорит, и на хорошем английском языке читает мне... Никео-Цареградский Символ веры.

Я чуть не упал! То есть с точки зрения Символа веры это все – православные люди! С тех пор я везде спрашивал про Символ веры и нередко получал очень неожиданные ответы.

Так что наивно думать, что если православные с католиками договорятся, то мы сразу станем родными и близкими. Ничего подобного. Есть вещи гораздо более глубокие, и перевод – дело очень ответственное.

Что я могу сказать о будущем десятилетия? 150 лет назад у всех христиан русской культуры был один единственный перевод – синодальный. И это было уникальное явление, потому что баптисты, адвентисты, католики и православные цитировали Ветхий и Новый Завет на одном и том же языке, молились и служили одними и теми же словами. Теперь все не так. Переводы становятся конфессиональными. Я не могу делать прогноз, но надеюсь, что при благоприятном, разумном развитии ситуации со временем перевод Михаила Петровича будет все шире и шире распространяться. Но может быть и иначе, то есть все переводы станут конфессиональными... Исключить этого нельзя.

Если переводы будут конфессиональными, видимо, это будет способствовать еще большему разделению верующих. Но ведь общий для всех синодальный перевод тоже не способствовал их объединению...

Но способствовал пониманию. По крайней мере, мы могли понимать друг друга. А когда в разных церквях будут по-разному читать «Отче наш» и 10 заповедей, все будет, может быть, гораздо сложнее. Может быть! Но в Америке разделения не произошло.

Америка более толерантна...

Тут я с вами согласен. Если в Америке какой-нибудь священник или пастор скажет в проповеди, что люди других конфессий – еретики и должны погибнуть, на следующую службу две трети прихожан не придут. Потому что это просто неприлично.

А у нас это прилично...

У нас это вполне прилично в любой церкви! Но своим переводом Михаил Петрович дает России надежду. Я не хочу сказать, что его перевод заменит синодальный. Повторяю – переводы не заменяют один другой. Но есть надежда, что этот внятный, разумный, красивый перевод будет использоваться в разных церквях. Когда он говорил, что работает для России, это была чистая правда, это была его жизненная позиция. Кстати, Михаил Петрович очень неплохо знал отцов церкви.

Да, некоторые их книги я видела у него в библиотеке.

У нас с ним общий любимейший автор – Василий Великий, это конец IV века. Василий Великий писал: представьте себе, что в абсолютно темную, безлунную и беззвездную ночь вы стоите на берегу океана со свечой в руке. Полоска воды, которая вам видна при свете свечи, – это то, что вы знаете о Боге, а между тем перед вами простирается бескрайний океан... Михаил Петрович понимал это очень хорошо. Он любил Василия Великого, и я тоже, и мы часто в разговорах его цитировали. Но эпоха Василия еще не пришла, он был открытый человек, он стоял не за слова. Жизнь, люди для него были важнее слов. Наверно, этим он был близок Михаилу Петровичу. Василий Великий был удивительный человек, до которого церковь не доросла до сих пор. Вы Символ веры знаете, и не могли не обратить внимания, что мы верим в Бога-Отца, в Бога-Сына, а Дух Святой Богом не назван. Почему? Собирались на Вселенском соборе в эту фразу вставить: «верую в Бога – Духа Святого». Но тут встал Василий Великий, которого бесконечно уважали, и который не дождался старости, умер в 49 лет, и сказал: «Знаете, в моем попечении есть церковь (в смысле община), очень хорошие люди, но очень простодушные. Если мы сейчас это вставим, они не поймут, и мы их сделаем еретиками. Если вы мне сейчас уступите и эту фразу не вставите, я умолю Духа

Святого, и Бог поймет это и примет. А в следующий раз мы это вставим». Настолько это для него было важно – жизнь и спасение тех 20–30 человек! У него был такой авторитет, что Собор пошел навстречу. Так что Василий готов был отказаться от догматических формул ради нескольких человек. Понимаете?

Да. Это – великий человек.

Это великий человек, поэтому его так и называли. Очень мало людей церкви имеют титул Великий: Макарий Великий, Василий Великий. Этот титул – не от церкви, а от людей. Но эпоха Василия Великого еще не пришла, когда ради отдельных людей мы будем готовы жертвовать словами, она впереди... Вспоминаю трагикомический случай из его жизни, когда Византийский император хотел заставить подписать Василия Великого какое-то догматическое определение, а он сказал: «Ни за что не подпишу!». Император говорит: «Я тебя казню за это». Он вздохнул, перекрестился и сказал: «Слава Богу! Меня перестанут мучить боли в печени». Михаил Петрович это все знал.

Михаил Петрович был очень широким, свободомыслящим человеком, читал православных отцов, очень уважал папу Иоанна Павла Второго, что для адвентистов почти невозможно. При этом он оставался убежденным адвентистом и веру, которую ему дали в семье, которую отец и дед пронесли через всю жизнь, не предал. За нее сидел, страдал. Как это соединялось в одном человеке?

Есть такие два понятия, которые в русском языке звучат почти одинаково: вера и верность. Вера и верность. Они – не тождественны, но они близки. Михаил Петрович несомненно веровал, что Господь Иисус Христос – Сын Божий, он веровал, что Библия – это слово Божие. Это его вера. И была верность – верность семье, верность традиции, верность отцам, из рук которых он получил эту веру. И отойти от этого, отойти от своей церкви – это означало быть неверным. Понимаете?

Вера и верность – они очень непросто сочетаются. Иногда ради веры и ради верности люди меняют церковь, и к этому относишься с большим уважением, потому что понимаешь, почему. А иногда человек чувствует, что ему в церкви тесно... И я думаю, не случайно он уехал из России. Ему тут было душно, ему было тут тесно, и он сменил место жительства, чтоб сохранить верность своей церкви. Это мое мнение. Возможно, все было сложнее... А там он был свободен. И Михаилу-младшему там свободнее. Он в Вашингтоне работает в Адвентистском университете. И когда я ему сказал, что у меня много друзей в Джорджтаунском университете, по соседству, он ответил, что у него тоже много там друзей. То есть профессор адвентистской академии дружит с профессорами православной и католической академий. В России это невозможно представить. А для Америки это совершенно нормально и естественно.

Вера и верность. Нельзя верить в Бога и не быть верным. Быть верным отцам, быть верным своей церкви, своей общине, потому что вера должна быть видна из дел, из поведения. Если говорить обо мне, то я знаю, что в моей церкви масса немощей, трудностей, и того, что мне совсем не по сердцу. Но я никогда из нее не уйду, потому что это будет проявление моего неверия.

Из беседы с Михаилом Кулаковым Май 2011 года

Когда Михаил Петрович узнал, что неизлечимо болен?

В конце октября 2009 года он почувствовал первые симптомы раковой опухоли, он это описывал как какие-то мгновенные отключения в мозгу: вот он сидит за компьютером и вдруг на какое-то мгновение теряет сознание. Сначала он думал, что это следствие неправильного питания, потому что у него было очень крепкое здоровье. И диагноз поставили ему не сразу... Помню, я раздал студентам экзаменационные вопросы, сел, включил компьютер, загрузил электронную почту, и вижу – Петя мне от Аленки переслал папин диагноз... Я тут же написал ему все, что у меня на душе было, и о папе, и о его проекте перевода Библии, и о том, что нам нужно сейчас подстраховать этот проект и защитить его любой ценой, любыми средствами. Потом все начало разворачиваться очень стремительно... Что меня более всего удивляло в папе, это то, что он сохранял удивительное спокойствие. С момента, когда Алена сказала ему диагноз и что он означает и каковы последствия, мы ни разу не заметили у него паники, депрессии, страха... И даже отрешенности не было, а было какое-то спокойствие, умиротворение, доверие Богу.

Мы прилетели с Людой в Калифорнию на Новый год, 30 декабря, фактически для того, чтобы с папой попрощаться. И все дети один за другим стали к родителям прилетать по очереди, потому что у них очень маленький домик, там невозможно всех сразу разместить. Мама вспоминает, что папа однажды у нее спросил: «А что, дети прилетают, чтобы со мной попрощаться?». Примерно за месяц до нашей поездки в Калифорнию Танюша купила книгу, которая называется «Теряя родителя». Она написана психологом, женщиной, которая потеряла свою маму. И мы с Людой читали эту книгу, это было так тяжело... Иногда, когда дома никого не было, я просто ложился на диван и плакал. Хотя папа был жив еще. Но опухоль быстро увеличивалась...

Раз звонишь – твой родной папочка с ясным светлым умом с тобой общается. В другой раз позвонишь – искаженная замедленная речь, тембр голоса совершенно чужой... И вот это было самое болезненное. Это было чудовищно тяжело. А когда мы прилетели к нему в конце декабря 2009 года, папа был в довольно хорошем состоянии. Мы сели все за новогодний стол, папу посадили во главе стола. Он очень мало говорил в эти последние недели, потому что, мне кажется, какая-то часть мозга уже была отключена. Но он как-то пытался сосредоточиться и адекватно реагировать, конечно, в той степени, в которой позволяла ему болезнь. Мы сидели все вместе и старались деликатно не замечать, в каком папа находится состоянии... И вдруг Павел, Аленкин муж, который отличается удивительным чувством юмора, какой-то смелостью и непринужденностью, вдруг на него посмотрел, улыбнулся и спросил: «Папа, вот вы сидите вместе с нами, едите, молчите. А интересно, о чем вы сейчас думаете?». Папа посмотрел на него и сказал: «Сейчас я думаю о том, какого вкуса будет пища в Вечности». И улыбнулся так по-отечески, как раньше...

Все эти два дня мы с ним общались то за столом, то показывали видеосъемку моментов нашей жизни. Папа сидел на диване и как только видел новую книгу, брал ее и начинал перелистывать. Потом на обложку посмотрит: «Сколько же интересных новых книг выходит!». Скажет так, и опять уйдет в себя...

В субботу, когда мы с Людой пришли к нему, папа прочитал нам несколько отрывков из псалмов. Прочитал в разных переводах, отметив, как удачно еврейское выражение тут переведено на немецкий. Это было очень красиво, и глубоко, и назидательно. И помолились мы вместе. В воскресенье мы улетали и перед этим пришли к нему попрощаться, сели на диван, вместе посидели. Мама рассказывала, что она планирует сделать в доме, и как папа ей в этом

поможет. И он так охотно соглашался... А потом, когда подошло время нам прощаться, мы встали, и он как всегда перед молитвой руки распротер, нас с Людой обнял, маму к себе прижал и говорит: «Миша! Я тебе очень благодарен за то, что ты готов завершить перевод Священного Писания, если Господь найдет угодным, чтобы моя жизнь закончилась. Я доверяю Богу, я знаю, что Он это сделает. И давайте помолимся о том, чтобы Господь дал тебе силы и мудрости и послал людей, которые помогут его достойно завершить». Он помолился очень искренне, просто, глубоко, и мы расстались.

Миша, я слышала, что Михаил Петрович до последнего не верил, что он уйдет, потому что считал, что Господь не может его забрать, пока он не завершил перевод. Это правда?

Да. У него была такая уверенность. Он говорил нам, что один из переводчиков Библии на немецкий язык – Менге – жил до 100 лет. Годам к 85 он завершил весь перевод, потом оставшиеся годы его выверял, редактировал, корректировал, вносил правку... Нет, папа не был категоричен, самоуверен, но он считал, что это возможно, если Господь найдет это нужным. Господь дал ему очень хорошее здоровье, к 80 годам у него не было никаких недугов и болезней. Хорошее зрение, крепкое сердце, он не чувствовал усталости, мог по 18 часов работать. Он верил в то, что Господь позволит ему завершить его труд... И эта вера ему помогала.

Лет за шесть до смерти у него ведь обнаружили другую раковую опухоль, лимфому, он прошел несколько сеансов химиотерапии, сильно ослаб, у него выпали все волосы, но затем полностью восстановился. Единственный раз он мне пожаловался на здоровье в 2009 году, когда сказал, что впервые за все эти годы чувствует какую-то слабость в ногах.

Он говорил тебе, что ты должен продолжать его дело?

Он был очень мне благодарен, когда в 2006 году я принял решение помогать ему в осуществлении этого проекта. С конца 2006 года мы работали вместе по всем кардинальным вопросам и сложным местам. Я помогал ему списываться с консультантами Объединенных библейских обществ, я ездил на Международные конференции по библеистике, общался с Международной ассоциацией специалистов по библеистике. Я помогал ему во всем, что касалось переписки со спонсорами и с Советом попечителей, помогал вычитывать варианты текста и так далее. Мой брат Петр обеспечивал компьютерную поддержку, помогал в освоении новых версий программы Windows, библейских программ, таких как BibleWorks, и других электронных средств, с которыми работают переводчики Священного Писания...

Из письма И.Я. Грица, ректора и преподавателя Колледжа библейских основ церковных служений «Наследие»

В католической традиции есть люди, которым церковь присваивает титул – Учитель Церкви, «магистр Крезиа». Иногда это богословие, иногда это молитва, иногда это аскеза, а иногда это образ жизни, как у Терезы Малой или у Терезы Авильской. Для меня Михаил Петрович – это Учитель церкви. Учитель церкви, который не спорил ни с кем, не уходил из своей церкви, но он знал, на что его Господь призвал. И он учит нас, не только учил, но и учит в настоящем времени, что независимо от того, что ты делаешь, в какой ситуации ты живешь, умираешь ты или еще жив, ты должен делать то, на что тебя Господь поставил. Вот урок жизни, который он преподал мне лично, и я учусь у него. Он уже знал, что тяжело и безнадежно болен. И он спешил и торопился, и мы тоже спешили и торопились, чтобы порадовать его. Я почти не общался с ним в последние недели, ему уже трудно было писать, и читать даже было трудно.

В конце концов все пройдет, все, что имеет начало, имеет и конец, кроме Писания и церкви. И значит, память о людях, которые отдали

свою жизнь церкви, Библии, останется навечно. Кто сегодня помнит произведения Вергилия? Пройдут столетия, так же забудется Пушкин, возможно, уйдет и русский язык. Но церковь останется. И останется память обо всех, кто верил во Христа и кто работал над словом Божиим. И это тот урок, который дал нам всем Михаил Петрович. Каждый должен делать свое дело и понимать, что он живет в церкви, то есть в большом времени.

* * *

Михаил Петрович скончался в среду 10-го февраля 2010 года в окружении семьи в Хайлэнде, штат Калифорния. Говорят, что будучи уже в полубессознательном состоянии, он постоянно молился. Думаю, не только родные и близкие, которых он оставлял на земле, присутствовали в последних его молитвах. Уверена, пока он мог, он молился и за Россию, которая была и осталась его страной....

12 февраля в Интернете на странице памяти Михаила Петровича Кулакова появилось письмо его старшей дочери Евангелины Романовой (Кулаковой), адресованное отцу: «Ваша смерть – это еще одна возможность рассказать о вашей жизни и о том, как много удивительного Господь может сделать через одного человека, чье сердце вполне предано Ему».

Почти два года я работала над этой книгой. Иногда целыми днями расшифровывала беседы и разбирала письма. Составляла и собирала из этих фрагментов, как из пазлов, единую линию жизни Михаила Петровича, анализировала и додумывала ответы на свои же вопросы. Иногда неделями не прикасалась к материалу, потому что повседневная жизнь и работа диктуют свои правила, и приходилось заниматься чем-то совсем иным. И беседы с Михаилом Петровичем лежали в файлах моего ноутбука и ждали своего часа... Но чем дальше я продвигалась в постижении необыкновенной судьбы этого человека, тем более исполнялась благодарности Богу за то, что однажды он привел меня в поселок Заокский.

Однажды, проповедуя с кафедры в Заокской семинарии, Михаил Петрович вспомнил о том, как, будучи студентом художественного училища, писал маслом картину, изображающую зимнюю ночь. Он написал заснеженные холмы, деревья, зимнюю дорогу, деревенский домик вдалеке... Но картина не получалась, чего-то в ней не хватало... Подошел его учитель (не любимый ли им Данилевский?), взял кисточку и поставил в окне домика маленькую светящуюся точку, как будто зажег свечу. И от единственной точки-свечи изменилась вся картина, все заиграло – и заснеженный лес, и дорога! Потому что в окне домика появилась жизнь, появился свет... Михаил Петрович сравнил тогда эту точку света с верой, которая зажигается в душе человека, озаряя и изменяя всю его жизнь. А я, вспоминая его рассказ, думаю о том, как много может изменить и озарить все вокруг Божественным светом один человек – крошечная светящаяся точка в необъятной Вселенной. Если он верит.

Постскриптум

Стихотворение Константина Кулакова, внука М.П.Кулакова

Вашингтон, 2011 год.

If We Burn them Altogether

I.

I say, «Never place one on top of the other».
At my bedside, the Qu'ran lies not far from my Bible.

II.

Over cold salads, a woman fires-out,
«And what the hell's the Qur'an?! The Bible is truth».

To our quick-drying sea of English phrases,
this ancient word comes

from the far, wispy guttural of the Arabic
Qirā'a, meaning «reading, recitation». It comes

only by name, a sound she mouths: Koran.

III.

This thin girl brought a heavy name
to my tongue. She told me, «I'm Muslim

...we read the Qur'an». And my ear snatched
this sound, a dreamy boy, entranced

by the look of dark eyes on the honey
of Bengali skin. Weeks later, dizzy from lust,

I spun my way into a bookstore, finding
Bible and Qur'an, side by side, to be taken.

IV.

«You know they cut-off hands?» they told me.
«You know they slay infidels?» they added.

As I turned each, unread page,
I was a child in Arabia, uncovering

crumpled texts from sand. I imagined
a young Muhammad, thirteen centuries ago,

hearing Jibrael first whisper these words:
Recite in the name of your Lord who created —

Created man from clots of blood.
Recite, and your Lord is the most Generous —

Who taught by the pen —
Taught man that which he knew not.

V.

In Moscow, a man holds his bloodied forehead.
Front-page Express reads «Islamic Bombing».

In Baghdad, a man carries a just-severed head, crying,
«Allahu Akbar! Allahu Akbar!» through the blank room.

Recite in the name of your Lord who created —
Created man from clots of blood...

I walk in my darkness and listen for the whisper.

VI.

We troll through the gleaming, yellow-green park,
«My dad was asking what happened to us,

what happened to us Muslims?» she tells me, smiling.
«What happened to our empires, our science, math,

and art?» I say nothing to this. Instead,
I cut her off, and press-on about class,

carrying the thoughts of my teacher:
«The more books we read from them,

the less likely we'll be to drop bombs on them».
I add, «If only we could break the code of Arabic..

If only we can read-out dreams, each to each, if only...»

VII.

Tonight,
I watch crowds in Pakistan protest the Pope,
hailing the man who killed a scorned lawyer.

«He tried to change the law,» says the Imam
about the lawyer. «He's the Pope's agent,» adds another.

I pace around my bed, consoling, maybe now,
maybe now, I should start on my old, little project.

That untrodden region Keats told me about.
That room in my mind, where, not far from the corner

piles of thin wishes cover with dust. There,
above Qur'an and Bible, two, different Heavens

rise-up and conjoin: it is rivers of milk; streets
of gold; hairless companions, and pearly gates.

I leave these thin wishes as words on a page. Here,
at my bedside, the Qur'an lies not far from the Bible.

* * *

«Если мы сожжем их вместе...»

I.
Говорю: «Никогда не клади одну на другую».
У меня в изголовье Коран и Библия лежат рядом.

II.
подавая закуски, хозяйка выпалила:
«Да дался тебе этот Коран?! В Библии – истина!»

К мелеющему нашему морю английского
это древнее слово приходит

издалека, из легкого и гортанного арабского
Кира'а, что значит «чтение, декламация». Приходит

только в имени, в звуках с уст ее: «Коран».

III.
Тонкая девушка вложила тяжесть
мне в уста. Сказала мне: «Я мусульманка

...мы читаем Коран». Я на слух ухватил
этот звук, мечтатель, околдованный

взором карих очей среди меда
бенгальского лица. Спустя неделю, страстью опьяненный,

я завернул в магазин и вот на полке

Библия и Коран, стоят рядом, бок о бок.

IV.

«Знаешь, они отрубают руки?» – говорили мне.
«Знаешь, они убивают неверных?» – добавляли.

Перелистывая страницы нечитанные,
я был мальчиком в Аравии, откопавшим

из песка измятые списки. Я представил
юного Мухаммада, как тринадцать веков назад

он впервые Джабраила услышал, тот шептал ему эти слова:
«Читай, во имя Бога твоего, кто сотворил —

Кто создал человека из сгустка крови.
Читай! Господь твой самый щедрый, —

Он – Тот, кто человеку дал перо И научил письму,
А также обучил тому, что он не знал»⁹.

V.

В Москве: кто-то ладони прижал к окровавленной голове.
В газете во всю полосу: «Теракт исламистов».
В Багдаде: кто-то держит отсеченную голову, крича:
«Аллах акбар! Аллах акбар!» – в пустой комнате.

«Читай, во имя Бога твоего, кто сотворил —
Кто создал человека из сгустка крови...»

Я иду в темноте и слушаю тот же шепот.

VI.

Мы бродим по парку, серебристо-желто-зеленому...
«Папа спрашивал: “Что же случилось с нами,

с нами, мусульманами? – говорит она мне, улыбаясь. —
Куда подевались наши империи, с их культурой, наукой

и искусством?”» Я ничего на это не говорю.
Вместо этого, перебивая её,

делюсь с ней мыслью моего учителя:
«Чем больше мы читаем их книг,

тем меньше мы сбросим на них бомб».
И добавляю: «Если б мы могли взломать код арабского...»

⁹ Коран. Перевод смыслов В. Пороховой. Сура 96 «Сгусток», айты 2–5. Каир, 1997. С. 620.

Если б мы могли читать мечты друг у друга, если бы...»

VII.

Вечером

вижу в Пакистане толпы протестующих против папы,
восхваляющих убийцу презираемого ими юриста.

«Он дерзнул изменить закон», – говорит имам
об этом юристе. «Он – папы агент», – добавляет другой.

Я шагами меряю спальню, утешаю себя, может, время,
Может, время теперь вернуться к прежней моей задумке.

К той нехоженной дали, о которой говорил мне Китс.
К той комнате в уме моем, где, за шкафом,

груды хрупких желаний пылью уже покрылись. Там,
где над Кораном и Библией два разных неба

сливаются воедино: молочные реки и улицы
золотые, безволосые спутники и врата из жемчуга.

Я оставляю эти желания в виде слов на листах. Здесь,
у меня в изголовье Коран и Библия лежат рядом.